

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 1 (71). 2015

Этот выпуск журнала осуществлен при поддержке
Генерального консульства Японии в Санкт-Петербурге и компании JTI

Содержание

Приветственное слово председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Е. Д. Григорьева.....	3
Обращение к читателям Генерального консула Японии в Санкт-Петербурге господина Ёсихиро Ямамура	4
М. Ф. Мудрак, А. В. Филиппов Роль Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества и Общества дружбы «Россия – Япония» в межкультурном диалоге России и Японии.....	5
ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ М. Кадзи Ветка сакуры в генеалогическом древе Менделеева: японская внучка Д. И. Менделеева.....	9
В. С. Измозик «Японский шпион» в НКВД.....	14
ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ СТРАНИЦУ ИСТОРИИ К. Б. Васильев Первое описание Санкт-Петербурга и первый японец в России	17
В. В. Рыбин Дэмбэй – первый японец в Санкт-Петербурге и первая школа японского языка на берегах Невы	26
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ Н. А. Самойлов Российско-японские отношения в 1906–1916 гг. (по материалам из фондов Российского государственного исторического архива)	28
О. И. Молкина «Йомей Мару» – корабль гуманизма.....	34
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ З. В. Кравчук Японский адрес в Петербурге: Итальянская улица, 27	40
МУЗЕЙ ПЕТЕРБУРГА Л. И. Амирханов Народный музей Русско-японской войны.....	43
ДУША ПЕТЕРБУРГА Е. А. Спист Японская лирика в музыке петербургских композиторов.....	46
БИБЛИОТЕКИ ПЕТЕРБУРГА Е. А. Филиппов Российско-японское сотрудничество и книгообмен в истории Российской национальной библиотеки. К 200-летию ее открытия	50
М. Л. Васюкова Японский журнал «Костер», «Сказка про кота, который жил миллион раз», «Кохару – маленькая японская весна» и другие истории из жизни Детской библиотеки истории и культуры Петербурга.....	56
Т. А. Черная У истоков российско-японских ботанических связей	62
ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ А. В. Гринёв Первый посланник Петербурга (к 250-летию Н. П. Резанова и 210-летию его посольства в Японию)	69
Н. В. Селезнев Мост из Санкт-Петербурга в Японию	76
И. И. Басс Японские студенты в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств....	79
СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ А. И. Тихоцкий, М. А. Тихоцкая От военного конфликта к истокам дружбы и взаимопонимания	83
Г. А. Гребенщикова Петербург – Симода: миссия успешна	90
Е. Г. Удалова Мои родственники – участники Русско-японской войны.....	97
Об авторах	104

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор
Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор
Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)
Е. Я. Кальницкая, доктор культурологии
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор
Е. И. Краснова
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор
Ю. А. Молин, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ
О. И. Молкина
Ю. В. Мудров
В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор
Р. Э. Павлова
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор
В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор
И. М. Триодина, кандидат культурологии, доцент
В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

А. А. Жигалова, выпускающий редактор

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МПТР РФ

Учредитель С. Н. Полторак

Куратор журнала О. В. Гордеева

Адрес редакции и издателя

195220, Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300

Почтовый адрес: 195220, Россия, Санкт-Петербург, ООО «Полторак» (до востребования)

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

poltorak2006@yandex.ru

www.poltorak.spb.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2015

© Авторы публикаций, 2015

© Издательство «Полторак», 2015

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Фасад здания Генерального консульства Японии в Санкт-Петербурге (бывший особняк Д. А. Лобанова-Ростовского). Фото 2015 г.

На 4-й странице обложки — Особняк Д. А. Лобанова-Ростовского. Арх. Ю. Ю. Бенуа совместно с Р. К. Мюллером (Миллером), 1875–1876. Рисунок любезно предоставлен Генеральным консульством Японии в Санкт-Петербурге.

Приветственное слово

председателя Комитета
по внешним связям Санкт-Петербурга
Е. Д. Григорьева

Дорогие друзья!

Приветствую вас на страницах журнала «История Петербурга», посвященного сотрудничеству Санкт-Петербурга и Японии и раскрывающего широкую палитру глубинных взаимосвязей наших двусторонних отношений.

Северную столицу России часто называют «городом мостов» или «музеем мостов». Количество переправ в Санкт-Петербурге и пригородах насчитывает несколько сотен, а самый длинный из них больше 2,5 километров. Есть и «невидимые» дружеские мосты, которые соединяют наш город и его партнеров по всему миру. И здесь, пожалуй, в числе лидеров по протяженности можно назвать мост между Санкт-Петербургом и Японией. Расстояние в 7500 километров между побережьем Балтийского моря и Тихого океана было преодолено с легкой руки императора Петра Великого буквально с первых лет создания нашего города, когда в 1705 году в новой столице стали преподавать японский язык. Эти традиции поддерживаются и по сей день. Современные петербургские школьники достигают весьма высоких результатов в изучении японского языка, что подтверждается оценками на международных экзаменах. А Санкт-Петербург признается одним из крупнейших в России центров востоковедения.

Сегодня Япония входит в десятку крупнейших экономических партнеров Санкт-Петербурга. По итогам 2014 года товарооборот между Санкт-Петербургом и Страной восходящего солнца составил более 2 млрд долларов США, что соответствует 7-й строчке в рейтинге торговых партнеров города. Кроме того, в Санкт-Петербурге работают десятки компаний с японскими инвестициями, среди них два завода известных автопроизводителей и крупное совместное российско-японское предприятие по производству трансформаторов. И потенциал сотрудничества далеко не исчерпывается уже реализованными проектами. Санкт-Петербург, являясь одним из крупнейших российских научно-образовательных центров, в котором сосредоточено более 10% всего интеллектуального потенциала страны, сегодня активно развивает экономику знаний и приглашает заинтересованных партнеров к поиску новых форм взаимодействия.

Календарь культурной и деловой жизни Санкт-Петербурга украшает множество ярких и самобытных событий, инициированных Генеральным консульством Японии в Санкт-Петербурге, Японским центром в Санкт-Петербурге, Обществом дружбы «Россия–Япония», Японской организацией содействия развитию внешней торговли (JETRO). Поэтичность, образность и глубина японской живописи, фольклора, театра, искусства икебаны, оригами

и множества других составляющих богатого культурно-исторического наследия Страны восходящего солнца увлекают, без преувеличения, тысячи россиян и петербуржцев. Живо иллюстрацией искреннего интереса горожан к японским традициям может стать недавно появившийся в Северной столице обычай встречать «День любования сакурой». Как известно, специально для нашего города один японский фермер вырастил 150 устойчивых к морозам деревьев. Кроме того, неизменной популярностью пользуются традиционные фестивали «Японская осень в Санкт-Петербурге» и «Японская весна в Санкт-Петербурге», которые включают лекции, мастер-классы, выставки, кинопоказы и т. д.

Существенный импульс для развития двусторонних контактов дают совместные мероприятия, проводимые на уровне регионов-партнеров. В прошлом году мы торжественно отметили 35-летие установления побратимских связей между Санкт-Петербургом и Осакой. Состоялись взаимные визиты представительных делегаций наших городов, были налажены деловые контакты между компаниями в области водоочистки, запланирован новый визит петербургской делегации в Осаку в декабре грядущего года. В этом году нас объединила и другая круглая, но на этот раз скорбная дата. По случаю 70-й годовщины атомных бомбардировок японских городов Хиросима и Нагасаки Губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко направил письмо солидарности в газету *Chugoku Shimbin* (Япония, Хиросима). В письме губернатор отметил, что «Вторая мировая война унесла десятки миллионов жизней во многих странах. Эта величайшая трагедия всего человечества до сих пор остается незаживающей раной в наших сердцах. Тяжелые испытания в годы войны выпали на долю Ленинграда. Наш город пережил 900 дней блокады – голода и холода, бомбежек и артобстрелов. Поэтому ленинградцы-петербуржцы глубоко осознают боль и тяжесть трагедии Хиросимы и Нагасаки». Так, изучая нашу историю во всех ее красках и аспектах, мы выносим для себя важные жизненные уроки и строим наше настоящее исходя из принципов мира и непреходящих гуманистических ценностей. Поэтому я особенно приветствую издаваемый журнал, представляющий уникальное собрание авторских материалов об истории выдающихся людей и исторических событиях, сыгравших большую роль в развитии двусторонних отношений, рассказов об интересных петербургских адресах, имеющих значение для обеих стран, и так далее. Я искренне надеюсь, что это издание поможет читателям открыть для себя новые грани сотрудничества Санкт-Петербурга и Японии и, возможно, подскажет следующие шаги для его развития.

Обращение к читателям Генерального консула Японии в Санкт-Петербурге господина Ёсихиро Ямамура

Я очень рад, что в свет вышел специальный номер журнала «История Петербурга», посвященный Японии и японо-русским связям.

Японию и Санкт-Петербург разделяет большое расстояние. Чувствуют ли петербуржцы, что Япония – сосед России? Я лично – сомневаюсь. В самом деле, японцы встретились с русскими только триста с чем-то лет тому назад. Мало того, мы должны были ждать ещё добрых сто пятьдесят лет до установления официальных государственных отношений, тогда как с Китаем и Кореей Япония имеет историю государственных связей более тысячи лет.

С другой стороны, насколько реально чувствуют японцы Россию как соседнюю страну? Разумеется, на карте это видно наглядно, но мне кажется, что большинство японцев ощущает большее расстояние до России, чем до Китая или Кореи.

Ясно, что на психологию людей влияет не столько географическое расстояние, сколько продолжительность взаимоотношений двух народов. То есть и японцы, и россияне еще мало знают друг друга. Но не надо впадать в пессимизм. Благо у нас уже сложился благоприятный фундамент, на котором можно было бы выстроить более добрые, более стабильные отношения. Я имею в виду взаимный интерес обоих народов к культуре другой страны.

Не знаю, сколько раз я затрагивал эту тему здесь, в Петербурге. Об огромном влиянии русской художественной литературы XIX века, под которое полностью попала Япония в начале XX века и которое и сейчас сказывается на наших современниках; о драматургии России конца XIX – начала XX века, оказавшей решительное влияние на становление современного театра Японии; о русских классиках музыки, в частности Чайковском, без которых стали бы гораздо скуднее программы концертных залов нашей страны.

Мы всегда благодарны русским за их постоянный интерес к традиционной и современной культуре Японии. Об этом, уважаемые россияне, вы знаете лучше меня.

Мы, дипломаты, прикладываем усилия к тому, чтобы история отношений между Японией и Россией наполнялась добрыми делами, насколько это возможно. Но такая работа выполнима только тогда, когда люди наших стран отдают себе отчет в важности сотрудничества. Одних усилий чиновников здесь недостаточно. Хочется надеяться, что этот спецвыпуск журнала «История Петербурга» поможет жителям Санкт-Петербурга и россиянам в целом обогатить знания событий нашей истории, касающихся Японии и России, а также углубить взаимопонимание между народами наших стран, на основе которого должны выстроиться наши самые добрые отношения.

В заключение, выражая искреннюю признательность всем авторам статей, хочу особо остановиться на работе В. В. Рыбина о первом японце в Петербурге, ставшем здесь преподавателем японского языка. Тем самым Петербург помнят у нас как город, где впервые за границами Японии началось обучение японскому языку, что вызывает особую симпатию у японцев к этому городу.

С большой печалью вынужден добавить, что Виктор Викторович скончался в Японии в декабре прошлого года, не увидев этого выпуска журнала.

Роль Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества и Общества дружбы «Россия — Япония» в межкультурном диалоге России и Японии

М. Ф. Мудрак, А. В. Филиппов

Современная ситуация, сложившаяся в мире, диктует необходимость объединения и координации ресурсов общественной дипломатии, гражданского общества с усилиями государственных органов в создании и укреплении атмосферы доверия по отношению к России в Японии. Ведь несмотря на изменения в политических отношениях между нашими странами, их культурные связи, контакты между людьми остаются залогом стабильности. Это самый надежный путь к преодолению стереотипов и недопонимания.

Общество дружбы «Россия — Япония» и его члены сохранили потенциал общественной дипломатии, выстраивая действенную модель развития межкультурного диалога, отвечающую современным реалиям. Развивая новые формы гуманитарного партнерства, Общество учитывает значимость исторических и традиционных связей. Большой интерес петербуржцев к японской культуре и японцев к нашему городу способствуют появлению новых интересных идей и форм сотрудничества.

Организация, правопреемником которой является Ассоциация международного сотрудничества, была основана в 1925 году как Всероссийское общество культурных связей с границей. Оно стояло у истоков народной или, как принято говорить сейчас, общественной дипломатии. В 1960-е годы, когда шел активный процесс создания Обществ дружбы с зарубежными странами, его правопреемником стал Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Фактически на-

Общественная дипломатия как инструмент «мягкой силы» занимает значительное место в динамичном диалоге культур и двусторонних связях Петербурга и Японии.

Одним из наших важнейших ресурсов в этой области остаются прочные, наработанные годами связи с отечественными и японскими партнерами, деятелями культуры, парламентариями, представителями академического сообщества. Инициативы Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества (СПб АМС) и Общества дружбы «Россия — Япония» всегда были успешным дополнением к усилиям городских властей — Комитета по внешним связям, Законодательного собрания — по созданию благоприятного климата для развития сотрудничества.

Встреча с мэром г. Такэты в Комитете по внешним связям

чаев деятельность уже с 1958 года, Ленинградское отделение Общества «СССР — Япония» было формально учреждено в 1961 году, войдя в состав Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы (ЛО ССОД).

В 2010 году на крупном Международном форуме в Москве отмечалось 85 лет народной дипломатии в России. На форуме была дана высокая оценка деятельности СПб АМС и, в частности, Общества дружбы «Россия — Япония».

Имея многолетние связи с японскими общественными организациями и будучи составной частью Ассоциации международного сотрудничества, Общество дружбы «Россия — Япония» сохранило свой актив и продолжает успешно развивать контакты с Японией по широкому спектру направлений.

Санкт-Петербург стал местом постоянных встреч японской и российской культур.

Имидж общества значительно поднимают крупные мероприятия и культурные акции, которые мы проводим совместно с Комитетом по внешним связям, Санкт-Петербургским государственным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусств, другими высшими и средними учебными заведениями, Российской национальной библиотекой, Государственным Эрмитажем, Государственным Музеем истории

Санкт-Петербурга, Российским этнографическим музеем, творческими коллективами, Генеральным консульством Японии, японскими партнерами.

Фестивали «Японская весна» и «Японская осень» уже вполне можно назвать уникальным явлением в культурных связях Петербурга, и не только программами Ассоциации, но и узнаваемыми городскими брендами. Они предоставляют возможность участия и творческого взаимодействия японцев и петербуржцев разного возраста и профессий. Любой желающий найдет в фестивальной программе что-нибудь для души, ведь размах фестивалей широк: от чайной церемонии, икебана и народных инструментов до спортивных состязаний и культурных обменов. Совместные концерты, выставки, мастер-классы способствуют развитию дружбы и доверия между представителями разных культур и менталитетов, помогают установить контакты «от сердца к сердцу».

С каждым годом растет число проектов фестивалей, их масштаб и наполненность.

За мероприятиями фестивалей удобно следить, опираясь на буклеты, которые выпускаются Генеральным консульством Японии совместно с Обществом дружбы «Россия – Япония».

Наши музыкальные связи вовлекают в орбиту деятельности музыкантов-профессионалов и любителей музыки и оказывают

Председатель Санкт-Петербургского Общества дружбы «Россия – Япония» Виктор Викторович Рыбин выступает на лектории «Современная Япония»

влияние на формирование и развитие взаимного интереса к русской и японской музыке и исполнительской культуре. Концерты в рамках фестивалей и отдельные творческие

Встреча делегации из г. Такэты (Япония) в Комплексной школе высшего спортивного мастерства

Председатель Санкт-Петербургского Общества дружбы «Россия – Япония» В. В. Рыбин с мэром города Такэты г-ном Сато

программы стимулируют интерес к деятельности общества в творческой среде Петербурга. Музыкальная палитра фестивалей «Японская весна» и «Японская осень» всегда представлена концертами японских музыкальных коллективов в Шереметевском дворце, Доме дружбы, Концертном зале у Финляндского вокзала и Российской национальной библиотеке. В 2012 году среди многочисленных мероприятий фестиваля «Японская весна» наибольший интерес вызвал совместный концерт молодежного хора из города Сэндай и молодежного женского камерного хора «Кантилена» из Санкт-Петербурга. Гости из префектуры Мияги, которая была центром землетрясения и цунами, представили зрителям интересную программу из японских и русских песен.

Посланником музыкальной культуры России в Японии выступал петербургский коллектив «Конец-квартет» в рамках уникального проекта «Духовная миссия в Японию». Сборы от концерта в Посольстве РФ в Токио были направлены на восстановление школы в городе Исиномаки, пострадавшем от землетрясения и цунами. Певцы из Петербурга также выступили для прихожан главного православного храма Японии – кафедрального собора Воскресения Христова в Токио. Выступления в Токио прошли при содействии Россотрудничества и Ассоциации японо-русских связей. Спонсором проекта выступила компания JTI.

Выставочная деятельность является отдельным направлением. Хочется особо отметить яркие по форме и насыщенные по содержанию выставки художественных работ члена правления Общества дружбы «Россия – Япония» Н. А. Максимовой, которые украшают фестивальные программы и мероприятия, связанные с национальными праздниками Японии.

Выставка «Япония глазами русских туристов», организованная в Российской национальной библиотеке весной 2011 года после разрушительного землетрясения и цунами в Японии, подчеркнула очарование японской архитектуры и природы и силу характера народа этой страны.

В рамках российско-японских культурных проектов и акций

следует отметить деятельность Клуба икебана под руководством Р. Бабивской и Клуба по изучению чайного искусства «Тяною» под руководством Н. Бурмистровой, которые постоянно проводят занятия, мастер-классы, встречи с японскими мастерами, приобщая к японской культуре широкие круги петербуржцев. Прочные связи с Ассоциацией оригами Японии дали возможность петербургским специалистам участвовать в Международном конгрессе по оригами в Японии.

Национальный язык является ключом к пониманию культуры и инструментом для развития диалога между странами. Это подтверждают наши языковые страноведческие программы для молодежи по Японии.

Молодежь активно посещает занятия по японскому языку и культуре, мастер-классы по каллиграфии, оригами, чайным церемониям, обучается игре на традиционных японских инструментах. Постигание японской культуры продолжается в японских семьях при содействии японского центра международных обменов. Много сил в развитие страноведческих программ вкладывает София Даньшина, руководитель Культурно-образовательного центра «Япония от А до Я». Участие в нашей деятельности молодежи закладывает основу для развития позитивного диалога в будущем.

Важным направлением в деятельности Общества дружбы «Россия – Япония» является сотрудничество с партнерами в Японии – неправительственными организациями, университетами, учреждениями культуры, общественными деятелями, которые оказывают влияние на формирование общественного мнения в отношении России и способствуют распространению объективной информации о современной России.

Не стоит забывать, что во многом благодаря общественному движению за сотрудничество с Россией в Японии восстанавливается заслуженный авторитет нашей страны, осуществляется связь с позитивно настроенной к нам общественностью.

Координируя нашу деятельность с японскими партнерами, мы стремились найти новые подходы к созданию объединенных ресурсов.

Считаем, что необходимо на всех уровнях содействовать поднят-

Проект
«Духовная миссия в Японию» 2012.
«Коневец-квартет»
в префектуре Иватэ

тию авторитета организаций в Японии, выступающих за развитие связей с Россией, подчеркивать их роль в защите нашего информационного и культурного пространства.

Общество в Санкт-Петербурге проводит совместные акции с японскими партнерами, в том числе с обществами «Япония – Россия» и «Япония – Страны Евразии», а также с Обществом японо-российских связей и Обществом культурных обменов между Японией и Россией.

Многие японские общественные организации выражают желание установить контакты с Петербургом.

Не без усилий Ассоциации международного сотрудничества и Общества дружбы «Россия – Япония» через двусторонние проекты развивается конструктивный диалог с городом-побратимом Осака, способствуя укреплению проверенной временем дружбы между

городами, в которую вовлечены городские структуры, общественные организации и многочисленные частные инициативы.

Совместно с Восточным факультетом СПбГУ, историками, учеными, деятелями культуры Петербурга и Японии Общество дружбы «Россия – Япония» проводит встречи, посвященные проблемам развития гуманитарного сотрудничества, истории и актуальным проблемам двусторонних отношений.

Практически все мероприятия поддерживаются Генеральным консульством Японии, с которым сложились прочные деловые и дружеские связи.

Ассоциация удовлетворяет интерес широких кругов петербуржцев к истории, культуре Японии, проблемам российско-японского сотрудничества. Постоянно действует лекторий «Современная Япония», регулярно организуются выступления специалистов, презентации книг петербургских авторов о Японии.

Нельзя не отметить сложившиеся деловые отношения с Японским центром в Санкт-Петербурге, компанией JTI.

Мы информируем общественность города о нашей деятельности через средства массовой информации. Информацию по региональным направлениям деятельности постоянно дает журнал «Консул».

Наши основные программы отмечены в Ежегодном календаре международных событий Санкт-

Демонстрация искусства одевания кимоно. На фестивале «Японская весна» в Санкт-Петербурге, 2008 г., в помещении Фонда художника М. Шемякина

Театрализованное представление юных танцоров из Японии
в Концертном зале у Финляндского вокзала.
Фестиваль «Японская весна» в Санкт-Петербурге, 2009 г.

Петербурга, информацию о которых мы даем через Институт культурных программ.

Если бы не сформированные годами актив и Правление, энтузиазм членов и сотрудников, выстроенная еще в Ленинграде структура ССОД, поддержка КВС, работать было бы гораздо сложнее.

Деятельностью Общества дружбы «Россия – Япония» руководит Правление, в которое входят известные специалисты-япониеды, представители учебных заведений, музеев, библиотек, деятели культуры, молодежь. Среди них: профессор СПбГУ Любовь Васильевна Зенина, заведующая кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств профессор Ирина Исаевна Басс, Александр Викторович Герцев – один из лучших переводчиков, руководитель Ассоциации содействия развитию

связей между Россией и Японией «Ицумо», Татьяна Михайловна Журавская – профессор Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, Наталья Александровна Максимова – член Союза художников России, Евгений Магомедович Османов – доцент Восточного факультета СПбГУ, Сергей Владимирович Смоляков – генеральный директор издательства «Гиперион», Александр Викторович Филиппов – профессор Восточного факультета СПбГУ, и многие другие. Координационную, административную и аналитическую работу ведет ответственный секретарь СПб АМС Нина Юрьевна Цветкова.

Многие члены Правления были награждены японскими орденами за популяризацию японской культуры, укрепление дружественных связей между нашими странами, за вклад в развитие преподавания японско-

го языка. Среди них: Л. В. Зенина, В. А. Калинина, Н. А. Максимова, Н. Ю. Цветкова, А. В. Герцев, С. В. Смоляков.

В течение последних 15 лет председателем Общества «Россия – Япония» и его безусловным лидером был Виктор Викторович Рыбин – один из ведущих отечественных японистов, замечательный знаток японского языка и литературы, лидер японоведов Восточного факультета СПбГУ, заведующий кафедрой японоведения. Как руководитель Общества Виктор Викторович сделал его очень востребованным и авторитетным, привлек к его деятельности многочисленных российских и японских партнеров. Он неоднократно работал в Японии, в том числе в качестве преподавателя русского языка. В Японии осталось много его учеников, последователей и друзей, которые благодаря ему полюбили Россию и ее культуру. В. В. Рыбин много сделал для того, чтобы народы России и Японии относились друг к другу с уважением и симпатией, чтобы наши страны даже в столь сложное время, как сейчас, шли навстречу друг другу и становились ближе.

Безвременная кончина Виктора Викторовича Рыбина – это невосполнимая утрата как для сообщества японоведов России, так и для всей российской народной дипломатии. Мы потеряли одного из лучших, творческих людей, человека, горевшего своим делом. Он и его достижения навсегда останутся в нашей памяти, в памяти коллег, друзей, учеников и последователей.

В настоящее время председателем Общества дружбы «Россия – Япония» является профессор Восточного факультета СПбГУ А. В. Филиппов.

Ветка сакуры в генеалогическом древе Менделеева: японская внучка Д. И. Менделеева¹

Масанори Кадзи

Второго января 1865 года у Дмитрия Ивановича и Феозвы Никитичны Менделеевых родился сын Владимир². К нему, как к первенцу, у Дмитрия Ивановича всегда было особое отношение.

Владимир окончил Морское училище и с 1884 года служил офицером во флоте. В 1896 году он женился на Варваре Кирилловне Лемох, дочери академика Императорской Академии художеств, художника-передвижника К. В. Лемоха. У них родился сын Дима (Дмитрий), которого Дмитрий Иванович очень любил, но Дима умер в раннем возрасте. В 1898 году Владимир вышел в отставку в возрасте 33 лет, получил место инспектора по мореходному образованию при Министерстве финансов, но в конце того же года, 12 декабря, заболел гриппом, и уже рано утром 19 декабря его не стало³.

Менделеев тяжело переживал утрату. В 1899 году он опубликовал неоконченный труд Владимира под названием «Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива» со своим предисловием, написанным спустя неделю после смерти сына. В автобиографических заметках по поводу издания «Проекта» он писал: «Мне хотелось хоть этим сохранить надолго память о милом моем Володе»⁴. Он сейчас похоронен в ограде вместе с Д. И. Менделеевым на Волковском православном кладбище.

Интересно, что в обыкновенной, хотя и досадно короткой, жизни Владимира – учеба, служба, женитьба – были эпизоды, тесно связавшие фамилию Менделеевых с Японией.

В конце апреля – начале мая 1891 года цесаревич Николай Александрович, будущий российский император, на фрегате «Память Азо-

Д. И. Менделеев и его сын Владимир на палубе крейсера «Память Азова» перед уходом корабля в плавание (Научный архив Д. И. Менделеева СПбГУ)

ва» прибыл с визитом в Японию и посетил города Нагасаки, Кагосима, Кобе, Киото и Оцу.

Маршрут фрегата, доставившего цесаревича в Японию, пролегал вокруг Азии на Дальний Восток через Суэцкий канал, Индию, Сингапур, Индонезию, Вьетнам, Гонконг и Японию. Владимир служил на фрегате мичманом (1890–1894) по протекции Д. И. Менделеева. По воспоминаниям его сестры, Ольги Триоговой-Менделеевой, отец устроил Владимира в долгое плавание для того, чтобы он забыл несчастную любовь⁵. Во время службы на фрегате в 1891 году Владимир был повышен в звании и стал лейтенантом⁶.

11 мая 1891 года в городе Оцу, неподалеку от Киото, на цесаревича было совершено покушение. Санзо Цуда, полицейский, стоявший в

Цесаревич
Николай Александрович

Цесаревич Николай Александрович (справа) на рикше в Нагасаки*

уличном оцеплении, ударил саблей Николая Александровича. Санзоу сразу задержали, но цесаревич все же был ранен. Это событие, известное в дипломатической истории Японии под названием «Оцу-дзикэн» (инцидент Оцу), вызвало панику в правительственных кругах, однако кризис был преодолен путем переговоров.

По японским архивным материалам⁷, 14 мая русская сторона подала заявку на фотографирование места происшествия, и на следующ-

ий день после полудня два русских офицера и два матроса в сопровождении переводчика иностранного отдела Министерства императорского двора Японии прибыли в Оцу. Одним из офицеров был лейтенант В. Д. Менделеев. Владимир дома с отцом серьезно занимался фотографией и сделал огромное количество снимков во время плавания, поэтому подобное поручение было вполне естественным⁸.

Я нашел именно эти снимки в Государственном архиве Россий-

ской Федерации (ГАРФ) во время стажировки в Москве в 2005 году. Примечательно, что и в Историческом музее г. Оцу хранится фотография с изображением русских офицеров, сделанная местным фотографом, с надписью по-английски: «Photographer Y. Tsukuda Otsu, Omi Japan» («Фотограф Я. Цукуда, город Оцу, Оми [Префектура Сига], Япония»). Кроме этого, в местной газете «Оми Синпо» («Вести Оми») была помещена статья «Результат покушения на наследного принца России» с рисунком, сделанным по фотографии (сама фотография не могла быть воспроизведена в то время по техническим причинам), и пояснением к нему, из которого следовало, что местный фотограф снял русского офицера, который 15 мая фотографировал место покушения. Вероятнее всего, что этим русским офицером был именно Владимир Менделеев.

Второй эпизод носит частный характер. Вот что писала Ольга в своих воспоминаниях о Владимире⁹:

«После его первого плавания в Японию, уже в его отсутствие, у него родилась там дочь от жены-японки, с которой он, как и все иностранные моряки, заключил брачный договор на определенный срок стоянки в порту. Как относился Володя к этому ребенку, я не знаю, но отец мой ежемесячно посылал японке-матери известную сумму денег на содержание ребенка. Девочка эта вместе с матерью потом погибла во время землетрясения в Токио, уже после смерти Володи».

В Научном архиве Д. И. Менделеева Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) сохранились два письма, в целом подтверждающие воспоминания Ольги. Это письма жены-японки. Они написаны по-русски и посланы в Петербург из Нагасаки, портового города в Японии. Переводчик оставил на письмах свою подпись – А. Сига.

Первое из них было адресовано Владимиру и датировано 6/18 апреля 1893 года (сохранена орфография подлинника).

Улица в Оцу, где было совершено покушение на цесаревича, Фото В. Д. Менделеева**

* ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1475. Л. 2.

** Там же. Л. 51.

Фотография с изображением русских офицеров, сделанная местным фотографом (в каталоге выставки «Оцу-дзикэн» в Историческом музее г. Оцу, 2003 г.)

«Нагасаки
Дорогой мой Володя!

Я нестерпимо ждала от тебя письм. Наконец, когда я получила твое письмо, я от восторга бросилась на него и к моему счастью в то моменту (sic) Г. Сига приехал ко мне и прочитал мне подробно твое письмо. Я узнав о твоём здоровье успокоилась. Я 16/28 января в 10 ч. вечера родила дочку, которая благодаря Бога здравствует, ей я дала имя за честь (sic) Фудзиямы – Офудзи. Узнав о моем разрешении на другой день навестили меня с «Витязя» Г. Рутонин (Лутонин? – М. К.) вместе с Бенгоро, Г. Петров с Г. Эбргадри и Отоку-сан и командир «Бобра» (О. А. Энквист) с Омац и кроме того от многих знакомых дочка наша Офудзи получила приветствующие подарки. Все господа, которые видели милую нашу Офудзи говорили и говорят, что она так похожа на тебя, как пополам (sic) разрезанной тыквы («Урифутацу» – по-японски, т.е. по-русски – как две капли воды. – М. К.). Этим я крайне успокоился мрачный слух, носившийся при тебе. Теперь я получила благодаря хлопотам г-на Сиги от Окоо-сан присланные от тебя 21 ен (иен. – М. К.) 51 сен; за это благодаря тебя. какая я несчастливая, представь себе на кануне моего разрешения т.е. 15/27 января у меня умерла мать моя. С того времени как ты уехал из Японии не от кого получать деньги, а между тем ма-

тушка моя долго лежала от болезни в постели наконец ее пришлось хоронить да родилась дочка – эти все требовались расход (sic), а мне не у кого достать деньги. Так я вынуждена была просить г-на Петрова, у него, по всей вероятности, также не были свободные деньги, потому что он давал мне заимообразно по 10 ен в три раза и кроме того 10 ен он подарил нашей дочке, так что от г-на Петрова я получила всего 40 ен. С того время как ты оставил Нагасаки я заложила свои часы, кольцо и прочие вещи и заняла у знакомых слишком 200 ен. Не умею объяснить тебе как я училась (мучилась. – М. К.) не получая от тебя ни разу письма. У нас в Японии когда родится ребенок устраивают ради новорожденной праздник, одевают ее [в] новый костюм и посылают в храм, [с] родственникам [и] знакомым, приглашают родных и знакомых на обед; все это деньги я не имея денег до сих пор не могу это сделать. Так мне крайне стыдно перед знакомыми. Имея твоя дочка мне нельзя и не желаю выйти другим (за другого. – М. К.) замуж и потому после смерти матери (матери. – М. К.) я с дочкою буду ждать тебя. Так как мать умерла, то мне должно возратить дом, где мы живем, и купить дом, где будем жить. Мы с дочкою будем ждать тебя [и] от тебя извести. Я желаю послать тебе как можно поскорее фотографическую карточку нашей дочки, но

теперь еще не сделана, а пошлю при следующем письме. Когда будешь писать или пр[и]шлешь мне деньги пр[и]шли (присылай. – М. К.) всегда через Г. Сиги. Мы с дочкою молимся о твоём здоровье и чтобы ты нас не забывал либо ты есть наша сила.

Твоя верная Така
перевел А. Сига
Нагасаки 6/18 апреля 1893 г.»

Второе письмо подарила Музею-архиву Д. И. Менделеева вдова бывшего его владельца О. Г. Ржонницкая в июне 1983 года – в надежде, что «письмо и фотография раскроют еще одну страницу жизни» Д. И. Менделеева¹⁰. Таким образом, стали известны не только имя и фамилия жены-японки и ее дочери, но и то, как они выглядели.

«Нагасаки
18/6 Июля 1894 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,

Прося Вас извинение за долгое молчание осмеливаюсь осведомиться о Вашем здоровье. Мы с дороною и милою нашею Офудзи здоровы и она уже стала ходить; вот при сем препровождаю нашу с нею группу. В замен этого прошу Вас прислать нам Ваш портрет. От Владимира

Така Хидесима (Хидэсима)
и ее дочь Фудзи
(Научный архив
Д. И. Менделеева СПбГУ)

Дмитриевича я получила в Ноябре прошлого года письмо от 24 сентября 93 года письмо, написанное на крейсере «Память Азова». С того времени уже прошло много времени да он ничего не пи[ш]ет, даже чрез его товарищей, которые часто навещали Офудзи, н[и] слова от Володи не добыюсь. Так долго не имея известия от Володи я крайне мучусь. Поэтому [з]аставите быть чрезвычайно обязан[н]ой Ваше Прев[ос] ходительство, если поставите меня хоть в известность об дорогом моем Володе Вашим ответом.

Желая от души Вам доброго здорovia, остаюсь преданною и готовое к услугам Вашим
Така Хидесима».

О чем узнаем мы из этих писем?

Во-первых, сообщается дата рождения их дочери Офудзи (или Фудзи, так как «О» – ласкательный префикс для женского имени). Из первого письма 6/18 апреля 1893 года следует, что она родилась 16/28 января того же года.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГАВМФ) хранится послужной список Владимира Менделеева¹¹. Список был составлен 18 декабря 1897 года, незадолго до его отставки. Согласно этому списку, после службы на разных кораблях во внутренних водах с 1884 по 1890 год Владимир был командирован в заграничное плавание на фрегате «Память Азова» с 12 мая 1890 года, на котором он служил по 9 октября 1894 года. С 12 июня 1890 года по 30 октября 1892 года фрегат находился в Тихом океане, с 1 июня 1893 года по 9 октября 1894 года – в Средиземном море. Отчеты по морскому ведомству подтверждают эти сведения.

Многу найдены даты заходов фрегата в порт Нагасаки в местных газетах того времени. Тогда в Нагасаки издавались две газеты: ежедневник «Тинзеи Ниппо» на японском языке и еженедельник «The Rising Sun and Nagasaki Express» на английском. Согласно помещенной в них информации, фрегат «Память Азова» в период пребывания на нем Владимира заходил в Нагасаки пять раз.

1) Во время посещения цесаревичем Японии – с 17 по 23 апреля 1891

года (по н. ст.). Николай Александрович остался в Шанхае, фрегат заходил в Нагасаки и вернулся в Китай.

2) С 27 апреля по 5 мая того же года фрегат с цесаревичем на борту заходил в Нагасаки и ушел в г. Кагосима.

3) Заход с вице-адмиралом Тихоокеанского флота бароном П. П. Тыртовым с 28 декабря 1891 года по 24 января 1892 года.

4) Заход для присутствия на морских маневрах японского флота – с 12 апреля по 10 мая 1892 года.

5) Заход перед возвращением в Европу – с 18 по 25 июля 1892 года.

Эти даты подтверждаются вахтенными журналами «Память Азова», хранящимися в РГАВМФ¹². Я смог просмотреть вахтенные журналы с 21 апреля 1891 года по 25 июля 1892 года, когда фрегат был в Тихом океане. Сам Владимир Менделеев иногда стоял на вахте и делал записи в журналах собственноручно.

Судя по всему, Владимир мог находиться в Нагасаки в общей сложности не более трех месяцев и должен был познакомиться с Такой в конце 1891 года или в апреле 1892 года, а Фудзи родилась в январе 1893 года.

Во-вторых, из первого письма можно понять, что был слух, будто отцом ребенка Таки был не Владимир. Поэтому Така очень обрадовалась, когда ей сказали, что ребенок очень похож на Владимира.

В-третьих, из второго письма стала известна фамилия Таки Хидесима (Хидэсима¹³), сравнительно распространенная среди жителей окрестностей Нагасаки, особенно в соседней префектуре Сага.

В-четвертых, немаловажно то, что Така послала второе письмо самому Д. И. Менделееву. Поскольку Така извинялась за долгое молчание, вероятно, они уже начали переписываться, и даже можно предположить, что Менделеев начал посылать Таке ежемесячно известную сумму денег, о чем и писала Ольга в своих воспоминаниях.

В-пятых, переводчик этих писем А. Сига – это, несомненно, Тикатомо Сига (1842–1916)¹⁴. Он родился в семье сельского старосты в Нагасаки и стал известным переводчиком с русского во второй половине XIX века. После отставки

из Министерства иностранных дел Японии около 1877 года Сига до конца своей жизни жил в Нагасаки. Инициал «А.» объясняется тем, что Сига принял православие и получил при крещении имя и отчество Александр Алексеевич.

Письма, переведенные Сигой, свидетельствуют о том, что у Д. И. Менделеева в Японии родилась внучка. Дальнейшая судьба Таки и ее дочери пока неизвестна, так как, кроме двух писем и фотографии, не обнаружено больше никаких документов, касающихся ее биографии. Книги записи актов гражданского состояния недоступны из-за права на неприкосновенность частной жизни в Японии¹⁵.

Но для того чтобы попытаться представить обстоятельства ее жизни, можно прочесть повесть французского писателя Пьера Лоти¹⁶ «Мадам Хризантема» («Madame Chrysanthème»), написанную в 1887 году. Лоти приехал в Японию в 1885 году в качестве капитан-лейтенанта на корабле «La giomphante» французского флота и пробыл в Нагасаки два месяца – с июля по сентябрь. В основе сюжета книги – его совместная жизнь с женой-японкой О-канэ, а имя жены-японки О-кикусан, которое буквально означает Мадам Хризантема, стало заглавием книги. Возможно, что Така тоже была «женой по контракту» офицера флота, как и О-кикусан. Однако второе письмо Таки к Д. И. Менделееву говорит о том, что отношения между Такой и Владимиром были не такими холодными и деловыми, как между героями повести Лоти. Об этом же свидетельствуют и упомянутые мной сведения о ежемесячной посылке Д. И. Менделеевым известной суммы денег. Это уже не «жена по контракту».

В Нагасаки было много детей, родившихся у японок от европейцев. Некоторые из них стали известными людьми: например, Инэ Кусумото (1827–1903), дочь известного натуралиста и японоведа Филиппа Франца фон Зибольда (Philipp Franz Balthasar von Siebold, 1796–1866), стала первой женщиной-врачом в Японии; Ооизуми Кокусэки (1893–1957), сын русского дипломата – известного писателя. Кстати, его отец «приехал в Японию как один из сопровождающих царевича Николая

и познакомился с будущей матерью Кокусэки, будучи представленным ей одним чиновником»¹⁷. Кокусэки родился в тот же год, что и Фудзи. Сын Кокусэки, Акира Ооизуми, родился в 1925 году, стал актером и умер в 1998 году. Если Фудзи прожила достаточно долго и имела детей, то в Японии должны быть потомки Д. И. Менделеева¹⁸.

Как я уже заметил, Ольга, сестра Владимира, написала в своих воспоминаниях, что девочка вместе с матерью погибла во время землетрясения в Токио. Значит ли это, что какая-то связь с Такой осталась

и после смерти Владимира? И о каком «землетрясении в Токио» идет речь? О большом землетрясении, случившемся в 1923 году? Но это маловероятно. Во-первых, я думаю, что связь с Менделеевыми все же прервалась – либо после смерти Владимира, либо во время русско-японской войны, либо после смерти самого Д. И. Менделеева. Вторых, хотя о землетрясении 1923 года знал весь мир, сомнительно, чтобы весть о смерти простого человека передали из Японии в Россию, тем более в первые послереволюционные годы. В-третьих, когда Ольга

в 1946 году писала воспоминания (изданы в 1947 году), ей было уже 78 лет. Поэтому я думаю, что история о гибели Таки с дочерью во время землетрясения на самом деле – ее ничем не подтверждаемая догадка.

Описанный здесь эпизод из жизни семьи Менделеевых – всего лишь небольшой фрагмент картины существовавших уже в те годы личных связей между народами Японии и России¹⁹. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более полно воссоздать картину русско-японских отношений в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.).

¹ Эта статья – исправленный и дополненный вариант той, которую опубликовали в журнале Санкт-Петербургского государственного университета (<http://www.spbumag.nw.ru/2003/27/13.shtml>), без сносок и ссылок в газете «Химия» № 6 (16–31 марта 2005, с. 1–6), со сносками и ссылками, и в журнале «Родина» (№ 10 (2005): 96–98).

² Здесь и далее все даты в России по старому стилю до 1917 г., а даты за рубежом и в России после 1918 г. – по новому стилю, если не указано иначе.

³ Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Керова Л. С., Трифонов Д. И. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева, Л.: Наука, 1984. С. 511.

⁴ Архив Д. И. Менделеева: Автобиографические материалы. Сборник документов. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. им. А. А. Жданова, 1951. С. 105.

⁵ Триогова-Менделеева О. Д. Менделеев и его семья, М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 75.

⁶ Полный послужной список 6-го флотского экипажа лейтенанта Менделеева, РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3694. Л. 5–11 об., 6.

⁷ Тамоцу Анзай. «Оцу-дзикэн ни цуитэ (Об инциденте Оцу)», Сисо-Кенкю-Сирё Токюсю № 65 («Материалы для исследования мысли» специальный выпуск № 65), 1939. С. 550–551. Изданы прокуратурой Министерства юстиции Японии для изучения личностей политических преступников перед Второй мировой войной.

⁸ Никитин Владимир. Вокруг света с наследником престола // Родина. 1995. № 8. С. 91–96, Здесь представлено несколько фотографий из путешествия, но нет фотографий, сделанных в Японии. Никитин написал, что в конце поездки Владимир преподнес наследнику альбом с фотографиями, сделанными во время поездки.

⁹ Триогова-Менделеева О. Д. Менделеев и его семья., М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 77–78.

¹⁰ В письме О. Г. Ржонсницкой от 6-го июня 1983 г. Ее покойный муж, Б. Н. Ржонсницкий, умерший 5 марта 1983 г., получил письмо и фотографию Таки с дочерью в качестве подарка за работу при разборе личного семейного архива Менделеева от его вдовы, Анны Ивановны Менделеевой (1860–1942), взявшей с него слово не публиковать письмо. Это письмо опубликовано впервые мною в журнале Санкт-Петербургского государственного университета (см. 1).

¹¹ Полный послужной список 6-го флотского экипажа лейтенанта Менделеева // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3694. Л. 5–11 об., л. 6.

¹² РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16383 (с апреля по май 1891 г.); Д. 16384 (с мая по июль 1891 г.); Д. 16385 (с июля по сентябрь 1891 г.); Д. 16386 (с сентября по ноябрь 1891 г.); Д. 16387 (с ноября по декабрь 1891 г.); Д. 16807 (с января по февраль 1892 г.); Д. 16808 (с февраля по апрель 1892 г.); Д. 16809 (с апреля по июнь 1892 г.); Д. 16810 (с июня по июль 1892 г.).

¹³ Хотя в письме ее фамилия написана как «Хидесима», произношение ближе к «Хидэсима».

¹⁴ О Сиге см.: Кадзухико Савада. Сига Тикатомо (1840–1898) – переводчик с русского (на японском языке) // Япония и Россия: Сборник статей. Вып. 1. 1987. С. 39–49.

¹⁵ Но если есть уважительная причина, можно смотреть книги записи актов гражданского состояния в регистратуре через адвокатов. Но для этого нужно заранее знать точный зарегистрированный адрес Таки Хидесима (Хидэсима), который нам неизвестен. Иногда бывает, что записи актов гражданского состояния остаются в буддийском храме, где покойник похоронен, но мы, конечно, не знаем, в каком храме она могла быть похоронена.

¹⁶ Pierre Loti – псевдоним; настоящее имя – Louis Marie Julien Viaud (1850–1923).

¹⁷ Собрание сочинений Ооизуми Кокусэки. Т. 1. С. 3, Токио: Мидори Сёбо, 1988. Ооизуми – фамилия и Кокусэки – псевдоним (его настоящее имя – Киёси). Кокусэки написал, что его отца звали Александр Степанович Яхович и он состоял на дипломатической службе в портовом городе Тяньцзинь в Китае, когда познакомился с Каико Ооизуми, матерью Кокусэки. Я старался найти какую-нибудь информацию о дальнейшей судьбе дипломата в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, но пока безрезультатно.

¹⁸ В марте 2004 года я сделал сообщение на эту тему в Российском химико-технологическом университете им. Д. И. Менделеева (РХТУ) по приглашению ректора университета академика П. Д. Саркисова. Д. И. Мустафин, профессор РХТУ, опубликовал статью о Екатерине Дмитриевне Менделеевой-Каменской – внучке Д. И. Менделеева (Мустафин Д. И. Две внучки Д. И. Менделеева // Химия и жизнь. 2004. № 10. С. 56–61). В этой статье Д. И. Мустафин, основываясь на материалах моей статьи, рассказал и о японской внучке Д. И. Менделеева.

¹⁹ Одно из возможных направлений дальнейшего исследования по этой теме – анализ писем Владимира Дмитриевича Менделеева, особенно его переписки с отцом, Дмитрием Ивановичем во время плавания в Японию. Очень надеюсь, что письма эти сохранились.

«Японский шпион» в НКВД

В. С. Измозик

Во все времена есть люди, которые по разным причинам непосредственно не ощущают тяжести времени. Их жизнь светла и безоблачна. Но счастье всегда, а особенно в тоталитарном государстве, хрупко и обманчиво. Именно так в июне 1938 года произошло с семьей майора госбезопасности Михаила Львовича Рошалья.

Он родился 27 апреля 1903 года в местечке Семеновка Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Закончил шесть классов гимназии. С 1920 года служил в Красной армии. С 1922 года в органах ОГПУ–НКВД, член ВКП(б) с 1923 года. Награжден боевым оружием, золотыми часами, нагрудным почетным знаком «15 лет ВЧК–ОГПУ». В июле 1934 года сотрудник Главного управления госбезопасности, начальник транспортного отдела Ленинградского управления НКВД СССР Рошаль был направлен как сотрудник резидентуры в Харбин. Жил он там с сыном и женой по документам Михаила Львовича Раменского, официально занимая должность помощника главного контролера Китайско-Восточной железной дороги¹. Руководителем резидентуры был О. Я. Нодев². По возвращении в СССР все они получили повышение. Нодев стал наркомом внутренних дел Туркменской ССР. Михаил Львович, после создания в августе 1937 года двенадцатых отделов, ведавших оперативной техникой, стал его начальником в Ленинградском управлении. После издания постановления ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 7 октября 1935 года «О введении воинских званий в НКВД» получил звание майора, что соответствовало армейскому полковнику. Жена Рошалья Зинаида Марковна, 1904 года рождения, работала секретарем в Межкраевой школе НКВД. Сын Виктор, 1921 года рождения, учился в школе. Семье была предоставлена квартира № 3 в доме 21 по Кронверкской улице, где проживали многие высшие руководители города. Вместе с ними проживала мать Зинаиды Марковны, Любовь Львовна Либерман³.

20 июня 1938 года 17-летний Виктор окончил 10 классов 1-й образцовой школы Петроградского района. Юноша мечтал о поступлении в театральный институт и собирался учиться в Москве. Тем более что в столице жил родной брат отца, уже известный кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Л. Рошаль. Выезд в Москву планировался вечером 29 июня. А пока что молодой человек почти каждый вечер вместе с подружкой Женей Цадиксон наслаждался посещением ленинградских театров. Благо у его отца был пропуск, позволявший получать контрамарки на любой спектакль.

Накануне 26 июня одноклассники собирались съездить в Пушкин. Звали и Виктора. Но с утра зарядил дождь. Виктор и Женя решили остаться в городе. Днем с Литейного, 4, из «Большого дома» приехал на обед Михаил Львович. Сын попросил у него пропуск в театр. Посовещавшись, молодые люди решили в этот вечер послушать оперу А. С. Чишко «Броненосец «Потемкин» в Театре оперы и балета имени Кирова (б. Марининском)⁴.

В театре все было как обычно: нарядная публика, красивые декорации, музыка и пение актеров. В одном из антрактов девушка решила посетить дамскую комнату. Виктор также направился в туалет. У входа в него он увидел китайца. За время жизни в Харбине мальчик научился немного говорить по-китайски и иногда щеголял этим знанием. Однажды, гуляя в районе площади Льва Толстого, они с Женей встретили китайца – продавца сладостей. Виктор обратился к нему по-китайски и был очень доволен, когда продавец его понял⁵. Вот и теперь он решил обратиться к незнакомцу на его родном языке. К тому же Виктор покуривал тайком от родителей. В кармане брюк лежала папироса, но спичек не было. Отец, правда, однажды предупредил сына, что «обращаться на улице к незнакомому иностранцу, да еще на китайском языке – дело крайне глупое, ненужное и вредное». Но

кто в юности прислушивается к родительским советам?⁶

На китайском языке прозвучала, казалось бы, абсолютно невинная фраза: «Есть ли у вас спички?» Но это стало началом трагедии и его, и его родителей. Дело в том, что человек, к которому обратился Виктор, был дипкурьером японского посольства в Москве Охаси Сюдзэ, приехавшим в Ленинград по делам службы. Естественно, что он находился под усиленным наружным наблюдением. Выяснить, кто вступил с ним в контакт, особого труда не составило⁷.

Через день, 28 июня 1938 года, начальник 12-го отдела Ленинградского Управления НКВД майор госбезопасности М. Л. Рошаль был арестован на рабочем месте (Литейный пр., дом 4) с указанием содержать его по первой категории, то есть в карцере. В тот же день был арестован его сын, а на следующий день – жена⁸. Наверное, самое поразительное, что руководство Управления даже не усомнилось в виновности своего ответственного сотрудника, не попыталось спокойно проанализировать происшедшее. Михаилу Львовичу предъявили обвинение в шпионаже в пользу Японии. Спешка была такой, что даже ордер на производство обыска и ареста оформили лишь 9 августа, а вместо квартиры 3 ошибочно указана квартира 5. Причем арестованному постановление на арест объявили только 21 августа⁹. Эти детали ярко характеризуют атмосферу в Управлении НКВД в период Большого террора, когда главным стало добиться любым способом признания арестованного. А арестованным мог оказаться любой гражданин, в том числе и сотрудник НКВД, какой бы пост он ни занимал. Начались усиленные допросы, сопровождавшиеся избиениями. 2 июля М. Л. Рошалья, по его словам, долго били следователи Цветков и Н. А. Голуб. Первоначально протоколы рвались и к делу не приобщались, поскольку не содержали желательных для следствия показаний¹⁰.

Подобным образом следствие велось в отношении Виктора и Зинаиды Марковны. Уже в постановлении об избрании меры пресечения утверждалось, что Зинаида Марковна «является агентом иностранной разведки, по заданию которой занимается шпионажем в пользу иностранного государства». Ее также было приказано содержать в Доме предварительного заключения по первой категории¹¹. На Виктора постановление об избрании меры пресечения оформили только 7 августа с содержанием под стражей тоже по первой категории. Но избивать начали сразу. Голуб бил его по лицу, таскал за волосы и бил ногой¹².

1 июля сознался, что был вербован в Харбине своим начальником Нодевым в начале 1935 года как агент японской разведки, М. Л. Рошаль. На последующих допросах «выяснилось», что и другие сотрудники советской резидентуры тоже были «японскими шпионами». К этому моменту и Виктор «сознался», что выполнял поручение отца встретиться с японским разведчиком. Оказывается, юноша должен был сообщить представителю японского посольства, что вместе с отцом 30 июня будет в Москве¹³. На большее у следователей то ли не хватило фантазии, то ли они решили, что и этого будет уже достаточно.

Михаил Львович, в свою очередь, рассказал, что дважды встречался в Ленинграде с сотрудником японского посольства Сато: в декабре 1937 года на Московском вокзале и в марте 1938 года в Летнем саду у памятника Крылову. Но при этом он твердо заявлял, что сын о его связи с японской разведкой не знал, и отказался назвать кого-либо из завербованных им сотрудников Ленинградского УНКВД. 15 декабря 1938 года было подготовлено постановление о завершении следствия.¹⁴

В обвинительном заключении от 22 декабря М. Л. Рошалью вменялась в вину передача японской разведке материалов о работе Октябрьской и Кировской железных дорог, о предприятиях Наркомата путей сообщения, об Управлении НКВД г. Ленинграда¹⁵. Между тем еще 15 декабря М. Л. Рошаль направил короткое заявление начальнику Ленинградского УНКВД М. И. Литвину. Он писал, что оговорил себя

и других, и просил вызвать его на личную беседу на 10–15 минут¹⁶. Арестованный, естественно, не знал, что комиссар госбезопасности 3-го ранга М. И. Литвин застрелился в своем кабинете 12 ноября 1938 года. Ответа он не получил. Дело шло своим обычным путем. 28 декабря обвинительное заключение было утверждено новым начальником Управления С. А. Гоглидзе, а 9 января 1939 года и военным прокурором¹⁷. 20 января 1939 г. в 13 часов 30 минут Михаил Львович и Виктор предстали перед судом Военной трибуналы пограничных и внутренних войск НКВД.¹⁸

Но к этому времени ситуация в правоохранительных органах несколько изменилась. Поскольку задачи Большого террора были в основном выполнены, И. В. Сталин начал уже с весны 1938 года постепенно готовить новый поворот «генеральной линии партии», означавший отказ от массовых репрессий. В августе 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел и начальником Главного Управления государственной безопасности был назначен первый секретарь ЦК КП Грузии Л. П. Берия. Начались «чистки» ставленников Н. И. Ежова в аппарате НКВД. Только с сентября по декабрь 1938 года было арестовано 332 руководящих работника НКВД (140 человек в центральном аппарате и 192 на периферии), в том числе 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик¹⁹. 15 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», опубликованный 17 ноября²⁰. Постановление объявляло «крупнейшим недостатком работы органов НКВД <...> упрощенный порядок расследования, при котором <...> следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными...». Вина за это, как обычно, возлагалась на очередных «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД и прокуратуры, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аре-

сту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований»²¹. 24 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) постановило освободить Н. И. Ежова от обязанностей наркома внутренних дел СССР. Наркомом ВД был утвержден Л. П. Берия²². При всей ограниченности этих решений, при сохранении самой тоталитарной системы, Постановление от 17 ноября давало определенные возможности честным работникам правоохранительных органов отстаивать соблюдение норм законности.

Поэтому не будем удивляться тому, что произошло на заседании трибунала. Если на заседаниях Военной коллегии тратили 15–20 минут на одного подсудимого, то здесь обвиняемым дали возможность подробно рассказать об обстоятельствах дела. Михаил Львович сразу заявил, что дал вымышленные показания в результате побоев и угроз. Далее он сообщил, что Сато – персонаж просто вымышленный. Встретиться с ним на Московском вокзале или в марте месяце в пустующем Летнем саду он, конечно, не мог, поскольку любой иностранный дипломат находится под жестким наблюдением. О побоях следователя и угрозах арестовать Женю Цадиксон рассказал и Виктор. В результате трибунал решил вернуть дело на доследование, потребовав допросить О. Я. Нодева, одноклассников Виктора, узнать о существовании японского дипломата Сато в Москве²³.

В начале апреля 1939 года следователь, признав, что «вещественных доказательств по делу нет», предложил направить материал на Особое совещание при Наркомате внутренних дел. Было уже получено согласие С. А. Гоглидзе и военного прокурора, но что-то не сработало. Прокурор Главной военной прокуратуры военюрист 2-го ранга Голубева 13 августа 1939 года сделала вывод о необходимости доследования из-за противоречий в материалах дела²⁴. Новые допросы шли до конца 1939 года. Теперь от него требовали показаний на бывших сотрудников резидентуры в Харбине. Михаил Львович держался твердо и отвергал все обвинения. Он направил три заявления наркому внутренних дел, начальнику УНКВД Ленинграда 30 апреля 1939 года и военному прокурору 24 августа 1939 года, настаивая на беспристрастном разборе дела²⁵.

Дело о «шпионской деятельности» семьи Рошаль явно разваливалось. Относительно З. М. Рошаль следствие после девяти месяцев ее содержания в тюрьме умудрилось подготовить 14 апреля 1939 года обвинительное заключение, где основание для ареста было сформулировано следующим образом: «В УГБ НКВД Ленинградской области поступили данные о том, что жена арестованного <...> М. Л. Рошала <...> Рошаль Зинаида Марковна ведет подозрительный по шпионажу образ жизни. <...> По приезду в СССР Рошаль З. М., так же как и ее муж, проникли в систему НКВД». Но тут же отмечалось, что обвиняемая «свою шпионскую деятельность отрицает». В итоге военюрист 1-го ранга Рябинин, помощник военного прокурора, 20 мая 1939 года составил заключение, что «дело за недоказанностью преступления подлежит прекращению в уголовном порядке». На следующий же день военный прокурор войск НКВД Ленинградской округа Эренбург направил этот документ начальнику 1-го Спецотдела УНКВД Ленинградской области. Зинаида Марковна была освобождена 28 мая 1939 года²⁶.

Следствие по делу М. Л. и В. М. Рошалей продлили до 25 ноября 1939 года. 23 октября следователь вынес постановление, что причастность Виктора «к подрывной шпионской деятельности М. Л. Рошала» не доказана, и выделил его дело в самостоятельное производство. Он был освобожден 2 ноября 1939 года²⁷. Казалось бы, теперь рухнуло главное основание «шпионской деятельности» самого Михаила Львовича, но освобождать бывшего сослуживца работники госбезопасности не собирались. В результате дело было направлено на рассмотрение Особого совещания, ибо следователи были уверены, что там добиться обвинительного приговора было значительно проще, нежели в суде. 19 февраля 1940 года был вынесен приговор: пять лет заключения²⁸. Приговор поражает своей абсурдностью. Если М. Л. Рошаль, майор госбезопасности, действительно был «японским шпионом», то приговор должен был быть более суровым. Если же М. Л. Рошаль невиновен, то за что пять лет заключения?

На этом, к сожалению, дело бывшего майора госбезопасности не закончилось. 28 ноября 1941 года в Саратове, куда эвакуировалась из Москвы часть центрального аппарата НКВД, старший следователь Особой инспекции наркомата в соответствии с приказом заместителя наркома В. Н. Меркулова распорядился направить архивно-следственное дело М. Л. Рошала на новое рассмотрение. Предлогом послужило задержание в сентябре 1940 года на территории Монгольской Народной Республики группы из пяти человек, обвиненных в шпионской деятельности. На допросах они дали показания о причастности к шпионажу ряда «закордонных работников» НКВД, в том числе Рошала. Члены группы были расстреляны 8 июля 1941 года²⁹. Теперь без всяких очных ставок это стало основанием для нового обвинения.

На сей раз следствие завершилось в течение недели. В деле нет даже протоколов допросов.

Уже 5 декабря было утверждено обвинительное заключение. Затем началась бумажная волокита, и на рассмотрение Особого совещания оно было направлено лишь 11 марта 1942 года. Приговор к высшей мере наказания (расстрелу) был вынесен 16 мая 1942 года и приведен в исполнение³⁰.

Через 23 года, 17 мая 1955 года, Зинаида Марковна Рошаль обратилась в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре дела мужа. Еще через два года, 6 мая 1957 г., военный трибунал Ленинградского военного округа постановил дело прекратить «за отсутствием состава преступления»³¹. Дело самой З. М. Рошаль было прекращено 18 июня 1957 г. постановлением помощника военного прокурора Ленинградского военного округа «за отсутствием в ее действиях состава преступления»³².

Так закончилось дело, начало которому положил вопрос о спичках, произнесенный на китайском языке.

¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-24327. Л. 6, 6 об., 27–27 об.; Китайско-Восточная железная дорога была построена Россией на территории Северо-Восточного Китая в 1897–1903 гг. С октября 1924 г. КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. 23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение о продаже КВЖД правительству Маньчжоу-Го (администрация Северо-Восточного Китая, полностью зависевшая от Японии).

² Нодев Освальд Янович (Яковлевич) (1896–1938). Нарком внутренних дел Туркменской ССР. Арестован 17.12.1937. Расстрелян 29.08.1938.

³ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-24327. Л. 2, 6, 12.

⁴ Там же. Л. 62–63, 353.

⁵ Там же. Д. П-41371. Л. 102.

⁶ Там же. Д. П-24327. Л. 98, 316; Д. П-4137. Л. 149.

⁷ Там же. Д. П-41371. Л. 95.

⁸ Там же. Л. За.; Д. П-41371. Л. 7; Д. П-7038. Л. 1.

⁹ Там же. Л. За, 4.

¹⁰ Там же. Л. 98 об., 178; Д. П-7038. Л. 76.

¹¹ Там же. Д. П-41371. Л. 3–3 об.

¹² Там же. Л. 76–76 об.

¹³ Там же. Д. П-24327. Л. 66, 67.

¹⁴ Там же. Л. 35–35 об., 37, 60, 71.

¹⁵ Там же. Л. 72, 73.

¹⁶ Там же. Л. 80–80 об.

¹⁷ Там же. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 94.

¹⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 663.

²⁰ Там же. С. 606–611.

²¹ Там же. С. 608, 609.

²² Там же. С. 611, 612.

²³ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-24327. Л. 84, 98, 99 об. – 100.

²⁴ Там же. Л. 363, 365, 366–367, 369.

²⁵ Там же. Л. 156, 168, 173–176, 178, 215, 229, 256, 265–271, 277–286 об., 323.

²⁶ Там же. Д. П-7038. Л. 74–75, 78, 80, 84.

²⁷ Там же. Л. 163–165, 166–167; Д. П-41371. Л. 2–3, 170–171.

²⁸ Там же. Л. 363, 365, 369а.

²⁹ Там же. Л. 370.

³⁰ Там же. Л. 408, 413.

³¹ Там же. Л. 413, 476.

³² Там же. Д. П-7038. Контрольное дело. Л. 31–32.

«Японец» Андрей Богданов

К. Б. Васильев

ПЕРВОЕ ОПИСАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПЕРВЫЙ ЯПОНЕЦ В РОССИИ

Занимаясь историей Петербурга, исследователь обращается к ряду работ, которые для него – хрестоматийные первоисточники, и среди них – «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год», оно было издано в 1779 году *надворным советником Васильем Рубаном*. В. Г. Рубан (1742–1795), взяв за основу чужую неизданную рукопись, мог бы выдать ее за свой труд: образованный историк и опытный литератор, он выправил шероховатый слог оригинала и, что важнее, дополнил материал собственными изысканиями. Однако на титульном листе своего объемистого издания Рубан счел нужным указать, что «Описание Санктпетербурга» есть *сочинение господина Богданова*.

Это тот Богданов, который Андрей Иванович – печатник, затем, с 1730 года, сотрудник Императорской Академии наук, *архивариус и библиотекарский помощник*, как рекомендует его В. Г. Рубан в предисловии. Издатель перенес из рукописи и напечатал вступление самого Богданова, уверенного, что для будущих историков будут полезны его сведения, его *свидетельство самовидца*: «Много ли ныне таких любознательных есть, которые могут сказать, когда началась у Государя Императора Петра Великого война со Шведами, когда основан Санктпетербург, или когда Ладожский канал копать начали, хотя все сие в наши дни происходило, а о древности и упоминать уже нечего; не многих городов известны подлинные их основатели, понеже иной писатель того, иной другого почитает создателем; а причина тому, что они писали спустя после того не малое время, не имея свидетельства от самовидцев».

Здание по проекту Г.-И. Маттарнови для Кунсткамеры и Библиотеки Академии наук. А. И. Богданов был сотрудником академической библиотеки в 1730–1766 гг.

Занимая скромные должности, Богданов тем не менее, кроме означенного капитального труда по истории Петербурга, успел сделать много полезного, составляя *реестры* книг, поступающих в библиотеку, готовя рукописи к печати, – так, для нашего исследования существенно, что в 1755 году под его контролем, или, как в то время выражались, под его *надзиранием*, вышло двухтомное «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Если скажут, что Богданов был японцем, многие из нас удивятся. Хотя кто-то слышал что-то такое... Люди, читавшие «Описание Санктпетербурга», сразу отметут иностранное авторство: тот, кто создал означенное произведение, имел хорошее знакомство с изрядным количеством русских исторических документов и владел в полной мере русским языком. Но, поскольку высказывались предположения и даже утверждения, будто Богданов – японец или сын японца, мы проверим, обратившись, например, к «Большой советской энциклопедии». Пожалуйста, здесь указаны даты жизни Андрея Ивановича Богданова: 1692 – 11.9.1766. Сообщается, что

он окончил гимназию при Петербургской Академии наук, работал в академической типографии, затем стал помощником библиотекаря в Академии наук. Помимо истории Санкт-Петербурга, он занимался историей русских типографий и помогал М. В. Ломоносову в составлении «Краткого российского летописца». Вот и все.

В других справочниках, правда, не говорится об учебе Богданова в Академической гимназии, пишут, что с 1712 по 1719 год он работал, помогая отцу, мастеру порохового дела, затем его определили в типографию, в 1730 году ему удалось перевестись в библиотеку... Ни слова ни про японское происхождение, ни про Японию.

Однако, если подойти с другого бока, если обратиться не к истории Петербурга и не к началу русского библиотечного дела, а к первым контактам России с азиатскими странами, мы обнаружим публикации следующего рода: «Несмотря на то, что Петр пообещал Дэмбэю вернуть его на родину, свое обещание он так и не сдержал. Японского купца крестили, дали имя Гавриил, женили и оставили пре-

подавать японский, даже прислали в 1714 году на подмогу еще одного оказавшегося на Камчатке японца по имени Санима – он, крестившись, стал Андреем Богдановым».

Напомним: Дэмбей, в другом написании Дэнбей или Денбей, – купец с японского торгового судна, которое потерпело крушение у берегов Камчатки в 1695 году. Его, единственного, кто спасся, отправили к русскому царю, и Петр, любитель всего *диковинного*, сразу загорелся идеей: разведать все о Японии, установить с ней торговые связи, а для этого понадобятся *толмачи*, знающие японский язык. Царь, областав Дэнбея своим вниманием, приказал выдавать ему, *татарину Апонского государства*, из казны *кормовые деньги*. Дэнбей учил русский язык, потом, как полагают, обучал кого-то японскому... Что точно: в 1710 году японец обратился к Петру с просьбой вернуть его на родину – это подтверждается следующим документом. Осенью 1710 года Яков Брюс, генерал-фельдцейхмейстер, шлет запрос в Приказ артиллерии по поводу иностранцев, обучающихся в *словесных школах*, и Ефим Зыбин, обер-комиссар означенного Приказа, ему отписывает канцелярским слогом: «В словесных школах китаец, котораго, ради ученья, отдал Вinius ныне его нет, а, по справке в приказе артиллерии, был в школе Апонскаго государства татарин именем Денбей; а как он был, и ему кормовья деньги даваны всегда с Сибирскаго приказы по 10 денег на день. Только оный в приказ артиллерии сыскан и сказал: как-де он грамоте и писать в тех школах выучился и в 707-м году взял его князь Матвей Петрович к себе на двор, и ему, с того числа, в школу ходить не велел, для того что он словесной грамоте и писать выучился. И в нынешнем 710 году, как был на Москве царское величество, и он бил челом об отпуске в свою землю, и отпустить его не приказал, а приказал князю Матвею Петровичу его окрестить, и ныне его окрестили и зовут его Гаврилом, а жалованье ему дается из Сибирскаго приказы».

По каким-то бюрократическим причинам *японского татарина* Дэнбея и какого-то китаец, пристроенного в *словесную школу* А. А. Вiniusом, искали через Артиллерийский приказ. Обратим внима-

ние на то, что Дэнбей проживал у М. П. Гагарина. Князь Гагарин (ок. 1659–1721), бывший нерчинский воевода, руководил с 1706 года Сибирским приказом, но, будучи одновременно комендантом Москвы, жил в столице. Это к тому, что в публикациях часто повторяется ошибочное мнение, будто *первая японская школа* с Дэнбеем в качестве преподавателя возникла в Санкт-Петербурге.

ЯПОНЕЦ ИЛИ СЫН ЯПОНЦА?

Мы ознакомились с заявлением из *научно-популярных* источников, что японец по имени Санима, *крестившись, стал Андреем Богдановым*. Обратимся для проверки к чисто *научным* публикациям – например, к коллективной монографии о связях России со странами Востока, изданной не где-либо, а на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. В материале «Россия и Япония» сообщается: «В 1710 году Дэмбэй принял Православие, получив при крещении имя Гавриил. В том же году к камчатскому берегу прибило судно с десятью японскими моряками, четверо из которых были убиты в стычке с камчадалами, а остальные попали в плен. Из захваченных атаманом Чириковым японцев одного по приказу якутского воеводы отправили в Санкт-Петербург. Этого японца звали Санима (Сангэмон). Он прибыл в столицу в 1714 году, когда Дэмбэй был еще жив, и стал

его помощником в школе японского языка. Санима женился на русской девушке. Их сын, получивший имя Андрей Богданов, в дальнейшем работал в библиотеке Российской Академии наук».

Поскольку упомянута академическая библиотека, сомнений быть не может: нам рассказывают о книговеде Богданове. Значит, он действительно из японцев; уточним, уже со ссылкой на публикацию Восточного факультета: он – сын японца Санимы. Правда, в таком случае он никак не мог родиться в 1692 году, как утверждалось в «Большой советской энциклопедии». Мы верим, должны верить исследователям с Восточного факультета, ибо связи с Востоком – предмет их научных изысканий, но нас не покидают уже высказанные сомнения: мог ли сын японца и некой *русской девушки*, появившийся на свет, как мы догадываемся, не раньше 1714 года, оказаться в 1730 году, в шестнадцать лет, библиотекарем в Академии наук, настолько проникнуться русской историей, проштудировать такое количество русских книг и рукописей, чтобы взяться за обстоятельное «Описание Санктпетербурга» и завершить его к 1752 году? И снова вопрос по поводу местонахождения *школы японского языка*: Дэнбей, как мы установили, пребывал в Москве под покровительством московского коменданта, а Саниму, как мы только что прочитали, отправили в Петербург. Где же они сотрудничали – в старой или новой столице?

Японский грузовой корабль. С гравюры Утагавы Хиросигэ (1797–1858)

Намереваясь быстро разобраться с историей вопроса, мы оказываемся в пучине противоречий и несоответствий. Одни историки и журналисты сообщают, что японское судно с Дэнбеем на борту потерпело крушение на Камчатке в 1695 году, другие указывают 1697 год. Одни считают, что встреча Дэнбея с Петром I состоялась в селе Преображенском, и японская школа, основанная в Москве, действовала до 1739 года, после чего была переведена в Иркутск; в других публикациях, тоже имеющих всякого рода ссылки, утверждается, что первая школа японского языка была открыта в 1705 году по приказу Петра I в Петербурге, ее первым преподавателем был назначенный Дэнбей, уроженец Осаки, затем в этой школе преподавал Санима, а в 1736 году в Петербург доставили Созу и Гонзу...

Мы уже исследуем судьбу первых японцев в России, не сомневаясь, что их история пересекается как-то с жизнью и трудами книговеда Богданова. Но кто внесет ясность и ответит на вопрос, насколько правдиво утверждение, будто у Богданова японские корни?

По одной из ссылок мы выходим на Н. И. Веселовского (1848–1918). Выдающийся русский востоковед, учившийся и затем преподававший в Петербургском университете на восточном факультете, он в свое время написал работу, посвященную официальному преподаванию восточных языков в России. В этом исследовании есть и о русско-японских отношениях, заложенных Петром Великим: именно Петр, как пишет Веселовский, «ввел преподавание японского языка в Петербурге (годы 1702–1705), рассчитывая завести торговые сношения с Японией».

Профессор Н. И. Веселовский так объясняет появление в России первого японца: «В самом начале 18-го столетия выброшен был бурей на берег Камчатки японец Денбей <...>. Узнав о том, Император, указом от 16 апреля 1702, повелел отослать его из Сибирского Приказа в Приказ Артиллерии для учения русского языка и грамоты, а как он Денбей русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти».

Здесь же мы находим следующие сведения об особой школе для изучения японского языка, открытой в 1705 году в Петербурге: «Первым учителем был Денбей <...> В 1711 году отправлен был в Петербург японец Санима, спасшийся с разбившейся, в апреле 1710, бусы у Халигарской губы. Санима и был назначен помощником Денбею. Денбея и Саниму сменили японцы Шульца и Поморцев».

Итак, по мнению Веселовского, японец Дэнбей оказался на Камчатке не в 1695 или 1697 году, а в начале 18-го столетия. Если обратиться к «Полному собранию законов Российской империи», в указе, или, точнее, манифесте от 16 апреля 1702 года мы не обнаруживаем распоряжений Петра по поводу Дэнбея, и вообще его имя в указах Российской империи не встречается. В связи с Санимой автор называет 1711 год, тогда как у Г. Ф. Миллера, работавшего в свое время в сибирских архивах, отправка Санимы в Петербург имела место в 1714 году: «В месяце Апреле 1710 году, разбило опять Японское судно у берегов Камчатских <...> С того судна вышло на землю десять человек; но Камчадалы неприятельски на них нападши, четырех убили, а шестерых в полон взяли <...> из коих один, именем Санима, в 1714 году послан был в Санкт-Петербург».

Снова прозвучало, будто Петр ввел преподавание японского языка в Петербурге в 1702–1705 годах. В 1702 году Петербурга еще не существовало. В 1705 году что-то уже имелось – котлованы, канавы, рабочие бараки; нашлось бы место и время на этой строительной площадке для занятий японским языком?

ЯПОНЦЫ, ПРИНЯВШИЕ ВЕРУ ГРЕЧЕСКОГО ИСПОВЕДАНИЯ

Что касается Шульца и Поморцева, их настоящие имена Соза и Гонза, при крещении они стали: первый – Кузьмой Шульцем, второй – Демьяном Поморцевым. Веселовский пишет, что в 1736 году Шульц умер, «и учителем в школе состоял в 1739 году один Поморцев, а учеников у него было двое». В сноске к этим сведениям фигурирует и Богданов: «По смерти Шульца и

Поморцева, ученики продолжали заниматься японским языком может быть под руководством Андрея Богданова, сына японца, спасшегося от бури в 1710 году. Богданов, как известно, занимался при Академии японским языком и впоследствии состоял при ней библиотечарским помощником, в каком звании и умер в 1768 году».

Мы помним, что в 1710 году от бури спасся Санима, и напрашивается вывод: утверждение о японском происхождении Богданова исходит от востоковеда Н. И. Веселовского. Другие источники документально подтверждают, что Богданов был принят на работу в академическую библиотеку в 1730 году, созданные им, с помощью Гонзы, пособия по японскому языку однозначно относятся к 1736–1739 годам – когда Богданов, библиотечарский помощник, имел достаточное знакомство с имеющимися учебными пособиями и словарями, как русскими, так и зарубежными. Хронология Веселовского иная: Андрей, сын Санимы, сначала занимался японским языком при Академии, а впоследствии стал библиотечарским помощником. Это не соответствует действительности.

По поводу Шульца и Поморцева имеется совершенно официальный документ: сенатский указ за № 6956 от 10 мая 1736 года «Об определении Японцов Шульца и Поморцова, принявших веру Греческого исповедания, в Академию Наук, для обучения Японскому языку».

Сим указом предписывалось: «Прежде бывшим Японцам Козьме Шульцу, Демьяну Поморцову, которые восприяли веру Греческого исповедания, быть при Академии Наук обоим вместе, чтоб они природного своего языка позабыть не могли и поручить их в особое смотрение из Российских людей человеку искусному, кому та Академия заблагорассудит, дабы они всегда были в добром смотреии и порядке и для обучения того Японского языка определить к ним С. Петербургской гарнизонной школы из солдатских детей двух человек, грамоте умеющих, кои поострее; а чтоб они прилежнее их тому языку обучали, прибавить им Шульцу и Поморцову жалованья к прежней даче еще по 5 копеек, а с прежним по 15 копеек на день человеку и давать из Штатс-Конторы, а

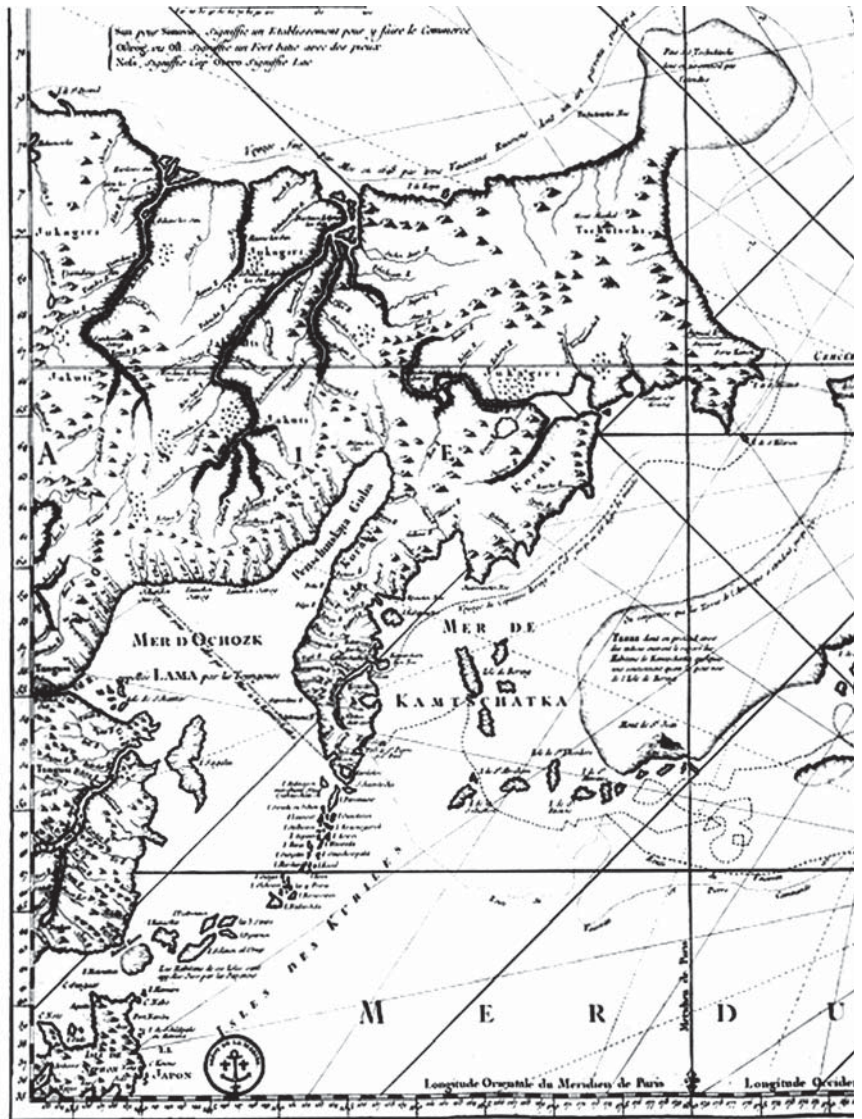
между тем, для лучшего в вере Греческого исповедания утверждения, велеть им ходить к обретающемуся в Кадетском корпусе Иеромонаху, которому их к познанию закона наставлять и во чтении книг прилежное смотрение иметь. И о том, куда надлежит, послать указы. Также по объявлению вышеписанного Поморцова, в Иркутск послать указ, велеть немедленно сыскать Японское судно, на котором они были, и при том и книги на их языке кто из Российских людей взяли, и те книги у кого ныне обретаются, и сколько тех книг или писем каких на Японском языке отыскано будет, оные прислать в Сенат немедленно».

Академия наук в 1736 году *заблагорассудила* поручить *особливое смотрение* за двумя означенными японцами библиотекарскому помощнику Андрею Богданову, считая его, видимо не без оснований, *человеком искусным*. Об этом поручении сам Богданов упоминает в прошении, поданном им на высочайшее имя 3 сентября 1766 года: «По силе данного от Императорской Академии Наук указу японскую школу содержал и к тому учению пять книг грамматических произвел для японского языка, которые в библиотеке хранятся».

В сенатском указе мы выделяем требование разыскать *книги и письма*, имевшиеся на японском судне. Розыск предпринят по *объявлению* Поморцева, то есть юного Гонзы: сын штурмана, он, конечно, не имел педагогического опыта, писательских навыков и вообще достаточного образования, *книги и письма* понадобились ему для того, чтобы помогать Богданову в создании пособий по японскому языку.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ГЕРХАРДА МИЛЛЕРА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК

Для знакомства с историей Санимы, Созы и Гонзы обратимся к публикациям Г. Ф. Миллера (1705–1783). Назначенный в 1733 году начальником Второй Камчатской экспедиции, Миллер посвятил десять лет своей жизни изучению Сибири; помимо личных наблюдений, он исследовал местные архивы, и сейчас мы обращаемся за нужными сведениями к его «Описанию мор-

Камчатка на французской карте 1766 г.

ских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных» (1758). По поводу Санимы историк довольно кратко: «В месяце Апреле 1710 году, разбило опять *Японское судно* у берегов Камчатских в *Калигирской губе*, находящейся от *Авачинской губы* к северу. С того судна вышло на землю десять человек; но Камчадалы, неприятельски на них нападши, четырех убили, а шестерых в полон взяли. Из сих шести человек попались четверо Казакам в руки; из коих один именем *Санима* в 1714 году послан был в Санкт-Петербург. Понеже они в скором времени по Руски говорить столько научились, что на предлагаемые им вопросы могли отвечать ясно, то известия о положении и состоянии *Курильских островов*, как их об-

явлением, так и тем, что выведено у самих *Курилов*, учинились гораздо обстоятельнее...»

А вот трагические события, по причине которых в Петербурге появились Соза и Гонза, описаны Миллером в деталях (здесь мы приблизили текст к современному правописанию):

«Во время морского пути, капитаном Берингом с реки Камчатки на восток предпринятого, а именно в месяце июле 1729 года, занесло опять погодою к камчатским берегам близ речки Казаченя, которая течет в Восточное море под полдень от Авачинской губы, японское судно. В самое то время пришел туда казачий пятидесятник *Андрей Штинников* с несколькими человеками камчадалов. Японцы незадолго перед тем вынесли из судна

пожитки свои на берег, из коих Штинников, получив несколько в подарок, не был тем доволен. По прошествии двух дней, кои препроводил он у японцев, отошел он от них ночью и скрылся со своими товарищами в близости, дабы видеть, что японцы станут делать. Сии как о приходе Штинниковом великую радость показали, так и об отбытии его немало печалились. Они хотели сыскать других людей и того ради, севши в малое судно, поехали вдоль возле берега. Штинников приказал камчадалам следовать за японцами в байдаре и всех перестрелять, кроме двух, коих оставить живых, что и учинено. Японцев же всех было 17 человек, а осталось живых старик да мальчик 11 лет. Захватив все их товары, Штинников приказал разбить судно, чтоб пользоваться находящимся в нем железом, и взял обоих японцев подобно как военнопленных и невольников с собою в Верхний Камчатский острог. Такое бесчеловечие не могло остаться без наказания; Штинников, по произведении над ним следствия, повешен, а японцы в 1731 году привезены в Якутск, откуда следующего года в Тобольск и в Санкт-Петербург отправлены были.

Всем столичном городе обучали их несколько времени, во-первых, российскому языку и началам христианского закона православной веры; потом они крещены, и при святом крещении наречены им имена одному *Козма*, другому же *Дамьян*, а прежде того назывались они *Соза* и *Гонза*. В 1735 году по указу Правительствующего Сената присланы они в Академию наук, где обучали учеников, которые уже говорили и писали по-японски не худо, как в 1736 и 1739 годах японцы умерли. Они родились в городе *Сацуме*. У *Кемпфера* сие имя написано *Сатцума*. На ландкартах означено по португальскому произношению *Саксума*. Сего имени город и провинция находится на полуденном берегу острова *Ксимо*, которой и *Киузуно* называется. Соза был купец. Гонзин отец служил во флоте японском штурманом. Судно их нагружено бумажными и шелковыми товарами, сарачинским пшеном и писчею бумагою. Понеже оному назначено было идти в город *Озакку*, то начальствующий в городе *Сацуме* *Инацдаре-Озим-Нокам* дал им для

отвозу туда сарачинского пшена на пропитание жителям, потому что в *Озакке* оно не родится, да бумаги для письма приказных дел. Токмо до *Озакки* они не доехали, но застигла их сильная погода, и носило судно 6 месяцев по морю, пока напоследок июля 8 дня принесло к берегам камчатским. Столичный город в их государстве именовали они *Кио*, стоящий при реке *Едогава*, которая там шириною более версты будет, и недалеко оттуда впала в море. Царь японский по их языку называется *Озама...*»

Уточним: Соза и Гонза были из княжества Сацума – на территории современной префектуры Кагосима, на острове, который сегодня известен как Кюсю. Не очень дальний каботажный переход до Осаки – с указанным грузом, включающим *сарачинское пшено*, то есть рис, – растянулся для них на полугодовую одиссею: ветры и волны носили по Тихому океану судно, для океанских плаваний не приспособленное, и с южной оконечности японских островов их пригнало на Камчатку.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРУГИХ УЧЕНЫХ МУЖЕЙ

Веселовский жил и трудился во второй половине XIX века, составленные им «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» напечатаны в 1879 году. Можно предположить, что он только повторил мнение о японском происхождении Богданова, высказанное до него каким-то другим ученым мужем.

В свое время Н. И. Новиков (1744–1818) поставил себе цель *собрать имена всех наших писателей*, и в 1772 году вышел из печати его «Опыт исторического словаря», где среди трех сотен российских авторов есть и книговед Богданов – с похвальным отзывом и перечнем его работ. Новиков сообщает, что библиотечарский помощник Андрей Богданов родился в 1707 и умер в 1768 году, когда ему было около семидесяти лет... Подождите, какое-то здесь арифметическое несоответствие: судя по приведенным датам, Богданов прожил шестьдесят один год, а не *около семидесяти*. В чем дело? Дело в том, что при каком-то переиздании доброхотливые редакторы сделали *от себя* встав-

ку в биографический «Словарь»: (1707–1768) – и тем самым внесли свой вклад в путаницу с биографией Богданова. У Новикова, если обратиться к прижизненному изданию 1772 года, написано буквально следующее: «Богданов, Андрей, Императорской библиотеки помощник библиотечарский, муж ученый и искусный, сочинил *Симфонию на деяния Апостольские*, и начал было трудиться в сочинении Симфоний на священную Библию Ветхого и Нового Завета; но по некоторым причинам сей труд оставил. Он сочинил описание первобытного состояния Санктпетербурга, и украсил многими планами и проспектами; также Логическую азбуку о произведении и свойстве Российских букв; да на Российском и Японском языке сочинил книги: Грамматику, Вокабулы, Дружеские разговоры и *Орбис пиктус*, то есть свет в лицах. Все сии сочинения не напечатаны; но хранятся в Императорской библиотеке. Умер он 1768 года, около 70 лет от рождения».

Если посчитать заново, Богданов родился в конце XVII века. Новиков назвал его *ученым мужем*, с чем нельзя не согласиться. Упомянутое *описание первобытного состояния Санктпетербурга* станет основой для добротной книги, которая будет напечатана в 1779 году стараниями В. Г. Рубана. Новиков неясно выразился по поводу нескольких книг, *сочиненных на российском и японском языке*. Неточность выражения оставляет место для предположений и домыслов, читатель вправе предположить, что Богданов в полной мере владел японским языком, а иначе как он мог создать пособия – *Граматику, Вокабулы, Дружеские разговоры*, предназначенные, как мы понимаем, для преподавания японского языка русским ученикам. А если он владел японским, для тех времен языком у нас совершенно неизвестным, то не японец ли он?

И домыслы возникли. Перечень богдановских работ представлен уже по-иному, например, у Е. А. Болховитинова (1767–1837), который в 1805 году печатает в журнале «Друг просвещения» свой «Новый опыт исторического словаря о российских писателях», и в этом *новом опыте* Богданов уже фигурирует как сын японца:

«Богданов Андрей, родился в 1707 году в Сибири от отца Японской нации. В 1733 году вывезен был в Санктпетербург и по крещении обучался при Академии Наук, при коей он был наконец библиотекарем Помощником и в сей должности скончался. Из сочинений его известны: 1. *Симфония на Деяния Апостольские* <...>. 2. *Историческое, Географическое и Топографическое описание Санктпетербурга от 1703 по 1751 год*, с планами и фасадами первоначальных зданий. Книгу сию В. Рубан, умножив и распространив описаниями до 1779 года, напечатал в Санктпетербурге того же 1779 года <...>. 4. *Японская на русском языке Грамматика, с Дружескими разговорами и Видимым Светом на Японском же языке*. Последние две книги не напечатаны, и сохраняются рукописными в Библиотеке Академии Наук».

Новиков перечислял четыре пособия (включая загадочный *свет в лицах*). По написанию, какое мы видим в «Словаре» Болховитинова, можно думать об одном пособии с длинным названием, но нас уверяют, что их два.

Позже биографы уже должны были решать: кому верить? В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (в 4-м томе, вышедшем в 1891 году) сведения о работах Андрея Богданова преподносятся хотя и со ссылкой на Новикова, но в следующей формулировке: «Грамматика, разговоры, и краткий словарь японского языка» и «Видимый свет» (*Orbis pictus*) на японском языке». При этом учитывается сообщение Болховитинова *об отце японской нации*: здесь Богданов родился в 1707 году *от природного японца*. При этом вносится нечто *свое*: Рубан *переиздал* «Описание Санктпетербурга» – тогда как богдановский труд до 1779 года не печатался, существуя только в рукописных списках. При этом сообщение о том, что Андрей Богданов только в 1733 году был *привезен в Петербург*, совсем сбивает с толку.

«Богданов (Андрей) – писатель прошлого века, архивариус и помощник библиотекаря Академии наук, род. в 1707 году в Сибири от природного японца, в 1733 году привезен в СПб. и отдан для обучения в гимназию при Академии наук, впоследствии назначен ее

архивариусом, умер в 1768 году. Богданов первый в России занимался японским языком. Написал: «Симфония или Конкордация, то есть Соглашение на четыренадцать Посланий св. Павла» (Москва, 1737, 2-е изд., 1821). Богданов начал было работать над Симфонией всей Библии, но труда своего не закончил; рукопись ее хранится в библиотеке Александро-Невской лавры; «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, с 1703–51, со многими изображениями зданий». Книгу эту В. Рубан переиздал в 1779 году, значительно дополнив ее. Она весьма замечательна для своего времени и не потеряла интереса доныне. Извлечение из истории СПб. Богданова помещено в Месяцеслове на 1778 год. В «Опыте словаря российских писателей» Новикова упомянуты также сочинения Богданова: «Логическая азбука о произведении и свойстве российских букв»; «Грамматика, разговоры и краткий словарь японского языка» и «Видимый свет» (*Orbis pictus*) на японском языке. Эти сочинения Богданов не успел напечатать, и они хранятся в Академии наук».

Кстати, в 1707 году *природный японец* был в России всего один, но не Санима, а Дэнбей. Так что «Энциклопедический словарь» представил нам еще одну версию о происхождении Андрея Богданова: он – сын Дэнбея! Напомню, что другие востоковеды, петербурговеды, книговеды и биографы сообщали о рождении Богданова в 1792, 1796 и 1710 году.

СОЧИНЕНИЯ АНДРЕЯ БОГДАНОВА «НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ»

По поводу японских предков не пора ли выслушать самого Андрея Ивановича Богданова, который писал в 1766 году в официальном прошении: «обретался я <...> с 1712 году при пороховом деле, где я отправлял должность вместо отца своего, который, тогда будучи в старости, работу отправлять не мог, по 1719 год. И в том 719 году указом Его Императорского величества определен в службу к типографскому художеству...»

Богданов был из русских мастеровых людей, его отец Иван делал

порох. Богданов, простолюдин и, как я понимаю, самоучка, *выбился в люди* благодаря своему труду и упорству, но, не имея дворянства, до конца жизни занимал скромную должность *библиотечарского помощника*.

По поводу даты рождения Богданова можно продолжать розыски и споры, а что касается его смерти, нет сомнений, что он умер в 1766 году.

В августе 1766 года, 22-го числа, Богданов передает книги и рукописи по описи другому библиотечно-му служителю, он расписывается: «Здал Андрей Богданов». Мы имеем образец его почерка. Чем вызвана передача дел? Богданов уходит с работы – увольняется по собственному желанию или вышел приказ начальства, – неизвестно, но понятно, что он уже старик: ему *около семидесяти лет*, как писал Новиков, а может, и за семьдесят.

Сохранилось прошение Богданова от 3 сентября 1766 года: это *челобитная*, в которой Богданов, теперь лишенный зарплаты, просит императрицу «дабы за предписанные мои труды наградить Высочайшею Вашего Императорского Величества милостию, дабы жена моя и дети не могли притти в крайнее раззорение». Попросту говоря, бывший архивариус и библиотечарский помощник, получавший всю жизнь очень скромное жалованье, просит денег.

В ноябре того же 1766 года к императрице обращается Мария Артамоновна Богданова – с подобным прошением о денежном награждении *за службу мужа*: «для оплаты долгов и на пропитание». Из этого документа явствует, что Андрея Богданова уже нет в живых: «бьет челом, умершего бывшего ведомства канцелярии Академии наук при библиотеке архивариуса Андрея Иванова сына Богданова жена его вдова Мария Артамонова дочь».

Из источников, к которым мы обращались сегодня за справкой, только «Большая советская энциклопедия» называет точную дату смерти Богданова: 11 сентября 1766 года. Он умер почти сразу после увольнения со службы.

В своей челобитной Богданов, упомянув изготовление пороха и типографию, подробно перечисляет плоды своей деятельности во время службы в Академии наук. Повторим

то, что говорится в двенадцатом параграфе этого перечня: «По силе данного от Императорской Академии наук указу японскую школу содержал и к тому учению пять книг грамматических произвел для японского языка, которые в библиотеке хранятся».

Грамматических книг действительно пять, а не три, не две и не одна, как можно было понять из публикаций Новикова, Болховитинова и Брокгауза с Ефроном. Правильнее говорить о пяти *рукописях* в четырех переплетах: две рукописи, «Вокабулы» и «Разговоры», были переплетены – при Богданове или позже – вместе, под одной обложкой. «Вокабулы» – слова и фразы по определенным темам, и среди этих тем – Бог, времена, сродство (родственные связи), корабли... «Разговоры» – то, что в наше время называется разговорником, где подобраны высказывания о различных сторонах жизни и на всякие жизненные случаи. Мы видим у Богданова и бытовые фразы, например: «Кот и кошка любит мышей», «Курица несет яйца», «Пиво хорошее», «Вино изрядное»; мы находим и предложения следующего рода: «Сатана плетет тысячу хитростей».

На свободном листе переднего форзаца имеется надпись – она сделана рукой Богданова: «Описана 1736 года японцем под надзором сего учения Андрея Богданова».

Итак, некий японец *описал* слова, фразы и предложения, *надзирал* за этим учением Богданов... Требуется пояснение: Богданов выступил составителем, он определил, какой тип пособия требуется, он собрал, подобрал, отобрал нужный материал, а некий японец перевел слова и предложения, Богдановым написанные, на японский язык. Некий японцем был Гонза, он же Дамиан Поморцев.

Откуда у меня такая уверенность, ведь «Вокабулы» и «Разговоры» – чистовая копия, выполненная писарской рукой, надпись богдановским почерком вроде как указывает на авторство *японца*. Во-первых, сохранился черновой вариант «Вокабул» и «Разговоров» – он фигурирует как отдельная рукопись в своем переплете. В левых колонках, где русские слова и фразы, где варианты, зачеркивания, исправления и пометы, мы узнаем

почерк Богданова, известный нам по акту приема-сдачи библиотечных книг, его же характерную подпись с указанием должности мы запомнили, знакомясь с челобитной на высочайшее имя. В правых колонках неизвестной рукой записан, русскими буквами, перевод на иностранный язык – на японский, как мы понимаем. Соза, он же Козьма Шульц, был *стариком*, как сообщает Г. Ф. Миллер, уже при вынужденной высадке на Камчатке, и он умер в 1736 году. В России оставался один японец, поэтому напрашивается один вывод и следует единственный ответ: Богданову помогал Гонза.

На «Краткой грамматике» тоже имеется надпись знакомым почерком: «Писана японцем под надзором и учением русского языка Андрея Богданова». С этим пособием, как я понимаю, японскому юноше было особенно трудно справиться. Имел ли он, мальчик с торгового японского судна, знания о грамматическом устройстве своего языка? Думаю, Богданову многое пришлось объяснять Гонзе – что такое части речи, и что такое части предложения...

Самая объемистая рукопись имеет следующее заглавие: «Новый лексикон славенояпонский». Это первый в нашей стране русско-японский словарь, в коем на 384 страницах – около 12 тысяч русских слов с переводом на японский (японская часть выполнена русскими буквами). В конце рукописи указаны сроки составления словаря: «Начался 29 сентября 1736», «Кончился 27 октября 1738». Созы, повторяю, в указанное время уже не было в живых.

Из сказанного отнюдь не следует, что Андрей Богданов изучал или знал японский язык, и уж точно нет оснований записывать его в *природные японцы*.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЯПОНЦЫ

Возвращаемся к двухтомному «Описанию земли Камчатки», напечатанному в 1755 году: в конце каждого тома имеется индекс, на языке той эпохи – «Краткое изъяснение вещей, собранных по алфавиту скорого ради приискания». Кто составлял *изъяснение вещей* для быстрого поиска? Из

выходных данных в книге имеются только год издания и имя автора, С. П. Крашенинникова. Ответ на этот вопрос мы вдруг обнаружили, просматривая челобитную Андрея Богданова от 3 сентября 1766 года. Перечисляя свои труды в стенах академической библиотеки, он сообщает, в одиннадцатом параграфе, об *алфавитных реестрах*, то есть индексах, сделанных им для книги Крашенинникова: «В Камчатскую историю в первой и второй том алфавитные реестры материим зделал, которые и напечатаны».

Во втором томе означенного труда Крашенинников упоминает Созу и Гонзу – которых он, собственно, не называет по именам: «В том же 1729 году летним временем принесло к камчатским берегам между Курильской лопаткой и Авачею Японскую бусу, на которой было 17 человек и несколько товаров; но оные несчастливые люди побиты от случившегося в тех местах пятидесятника Штинникова, кроме двух человек, которые в Санктпетербург высланы, и имели без сомнения случай к удовольствию своему слышать о казни сего злодея за неповинное убийство земляков своих».

На странице имеется сноска к *японской бусе*:

«Оное судно по Японски называлось Фаянкмар, было из города Сацмы, отправлено с сорочинским пшеном, с камками, полотном, пищею бумагою, и другими вещами в город Азаку; и следуя к оному Окианом сперва бежали благополучным ветром, потом претерпело оно противную жестокою погоду восемь дней, которою отнесло их в открытое море, где уже пути своего не узнали. В море носило их так как веяли ветры, шесть месяцев и 8 дней, считая Ноября от 8 июня по 7 число; между тем принуждены они были выметать все свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вместо которого употребляли они долгие бревна привязав их за корму. В толь бедственных обстоятельствах не оставили они просить помощи у богов своих, а особливо у морского, которого называют фнадама, однако не много успели своею молитвою; наконец принесло их к камчатским берегам близ Курильской лопатки, где они от берегу верстах в 5 брося остальные свои якори, остановились, и начали

Восковая голова мужчины монголоидного типа (с бородой).
(© МАЭ РАН)

свозить нужные вещи на берег. Потом и все съехали на землю, а числом было их 17 человек, и поставя шатер 23 дни покой имели, не выдав никого из Камчатских обывателей, а между тем большее их судно унесло погодою».

Большее судно – грузовой корабль, на котором имелась шлюпка, ниже о ней говорится как о *малом судне*. Фраза *считая Ноября от 8 Июня по 7 число*, видимо, опечатка, и следует читать: *от ноября 8 по июня 7 число*, то есть с 8-го ноября по 7-е июня. У Миллера, правда, речь шла о крушении японского судна не в июне, а в июле.

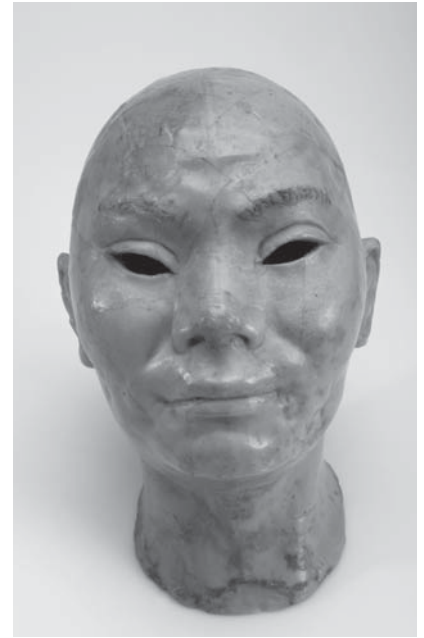
На первый взгляд, пересказывается история, которую мы читали выше в «Описании морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю», но мелкие подробности, которых нет у Г. Ф. Миллера, позволяют предположить, что автор примечания пользовался другим источником – тем более что книга Крашенинникова вышла в 1755 году, раньше миллеровского «Описания». Может быть, пояснитель слышал от самих Созы и Гонзы историю их злключения в деталях, только им известных?

В своей челобитной на имя императрицы, как мы помним, Богданов напоминает о том, что он *японскую школу содержал*. Сразу после этого идет параграф под

номером тринадцать следующего содержания: «Известие краткое историческое зделал о упомянутых японцах, каким случаем оные японцы в Россию попались, которое у господина профессора Крашенинникова в доказательство о тех японцах в Камчатскую ево историю внесено».

Пространное примечание к сообщению Крашенинникова о Созе и Гонзе принадлежит Богданову и никому другому! – и, следовательно, не лишены основания наши предположения, что Богданов слышал и, может быть, записывал устные рассказы означенных японцев в те три-четыре года, пока он *японскую школу содержал*. Обилие дополнительных деталей и уточнений заставляет нас прочитать *историческое известие* Богданова до конца: «После того нашел на них Казачей пятидесятник Андрей Штинников с Камчадалами. Японцы обрадовались людям,

хотя языку не разумели. Начали им оказывать всякую склонность и приветство, дарить платьем, и что у них было; напротив чего и с другой стороны приятствовали, токмо под видом, и Штинников стоял в 10 сажнях от стану целые два дни; наконец он с Камчадалами скрылся от Японцов в ночное время к немалому их сожалению. Следующего дня собрались Японцы в малое свое судно, погребли близ берега с тем, чтоб сыскать жилие какое, и отъехав верст с 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинников ломал с Камчадалами, и обирал железные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна продолжали далее путь свой стороною; но как завидел их Штинников, тот час приказал Камчадалам перенять и побить их. Японцы видя легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою погибель, в начале стали облажать и умиловивлять поклонами, но как вместо склонности увидели пускаемые стрелы, то инные пометались в воду, а остальные от части копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову, в знак своей покорности, перерублены и в море пометаны; токмо в живые оставлены двое, один малолетной 11 лет от роду, именем Гонза, который был при отце своем Штурмане для обучения мореплавания, но и

Восковая голова молодого мужчины монголоидного типа.
(© МАЭ РАН)

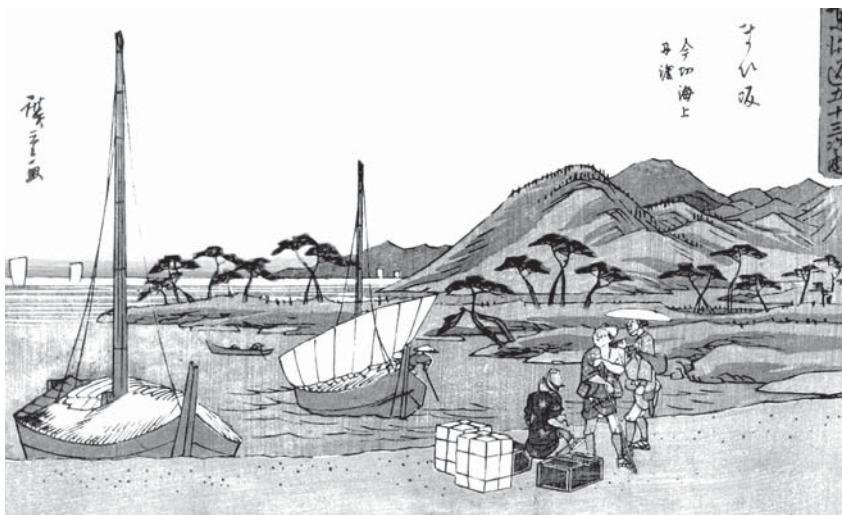
тот в руку раненой; а другой старой, именем Соза, которой взят был от купчества для провожания помянутого судна, и которой было бросился в море.

Штинников получа малое их судно, все что на оном ни было, себе взял; большее судно для железа сжег, Японцов захолопил, и со всею тою корыстью в верхней острог поехал, надеясь пользоваться варварством приобретенною добычею, которою и пользовался до прибытия из Якутска прикащика; ибо от закащиков откупался он Японскими вещами. Но прикащик, как скоро услышал о помянутом приключении, приказал взять у Штинникова Японцов; закащика, которой брал подарки, пред ними наказывал жестоко, Штинникова посадил в тюрьму, и писал о нем в вышшую команду, а Японцов содержал до указа на казенном коште.

По смене с приказу отвез он Японцов в нижней камчатской острог, и отдал на руки Штурману Якову Генсу, а сам поехал в Анадырск, и донес о всем бывшему в Анадырске тогдашнему главному командиру партии господину Маеору Павлуцкому, от которого к Генсу немедленно прислан был ордер, чтоб Японцов в Якутск отправив, куда они в 1731 году и отправлены. В Якутске жили они недель с пять на казенном же кош-

те, а потом отправлены в Тобольск по указу присланному за рукою Губернатора Алексея Львовича Плещеева. В Тобольске содержаны они были во всяком удовольствии, а по прошествии четырех недель посланы в Москву с нарочными провожатыми, которые их в Сибирском приказе представили, а Сибирской приказ с теми же провожатыми отправил их в Санктпетербург в Правительствующий Сенат, которой немедленно донес об них Ее Императорскому Величеству, и Ее Императорское Величество указав представить их в Летнем доме, Сама изволила спрашивать о их приключениях; ибо младшей из них нехудо уже говорил по Российски; и тогда же повелела Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить в Сенате указ Свой, чтоб их и деньгами и платьем довольствовать.

В 1734 году по указу Ее Императорского Величества отданы они в Кадетской корпус иеромонахам, для учения христианского закону, а потом сподоблены святого крещения октября 20 дня объявленного году, в церкви воскресения господня, что в Кадетском корпусе; и Соза наречен Козмою, а Гонза Дамианом. В 1735 году Дамиан отдан в Александроневскую Семинарию для обучения российской грамоте, и вскоре потом оба присланы по указу в Академию Наук для учения по рассмотрению Академии. В 1736 году последовал

Японские купцы. С гравюры Утагавы Хирошигэ

указ, чтоб Японцы не токмо Российскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолетних из Российского народу, которых к ним определить велено. По которому указу помянутое учение до кончины их и происходило, а скончался Козма сентября 18 дня 1736 году на 43 году от рождения, а Дамиан в 1739 году декабря 15 дня, и погребены, первой у церкви вознесения господня, что на Адмиралтейской стороне, а другой в Калинкиной. Для памяти сего случая, что из толь отдаленного места были люди в России, приказала Академия срисовать их, и снять с лиц алебастровые формы, которые

в Императорской кунсткамере поныне находятся».

Благодаря Богданову мы узнали, что японский купец Соза был не такой уж и старик. Гонза, сын штурмана, умер, как мы понимаем, когда ему было чуть больше двадцати лет. Он успел помочь Андрею Богданову в составлении первых в России пособий по японскому языку. Богданов приводит точные даты и место, где похоронили японцев: Созу при Вознесенской церкви, а Гонзу – в Калинкиной деревне. Люди из столь отдаленного места, они оказались по воле случая в России, и благодаря этому история сохранила их имена.

Источники:

1. Болховитинов Е. А. Новый опыт исторического словаря о российских писателях // Друг просвещения. Журнал Литтературы, Наук и Художеств на 1805 год. Часть 3. М., 1805.
2. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879.
3. Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов: 1692–1766. М., 1958.
4. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1–2. СПб., 1755.
5. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. № 4, 5. СПб., 1758.
6. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
7. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПб., 2011.
8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 4. СПб., 1891.

Редакция благодарит руководство Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), а также лично П. И. Погорельского за любезное предоставление иллюстративных материалов из фондов музея.

Дэмбэй — первый японец в Санкт-Петербурге и первая школа японского языка на берегах Невы

В. В. Рыбин

В 1879 году Н. И. Веселовский писал: «Раньше других языков Востока посчастливилось у нас японскому. Покорение Камчатки обещало России важные торговые сношения с Японией и обратило внимание Петра Великого на это государство. Ничего не делая как-нибудь, великий император и в этом случае имел в виду положить прочные основания торговли с Японией и облегчить, как торговым людям, так и ученым, сношения с нею, подготовив *своих*, сведующих в японском языке, людей»¹.

Как сообщает этот же автор, случай к осуществлению этой мысли представился скоро. И далее сообщается, что в самом начале XVIII столетия выброшен был бурей на берег Камчатки японец *Денбей* (в современной транскрипции, принятой у японистов, — Дэмбэй).

Хорошо известен тот факт, что Дэмбэй был представлен Петру 8 января 1702 года в с. Преображенском под Москвой. Видимо, в результате этого знакомства и зародилась у Петра мысль о начале преподавания японского языка в России при участии этого кораблекрушенца. Результат не заставил себя долго ждать: по указу императора от 16 апреля 1702 года японец был отослан из Сибирского приказа в Приказ артиллерии «для учения русского языка и грамоты, а как он Денбей русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти...». Петр интересовался делами иноземного учителя и позже. Так, 16 октября 1705 года император делал запрос: «Выучился ли Денбей русскому языку и грамоте в Приказе Артиллерии, и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит-ли?»².

По мнению Веселовского и др., результатом предпринятых мер «явилась в том же 1705 году особая *Школа для изучения японского языка*, открытая в Петербурге»³.

И. П. Бондаренко, ссылаясь на работу Л. Н. Кутакова «Россия и Япония» (Москва: Наука, 1988), высказывает предположение, что сначала Дэмбэй преподавал японский язык в школе иностранных языков при Посольском приказе, а затем, начиная с 1705 года, работает в должности учителя школы японского языка, впервые в истории России созданной при Петербургской мореходной («*Навигацкой*») математической школе⁴.

Событие это было столь значительным, что надзор над этой школой был поручен самому Сенату.

Однако следует отметить, что в течение долгих лет вопрос о времени открытия упомянутой школы остается предметом дискуссии как среди историков, так и японоведов России. Одни склонны считать, что класс по изучению японского языка при мореходно-математической школе, в котором работали учителями

Дэмбэй, а затем и Санима, отправленный в Петербург в 1711 году, и был «первой школой японского языка».

Скорее всего, в данном случае можно говорить о некотором терминологическом разночтении, основанном на документах той эпохи. С определенной натяжкой обсуждаемое нами учебное заведение можно было бы определить как своего рода школу грамоты, которые существовали в дореволюционной России. Трудно представить себе, что это была полноправная школа в нашем понимании. Ее сложно назвать учебно-воспитательным учреждением, осуществляющим под руководством педагогов и по соответствующим учебным материалам обучение и воспитание представителей подрастающего поколения.

У профессора В. В. Бартольда читаем: «В некоторых русских научных работах можно встретить утверждение, будто еще в 1705 году в Петербурге была основана японская школа и будто в этой школе преподавал Денбей, к которому потом присоединился Санима; но о такой школе не говорит ни один из источников XVIII века»⁵.

В. Н. Горегляд, как и В. В. Бартольд, утверждал: «Школа японского языка была основана при Академии наук в 1736 году, учительствовал в ней японец Гондза. Она считается первой школой японского языка в России»⁶.

Итак, на смену Дэмбэю и Санима в Петербург прибыли два японца — Содза и Гондза, которым удалось остаться в живых после высадки на южном берегу Камчатки в 1729 году и суровых испытаний, выпавших на их долю: семь месяцев дрейфа по морю, убийства у них на глазах их сотоварищей (15 человек) казачьим пятидесятником Штынниковым, который был за это впоследствии приговорен к смерти и казнён, долгая дорога через Якутск, Тобольск и Москву в Петербург. Они были приняты Анной Иоанновной, которая приказала обучить их основам христианства, и в 1734 году (20 октября) они были крещены. Старший по возрасту Содза стал Козьмой, а юный Гондза (сын корабельного рулевого) — Дамианом. Дамиан был определен на обучение в Духовную семинарию при Александро-Невской лавре. Вскоре оба они должны были не только изучать русский язык, но и преподавать японский русским, для чего поступили в распоряжение Академии наук. И Козьма Шульц (Содза), и Дамиан Поморцев (Гондза) учительствовали в созданной в 1736 году Школе японского языка при Академии наук до самой своей смерти.

По сведениям известного японского исследователя Мураяма Ситиро, Содза скончался 18 сентября 1736 года в возрасте 43 лет, а Гондза — 15 декабря 1739 года в возрасте 21 года⁷.

Гондза, по-видимому, был довольно одарённым молодым человеком. С того момента, как Гондза стал преподавать в только что созданной Школе японского

языка, то есть с 1736 года до смерти в 1739 году, им были составлены учебные пособия по разговорному японскому языку (1736 год), тематический русско-японский словарь (1736 год), краткая японская грамматика (1738 год), «Новый лексикон славено-японский» (1736–1739 годы) (расшифрован с рукописного варианта и издан в Японии Мураяма Ситиро в 1985 году, содержит около 12 тыс. слов). И после смерти Гондзы в течение многих лет Школа японского языка продолжала свою работу, хотя в ней не было природных носителей японского языка, а преподавали в ней Андрей Богданов и выпускники этой же школы – Пётр Шенанькин и Андрей Фенёв. Школа сохранялась в Петербурге вплоть до 1754 года, когда она была переведена в город Иркутск⁸.

Вот как оценивает деятельность японцев на прище преподавания их родного наречия россиянам В. М. Алпатов: «Вплоть до 50-х годов XIX века единственным источником информации о японском языке в России были люди, случайно попавшие на русскую территорию: моряки, рыбаки, торговцы, как правило, неграмотные или малограмотные, владевшие лишь диалектом <...> В основном они, исключая рано умершего Гондзу, явно не обладали ни научными, ни педагогическими способностями. Поэтому, несмотря на появившийся в России интерес к Японии и к японскому языку, их деятельность не могла быть успешной»⁹.

Автор приведенного высказывания дает объективную оценку с академических позиций. Нам же представляется, что деятельность Школы японского языка следует оценивать не только сугубо с лингвистической точки зрения, а как исторический феномен, свидетельствующий о многотрудной попытке познать язык и народ соседней страны, находившейся в состоянии самоизоляции.

Об этом автору данной статьи приходилось писать и по-японски в большой статье, посвященной 300-летию пути изучения японского языка и исследованиям Японии в Санкт-Петербурге¹⁰.

В префектуре Кагосима в течение нескольких лет работает Ассоциация по исследованию кагосимского диалекта, в которую входят специалисты-лингвисты и многие энтузиасты. Им удалось по транскрипциям японских слов, оставленных Гондзой, окончательно определить, что он родом из поселения Итики, исходя из диалектизмов, которыми он владел и пользовался в своих работах, написанных в России.

Ныне Итики объединен с Кусикино и является городом районного значения – Итики-Кусикино-си, где практически все жители чтят своего прославившегося в Петербурге далекого предка – Гондзу. Осенью 2010 года японская делегация из этих краёв побывала в Санкт-Петербурге, ознакомилась с архивными материалами в Академии наук и увезла небольшой камень с берегов Невы, который теперь помещен в выстроенной в честь Гондзы молельне на морском берегу.

Летом 2011 года жителями Итики-Кусикино был организован «Фестиваль Гондзы», участником которого посчастливилось стать и автору статьи и его студентам. Мне пришлось в рамках специально собранного симпозиума рассказать о годах, которые Гондза провел в Петербурге, и о его работе, принять вместе со студентами участие в спектакле, посвященном этому выдающемуся участнику. Японцы рассматривали нас как продолжателей дела Гондзы, и все мы сдружились.

Плакат фестиваля Гондза в префектуре Кагосима

¹ Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб.: Типография брат. Пантелеевых. 1879. С. 61.

² В постраничной ссылке Н. И. Веселовский отсылает читателя к статье П. Иванова «Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку» (в «Вестнике» Имп. Рус. геогр. общ. 1856 г. т. 7) и статью А. Сгибнева «Об обучении в России японскому языку» (в Морском сборнике 1868 г. декабр. кн.). Сведения, сообщаемые в этой последней статье, извлечены из дел иркутского и якутского архивов.

³ Там же.

⁴ Бондаренко И. П. Русско-японские языковые взаимосвязи XVIII. Историко-лингвистическое исследование. Одесса: Астро-Принт, 2000. С. 30.

⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в университете и Ленинградском институте живых восточных языков. Изд. 2-е. Л.: ЛИЖВЯ, 1925. С. 200.

⁶ Горегляд В. Н. Японские моряки в России в эпоху изоляции Японии // К истории петербургской школы японской филологии / Сост. К. В. Головина, К. Н. Копылова, В. В. Рыбин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 62.

⁷ Мураяма Ситиро. Предисловие // Син-сурав-нихонгозитэн (Новый лексикон славено-японский). Токио: Наука, 1985. С. 9.

⁸ Рыбин В. В. Первые вехи трёхсотлетнего пути изучения японского языка в Санкт-Петербурге (от Дэмбэя до создания кафедры японской словесности в СПбГУ) // Материалы научной конференции, посвященной 300-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербурге. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 5–6.

⁹ Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. С. 7.

¹⁰ Руй-бин В. Санкт-Петербург (Россия)における日本語学習と日本研究の三〇〇年のあゆみ // 日本研究 第32号 京都: 角川書店。— 2006. P. 261–284.

Российско-японские отношения в 1906—1916 гг. (по материалам из фондов Российского государственного исторического архива)

Н. А. Самойлов

После завершения Русско-японской войны 1904–1905 годов отношения между двумя странами стали меняться к лучшему. И в России, и в Японии появились силы, стремившиеся к нормализации отношений и даже к сближению позиций двух государств. Итогом стало подписание в 1916 году двустороннего договора.

Процесс нормализации отношений был достаточно длительным и непростым. Многим представляется, что период 1906–1916 годов относится к числу достаточно хорошо изученных в истории отношений двух стран. Среди работ российских авторов, которые обращались к данному историческому периоду, следует выделить соответствующие разделы книги Л. Н. Куцакова «Россия и Япония»¹, исследования В. Э. Молодякова² по истории российско-японских отношениях, а также недавнюю публикацию Ю. Д. Михайловой в 30-м томе «Acta Slavica Iaponica»³.

Естественно, возникает вопрос: что же нового и неизвестного может обнаружить исследователь в рамках данной, уже, казалось бы, хорошо изученной темы?

Однако документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге, не только проливают новый свет на конкретные события российско-японских отношений указанного периода, но и позволяют более основательно осветить отдельные этапы и стадии постепенного сближения России и Японии в период между Русско-японской и Первой мировой войнами, проследить постепенно намечавшиеся тенденции взаимодействия в различных сферах, а также понять

роль и значение отдельных личностей в этом процессе. Привлечение таких архивных документов дает возможность исследовать данную проблематику не только на макроисторическом, но и на микроисторическом уровне.

Наиболее важные с этой точки зрения архивные документы, относящиеся к рассматриваемому периоду, в наибольшей степени сосредоточены в фонде Общей Канцелярии министра финансов и фонде правления Общества Китайско-Восточной железной дороги. Это объясняется тем, что Министерство финансов России с того времени, когда его возглавлял Сергей Юльевич Витте, проявляло чрезвычайный интерес к положению дел на Дальнем Востоке (особенно в соседних с Россией странах: в Китае и в Японии). С. Ю. Витте создал там разветвленную сеть российских финансовых агентов, имевших специальное (чаще всего востоковедное) образование, хорошо подготовленных к предстоящей работе и компетентных. Традиция скрупулезного сбора материалов о странах Восточной Азии и их тщательного анализа сохранилась и при В. Н. Коковцове, находившемся на посту министра финансов до 1914 года. Что же касается правления Общества КВЖД, то по вполне понятным причинам оно в силу специфики своей деятельности и по долгу службы обязано было изучать ситуацию на Дальнем Востоке, включая основные направления внешней политики Японии в этом регионе и состояние российско-японских отношений.

Так, например, в фонде Общей Канцелярии министра финансов хранятся несколько дел, объеди-

ненных названиями «Финансовое и экономическое положение Японии» и «Об отношении Японии к России и Китаю», насчитывающие по нескольку сотен листов каждое.

В фонде правления Общества КВЖД есть пять дел, озаглавленных: «О деятельности японцев в Маньчжурии», которые охватывают период 1908–1918 годов, и пять дел «О путешествии на Дальний Восток тайного советника И. П. Шипова» по двести с лишним листов каждое. Объем указанных дел свидетельствует о том интересе, с которым собирались документы о Японии и российско-японских отношениях в предреволюционное время. Многие из хранящихся в этих делах документов были помечены грифом «Секретно» или «Совершенно доверительно».

Внимательное рассмотрение упомянутых выше архивных собраний дает возможность проследить то, как формировалась позиция высокопоставленных лиц России в отношении Японии и что они думали и планировали на каждом отдельном этапе российско-японского сближения. Кроме того, после прочтения этих документов можно с уверенностью сказать, что в «наведении мостов» между двумя странами часто участвовали люди, формально не занимавшие в тот момент государственных должностей.

Документы подтверждают, что в первое время после окончания Русско-японской войны в отношениях между двумя странами доминировали настороженность и предубеждения. Однако подобное отношение постепенно стало сменяться нарастанием интереса друг к другу.

Об этом свидетельствует письмо министра иностранных дел

А. П. Извольского⁴ министру финансов В. Н. Коковцову⁵ от 4 мая 1907 года (здесь и далее даты даны по старому стилю), в котором глава российского МИДа предлагал в Маньчжурии «искать способа предотвратить всяких трений и осложнений в этой области, где русские и японские интересы приходят в непосредственное соприкосновение»⁶. В этой связи А. П. Извольский высказывал мнение, что «единственным способом достигнуть прочных результатов в указанном отношении является разграничение определенных сфер деятельности для той и другой стороны»⁷.

Таким образом, со всей очевидностью можно утверждать, что поиск компромиссов становится приоритетной тенденцией в деятельности МИДа на японском направлении.

В качестве доказательства своей правоты А. П. Извольский приводил справку о положении дел в Маньчжурии, где отмечалось, что «вскоре после заключения Портсмутского договора обнаружилось, что и в Японии, несмотря на существование там сильной военной партии, более умеренные лица, из коих составлено нынешнее японское правительство, понимают необходимость установить с Россией более прочный порядок, который бы дал известные гарантии для будущего и определил бы взаимоотношения обеих держав»⁸, а также ссылаясь на секретную телеграмму (от 18 апреля 1907 года) российского посланника в Пекине, одного из самых блестящих знатоков Восточной Азии того времени, действительного статского советника Д. Д. Покотилова⁹, который писал, что, на его взгляд, «представлялось бы возможным согласиться на демаркационную линию по течению Сунгари, при условии обеспечения интересов железной дороги в отношении участка к югу от этой реки до станции Куанченцзы¹⁰, в смысле отказа японцев от сооружения на протяжении этого участка подъездных путей и разработки в его районе горных богатств»¹¹.

Судя по хранящимся в РГИА документам, очень большое значение в деле ознакомления высших российских должностных лиц с ситуацией в Японии и в то же время для создания позитивного образа

России в Стране восходящего солнца сыграл визит в эту страну тайного советника И. П. Шипова (занимавшего до этого пост министра финансов, а впоследствии ставшего управляющим Государственным банком России)¹². И хотя формально этот визит носил частный характер, пребывание в Японии столь влиятельного и в недавнем прошлом высокопоставленного лица было воспринято и в России, и в Японии не иначе как зондирование почвы относительно возможностей возобновления и развития российско-японских торгово-экономических отношений. Поездка И. П. Шипова стала настоящим прорывом в отношениях двух государств и вывела их из состояния стагнации.

По поводу данного визита и его значения посол России в Японии Г. П. Бахметев¹³ писал в своей депеше от 28 ноября 1907 года: «Во время своего 12-дневного пребывания здесь г. Шипов был завален приглашениями на завтраки, обеды, вечера и проч.; все японцы, министры, банкиры, губернатор Киото, куда он ездил на один день, соревновались в желании оказать почетный и ласковый прием бывшему министру финансов, занимающему и теперь высокую и ответственную должность, первому русскому гостю после войны; его приезд вызвал новую серию дружеских демонстраций»¹⁴.

И. П. Шипов отмечал, что главной темой всех речей, произносившихся на встречах и во время приемов, была необходимость быстрого и тесного торгово-экономического сближения между двумя соседними странами.

О внимании к визиту И. П. Шипова не только со стороны правящей элиты и деловых кругов, но и самого японского императора говорит эпизод, о котором в Петербург докладывал посол Г. П. Бахметев: «Император Японский, страдавший после маневров сильной простудой, которая приковывала его к кровати, вчера в первый раз встал, чтобы принять г. Шипова, которого я имел честь ему представить, и Его Величество кроме обычных здесь, в подобных случаях, шаблонных фраз, выразил надежду, что бывший русский министр нашел в Японии достаточное сведений для практического ознакомления с торговыми и финансовыми вопросами»¹⁵.

Российский посол высоко оценил итоги визита бывшего министра финансов, которому удалось поколебать негативное отношение к России: «...японцы им очарованы и многого ожидают»¹⁶.

И. П. Шипов по итогам своей поездки в Японию составил подробный отчет («Обзор путешествия в Маньчжурию, Японию и Собственный Китай»¹⁷) министру финансов В. Н. Коковцову, в котором он подчеркивал необходимость налаживания торгово-экономических связей между двумя странами. Торговые связи могли, по его мнению, стать прологом общей нормализации отношений.

И. П. Шипов также отметил изменения в отношении японцев к России, произошедшие за короткое время, и нашел этому объяснение: «Первое время после войны, да и много спустя, было крайне трудно вести дело с японцами, так вызывающе они себя держали. Но вот проходит года полтора, и вдруг начинается изменение отношения к нам японцев в лучшую сторону <...> Главной причиной было, вероятно, начавшееся у нас в России внутреннее успокоение, а вместе с тем и увеличение международного веса России, а другой – несомненно, и наша внешняя политика, которая дала понять и почувствовать за границей, и в частности японцам, эту возрождающуюся силу России»¹⁸. Таким образом, стабилизация внутренней жизни в России и рациональный курс ее внешней политики создали хорошую основу для развития отношений с Японией.

Наблюдательность и интерес к самым разным сторонам жизни и хозяйственной деятельности Японии дали возможность И. П. Шипову выделить те факторы, которые могли затормозить развитие торгово-экономических связей и испортить позитивный образ России. Так, например, во время своей поездки он обратил внимание на удручающее состояние судов русского Добровольного флота, курсировавших между Владивостоком и Цуругой: «Оба парохода переделаны, очевидно, из грузовиков, очень валки, без всяких удобств <...> Японский пароход на этой линии, по рассказам, больше и лучше названных пароходов. Проездная плата на нем также дешевле. В Токио ко мне за-

ходил агент Добровольного флота в Цуруге Умеда, который говорил, что с Добровольным флотом трудно работать, так как он совершенно не стремится получать пассажиров и грузы, а в то же время держит высокие фрахты. Приблизительно то же самое говорил мне о деятельности Добровольного флота на линиях Дальнего Востока и наш консул в Нагасаки З. М. Поляновский¹⁹²⁰.

И. П. Шипов отмечал, что без изменения отношения к делу со стороны российских купцов и предпринимателей торгово-экономическое сотрудничество России с Японией не сдвинется с мертвой точки, и Россия все более будет уступать Японии в деле распространения своего экономического влияния в регионе.

На необходимость перестройки экономического мышления российских предпринимателей, желающих вести дела на Востоке, указывал и посол Г. П. Бахметев: «Ежели наши купцы захотят сбывать свой товар здесь, то им придется выйти из своих старомодных рамок и соотносываться с новейшими условиями, а именно озаботиться о хорошей постановке дела и решиться положить порядочный куш на рекламу, без которой торговля не может идти; все иностранные фирмы имеют образованных приказчиков и хорошую обстановку, зарабатывать же барыши без предварительных расходов, по одному качеству товара, немислимо»²¹.

Развитие российско-японских отношений на рубеже первого и второго десятилетий XX века осложнялось также весьма слабой информированностью правящих элит и общественности двух стран друг о друге. В прессе и массовом сознании все еще доминировали стереотипы периода Русско-японской войны. Эти негативные представления подогривались дипломатическими представителями и прессой третьих стран, заинтересованных в сохранении напряженности в отношениях России и Японии.

На то, что в Стране восходящего солнца в то время очень мало знали о реальной жизни в России и о ее политике, обратил внимание новый посол России в Японии Н. А. Малевский-Малевич²² в своей аналитической записке, составленной в 1909 году. Этим обстоятельством, по его наблюдениям, активно

пользовались западные державы, старавшиеся разыгрывать в отношениях с Японией антирусскую карту: «Одним из главных поставщиков различных неблагоприятных сведений о нашем отечестве является Берлинское агентство “Deutsche Japan Post”, с которым мне постоянно приходится полемизировать. Большинство правительств, заинтересованных в дальневосточных делах, располагают здесь своими органами печати; так, под влиянием американцев находится токийская газета “Japan Advertiser”, англичане руководят газетой “Japan Daily Mail”, немцы субсидируют “Japan Herald”²³». Полномочный представитель России сожалел о том, что наше посольство в Токио, в отличие от западных дипломатических миссий, не располагало достаточными средствами для того, чтобы иметь в своем распоряжении печатный орган, и в нужных случаях было вынуждено обращаться к любезности редакторов отдельных изданий: «Впрочем, я должен заметить, что в общем японская туземная пресса настроена к нам в настоящее время благожелательно, и мне не случилось, при неоднократных моих обращениях к этим изданиям, встречать отказов в просьбе напечатать опровержение или разъяснение по тому или иному вопросу»²⁴.

В декабре 1909 года в канцелярию министра финансов хлынул поток сообщений о слухах и предположениях относительно вероятности новой войны с Японией. Управляющий Харбинского отделения Русско-китайского банка Г. Г. Кугушев²⁵ писал 11 декабря 1909 года из Харбина: «Берлинские и австрийские газеты бьют тревогу по поводу якобы ожидаемой войны России с Японией <...> Япония усиливает армию и флот, увеличивает свой войска в Корею и на линии строящейся с лихорадочной быстротой Аньдунской дороги. Кое-где отмечаются факты японского шпионства, на берегах Камчатки сделаны японцами топографические съемки и промеры (донесение генерала Унтербергера²⁶). Одновременно с японцами вооружается Китай...»²⁷ Следует отметить при этом, что Г. Г. Кугушев являлся выразителем так называемого «харбинского», то есть более скептического, подхода к политике Японии в отношении

России. О так называемом «харбинском» подходе писал еще Г. П. Бахметев: «Это взгляды “Харбинские”, соображения наших здешних военных, имеющих еще перед глазами японское пугало, и наших купцов, не имеющих достаточно инициативы и ловкости, чтобы соперничать с иностранцами»²⁸.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в значительной мере источниками подобных слухов являлись китайские официальные лица, что было обусловлено последствиями Русско-японской войны, которая велась на территории Китая, а также опасениями некоторых китайских военных и дипломатов, что сближение России и Японии может быть осуществлено за счет Китая. Поэтому цинские сановники полагали, что обострение, а возможно, и разрыв наметившихся связей между Японией и Россией может оказаться в интересах Китая. Об этом свидетельствовали письма и донесения российских агентов, приходившие в Министерство финансов и МИД.

Так, например, в канцелярию министра финансов был представлен перевод секретной телеграммы губернатора провинции Хэйлуньцзян от 20-го числа 11-й луны 1-го года эры правления Сюань-тун (19 декабря 1909 года), в которой он информировал своих подчиненных о том, что от члена Государственного совета Дай Хунцы²⁹ было получено секретное письмо, в котором прямым текстом говорилось, что российско-японские отношения вновь обострились и Китай должен этим воспользоваться:

«В скором времени должна быть война между Россией и Японией, ввиду этого нам под предлогом охраны границы и в целях предосторожности необходимо увеличить войска в трех восточных провинциях; кроме этого, мы должны следить, на чьей стороне будет победа, и в то же время мы можем иметь договор с русскими и секретный договор с японцами, чтобы при случае им оказать поддержку для выдворения русских из пределов Маньчжурии, и, на мой взгляд, при таком положении дел русские безусловно должны потерпеть поражение, после которого нам будет гораздо легче говорить с японцами и выговорить у них наши прежние

права в трех восточных провинциях и отблагодарить японцев за оказанное содействие деньгами. В случае, если японцы не будут согласны с теми условиями, которые мы им предложим после войны, то мы можем с ними даже обострить отношения, так как армия их будет слишком слаба и они на будущее время не осмелятся нас обижать. Предстоящее осложнение между Россией и Японией есть самый удобный момент для восстановления наших прежних прав в Маньчжурии. Настоящее мое письмо не должно быть обнаружено, так как оно носит секретный характер»³⁰.

В связи с этим У Лучжэнь, ответственный за оборону восточной границы, в секретном докладе императору предлагал следующий проект: «Осмелюсь высказать свои соображения на усмотрение в нижеследующих пунктах:

1) Завязать с японцами дружественные отношения и войти в соглашение

2) Подготовить хорошо китайские войска.

3) Укрепить свою силу и влияние в трех восточных провинциях.

4) Показать русским вид, что мы по отношению к ним питаем симпатию, дабы успокоить их население»³¹.

Важнейшую роль в деле российско-японского сближения сыграл видный японский политик, министр путей сообщения Гото Симпэй³².

Карл Хаусхофер, будущий теоретик геополитики, а в то время военный атташе в Токио, отмечал многие незаурядные качества этого японского политического деятеля и считал его последовательным сторонником сотрудничества континентальных держав³³. Визит Гото в Петербург в 1908 году стал поворотным пунктом в отношениях между Россией и Японией.

Гото Симпэй решил совершить свое путешествие в Россию сразу после поездки И. П. Шипова в Японию. В связи с этим правление КВЖД в апреле 1908 года распространило следующий циркуляр: «18 сего апреля выезжает из Куаньченцзы в Петербург председатель Общества Южно-Маньчжурской железной дороги барон Гото в сопровождении семи лиц. При посещении в минувшем году ВЫСОЧАЙШЕ командированным на Дальний

Восток тайным советником Шиповым Японией ему был оказан там особенный прием, несмотря на то, что он ездил в эту страну в качестве частного лица.

Имея в виду, что барон Гото является первым японцем с высоким общественным положением, посещающим Россию после поездки тайного советника Шипова в Японию, и принимая во внимание значение которым г. Гото пользуется в своем отечестве, министр финансов признал необходимым, чтобы названному лицу было оказано всевозможное внимание и любезность»³⁴, о чем Министерству путей сообщения были сделаны соответствующие распоряжения.

Следует отметить, что визит барона Гото в Россию был организован на самом высоком уровне, о чем свидетельствует большая подборка документов, хранящаяся в РГИА, где детально расписаны все этапы его проезда по России.

В Санкт-Петербурге Гото Симпэй провел переговоры с министром финансов В. Н. Коковцовым, министром иностранных дел А. П. Извольским и министром путей сообщения Н. К. Шауфусом, встречался он и с главой российского правительства П. А. Столыпиным. 6 мая 1908 года Правление Общества КВЖД и Русско-китайский банк устроили торжественный прием в честь японского гостя, на который были приглашены многие видные государственные деятели, включая П. А. Столыпина, С. Ю. Витте, и все ключевые министры, а также представители частного бизнеса. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась публикация речи, которую произнес Гото на этом приеме: «Несмотря на то что географическое положение России и Японии уже по самой своей природе показывает, что оба государства должны прийти к тесному сближению, до сих, из-за отсутствия путей сообщения, оба государства не могли достичь этой цели. Теперь же, благодаря могущественной России, прямое и быстрое сообщение между Европой и Азией устроено. Время тесного сближения обоих государств наступило, и еще один шаг – обе соседние нации должны пойти от души рука об руку. Это послужит не только для блага обоих народов, но и для блага всех наций»³⁵.

После его визита роскошные приемы устраивались в России и для других японских железнодорожных делегаций. Например, по случаю прибытия такой делегации в Санкт-Петербург в сентябре 1908 года правление Общества КВЖД организовало банкет в ресторане «Контан» на Мойке, 58³⁶, который славился изысканной кухней и румынским оркестром, что свидетельствовало о заинтересованности организаторов визита в демонстрации наивысшего расположения к японским гостям. Устроить роскошный прием в «Контане» считалось хорошим тоном и изысканным шиком. Здесь праздновались юбилей Айвазовского, 100-летие Пушкина, а в 1916 году – 25-летие франко-русского альянса.

Присутствовавшие на банкете российские и японские представители направили барону Гото в Токио телеграмму: «Открыв заседания конференции сегодня, собрались по русскому обычаю разделить хлеб-соль, единодушно проникнуты началами, Вами положенными, барон, полного согласия, общности интересов. Поднимаем первый бокал Ваше здоровье в приятном воспоминании Вашего недавнего пребывания среди нас»³⁷.

От него немедленно был получен ответ: «Весьма обрадован любезным приветом, посланным мне с веселого обеда Вами и г.г. Ходоровским, Соллогубом, Путиловым, Отchiaй, Фужита, Танака, Суенага и Натцуаки, шлю всем мой сердечный привет. Да будет конференция увенчана полным успехом на благо обоих государств. Подписал: министр путей сообщения барон Гото»³⁸.

В дальнейшем Гото Симпэй переписывался с российским министром финансов, что также можно проследить по документам из материалов РГИА. Его фигура привлекала пристальное внимание российских политиков и дипломатов. 17 декабря 1909 года Н. А. Малевский-Малевич писал о встречах с Гото и о его заинтересованности в российско-японском сближении при обязательном учитывании позиции третьих стран: «...Барон Гото мне откровенно высказал, что вся трудность дела состоит в подыскании такой формулы, которая устранила бы всякую подозрительность третьих держав, заинтересованных в маньчжурских делах»³⁹.

Следует отметить, что Н. А. Малевский-Малевиц и сам многое сделал для нормализации отношений между двумя странами и развития активных торгово-экономических и деловых связей России и Японии, о чем свидетельствует его секретное письмо из Токио от 8 апреля 1910 года, где речь идет об организованном им визите в Россию барона Мицуи – главы крупнейшей японской торгово-промышленной корпорации, которую И. А. Малевский-Малевиц сравнивал с банкирским домом Ротшильда:

«Японские деловые сферы все более и более начинают интересовать Россию, и к нам все чаще и чаще начинают заезжать японские гости. На этих днях выехала в Россию вторая партия торговцев, промышленников и литераторов, организованная здешней газетой “Асахи”: сегодня отбыл через Дальний в Харбин, а затем в Москву и Петербург, в сопровождении целого штата секретарей и переводчиков глава крупнейшего торгового и банкирского дома в Японии барон Мицуи. Его поездке придадут здесь большое значение, и маркиз Иноуэ (генро)⁴⁰ говорил мне не без злорадства, что американцы будут очень раздосадованы, узнав, что Мицуи приехал в Россию. Определенных целей это путешествие не имеет, так как барон Мицуи едет, в сущности, на выставку в Лондон, где у него имеется торговая контора. Однако из неоднократных бесед с ним через его главного секретаря, хорошо говорящего по-английски, я убедился, что барон Мицуи предполагает воспользоваться своим пребыванием в России, чтобы познакомиться с некоторыми государственными деятелями и выяснить возможность установления более тесных торговых сношений между обеими соседними империями. По его просьбе я снабдил его рекомендательными письмами к Ваш. Превосх., к статс-секретарю Коковцову и к министру торговли»⁴¹.

Процесс постепенного отказа от использования образа врага в двусторонних отношениях затронул самые разные сферы. Описание одного важного эпизода, способствовавшего изменению представлений о Японии в России, можно найти в письме военного министра В. А. Сухомлинова министру финансов В. Н. Коковцову от 18 мая

1910 года. В нем говорится о «случае посещения японской военной делегацией, с генералом-майором Хосино во главе, города Харбина с целью личного вручения пожалованных Японским Микадо орденов нашим офицерам, бывшим в Порт-Артуре на открытии памятника павшим русским воинам»⁴².

Таким образом, можно констатировать, что архивные документы, относящиеся к периоду 1906–1914 годов, свидетельствуют о том, что это был не только период укрепления дипломатических и политических связей двух стран, но и время, когда две страны и два народа стремились лучше узнать друг друга, постепенно отказываясь от устойчивых образов и стереотипов. Необходимо были более тесные контакты на уровне общественности. После своего пребывания в Японии И. П. Шипов пришел к выводу о том, что «следовало бы обратить внимание на более близкое ознакомление России с Японией <...> Но инициатива в этом деле должна исходить, конечно, не от правительства; принять на себя такую задачу могло бы, скорее всего, например, существующее Общество востоковедения, образовав специальный японский отдел»⁴³. Об этом же писал Н. А. Малевский-Малевиц: «Со своей стороны, считаю учреждение и развитие подобных обществ весьма желательным как в политическом, так и в торговом отношении, только взаимное ознакомление обоих народов, столь близко соприкасающихся на Дальнем Востоке, может рассеять взаимное недоверие и сблизить их экономические интересы»⁴⁴.

В конце 1910 года остро встал давно назревавший вопрос об учреждении русско-японского общества в Петербурге. В Российском государственном архиве хранятся документы, касающиеся создания этого общества и разработки его устава⁴⁵. Там же хранится и последний документ этого Общества – повестка дня собрания, которое проходило в дни Февральской революции:

«Русско-Японское общество
Преображенская, 28, Петроград
Февраль 1917 г.

Общее собрание членов общества <...> в субботу, 25 февраля 1917 г., в 8½ ч., в помещении Общества (Преображенская, 28).

Программа:

1. Доклад ревизионной комиссии
2. Утверждение новых членов
5. Сообщение проф. А. И. Иванова о деятельности научно-литературной секции Общества и о состоянии открытых в 1916 г. курсов японского языка.
6. Текущие дела.

По окончании занятий собрания, член Общества пр.-доц. П. Ю. Шмидт, секретарь Российской экспортной комиссии, сделает доклад на тему: “русско-японская торговля по личным наблюдениям во время поездки в Японию летом 1916 г.»⁴⁶.

В 1911 году возобновило уже на новой основе свою деятельность Японо-русское общество. Его председателем стал военный министр Тэраути Масатакэ, а вице-председателем министр путей сообщения Гото Симпэй⁴⁷. В уставе общества было сказано, что «главной целью Общества является изучение России и содействие дружбе обоих народов <...> достигать этих задач Общество намерено изданием особого органа, командировками молодых людей в Россию и собиранием о русской жизни литературных, артистических, бытовых, экономических статистических и иных сведений»⁴⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что Российский государственный исторический архив располагает ценнейшими и до настоящего времени не использовавшимися документами по истории рассматриваемого периода русско-японских отношений. Эти документы формируют детальную картину тех дискуссий, которые разворачивались в высших эшелонах власти России по вопросу возможности политического и экономического сближения с Японией, и создают целостное представление о той подготовительной работе, которая велась в данном направлении. Кроме того, на основе имеющихся материалов можно более четко проследить то, как менялись взаимные представления двух народов друг о друге. Очень многое в содержании этих документов созвучно сегодняшнему дню.

- ¹ Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988.
- ² Молодяков В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005; Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006; Молодяков В. Э. Россия и Япония: Золотой век (1905–1916). М., 2010.
- ³ Mikhailova Yulia. Representations of Japan and Russian-Japanese Relations in Russian Newspapers: 1906–1910 // Acta Slavica Iaponica, Tomus 30. P. 43–62.
- ⁴ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – министр иностранных дел Российской империи (1906–1910). В 1899–1903 годах занимал должность российского посланника в Токио. Сыграл важную роль в подготовке и организации визита в Санкт-Петербург в 1901 г. маркиза Ито Хиробуми, придерживавшегося в то время пророссийской ориентации.
- ⁵ Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – российский государственный деятель. Министр финансов (1904–1905, 1906–1910), председатель Совета министров Российской империи (1911–1914). Проявлял большой интерес к развитию российско-японских отношений. 13 (26) октября 1909 г. прибыл для переговоров с князем Ито Хиробуми на Харбинский вокзал, где японский государственный деятель на его глазах был убит в результате покушения (Подробнее см.: Самойлов Н. А. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине: взгляд из России // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997. С. 236–243).
- ⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Д. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 3.
- ⁷ Там же. Л. 3 об.
- ⁸ Там же. Л. 7.
- ⁹ Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) – российский дипломат, востоковед. Выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Служил в Министерстве финансов, занимаясь вопросами Дальнего Востока. С 1897 г. – официальный агент Министерства финансов в Китае, ближайший помощник С. Ю. Витте и его консультант по дальневосточным вопросам. Директор Пекинского отделения Русско-китайского банка, член правления Общества КВЖД. Участник Портсмутской мирной конференции. Посланник Российской империи в Китае (1905–1908). Автор научных трудов и исследований по Китаю.
- ¹⁰ Правильное написание названия этой железнодорожной станции – Куаньчэнцзы («Широкий город»). В настоящее время входит в состав города Чанчунь.
- ¹¹ РГИА. Д. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 10.
- ¹² Шипов Иван Павлович (1865–1919) – министр финансов (1905–1906). Министр торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком Российской империи (1914–1917).
- ¹³ Бахметев Георгий Петрович (1847–1928) – российский дипломат. В 1906–1908 гг. – посол в Японии.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 610. Л. 5.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Л. 40–74.
- ¹⁸ Там же. Л. 28.
- ¹⁹ Поляновский Зиновий Михайлович – российский дипломат. Начал дипломатическую службу в Токио в 1894 г. В феврале 1901 г. был назначен вице-консулом в Сеуле. Консул в Нагасаки (1906–1908). Консул в Кенигсберге (1909–1914). Награжден орденами Св. Анны третьей степени и Св. Станислава второй степени.
- ²⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 610. Л. 66.
- ²¹ Там же. Л. 6 об.
- ²² Малевский-Малевич Николай Андреевич (1856–1917?) – российский дипломат. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1881 г. на службе в Министерстве иностранных дел. В 1897–1905 гг. – директор 2-го Департамента МИД. В 1906–1907 гг. возглавлял российскую делегацию на переговорах с Японией о заключении нового договора о торговле и мореплавании. В 1908–1916 гг. – Чрезвычайный и полномочный посол России при Его Величестве императоре Японии. Сыграл важную роль в нормализации российско-японских отношений после русско-японской войны. В 1912 г. представлял Россию на похоронах императора Муцухито (Мэйдзи).
- ²³ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 62 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Кугушев Георгий Георгиевич, князь (1872–1922). Выпускник Политехнического института, затем учился в Швейцарии и Мюнхене. В молодости социал-демократ, был сослан в Сибирь. В дальнейшем – управляющий Харбинского отделения Русско-Китайского банка.
- ²⁶ Унтербергер Павел Фридрихович (1842–1921) – русский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1905–1910 гг. – командующий войсками Приамурского военного округа, войсковой наказной атаман приамурских казацких войск и Приамурский генерал-губернатор. Почетный гражданин городов: Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. Внес большой вклад в освоение Приамурского края и в организацию изучения Дальнего Востока. Награжден малой золотой медалью Русского географического общества. Крайне настороженно относился к Японии.
- ²⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 70.
- ²⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 610. Л. 6 об.
- ²⁹ Дай Хунцы (1853–1910) – китайский сановник и дипломат, сыгравший важную роль в становлении регулярных политических контактов между Россией и Китаем. В 1906 г. во главе дипломатической миссии посетил Санкт-Петербург. В 1909 г., будучи министром юстиции, был вновь направлен в Россию с посланием от имени нового императора Пу И к Николаю II, в котором содержалась благодарность за направление специальной российской миссии на похороны императора Цзай Тяня (Гуансюй). Для поездки в столицу России правление КВЖД выделило Дай Хунцы специальный вагон, а царская казна оплачивала все расходы китайской делегации. После успешного завершения миссии и возвращения на родину Дай Хунцы приобрел еще большую авторитет и влияние при цинском дворе. После кончины Чжан Чжидуна в сентябре 1909 г. он был назначен вице-канцлером и членом Государственного совета.
- ³⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 93.
- ³¹ Там же. Л. 97.
- ³² Гото Симпэй (1857–1929) – японский государственный деятель, видный сторонник сближения с Россией. В 1906 г. занял пост председателя правления Южно-Маньчжурской железной дороги. В 1908–1911 и 1912–1913 гг. – министр путей сообщения. В дальнейшем занимал различные министерские и другие посты. Президент японо-советского общества культурных связей (с 1925 г.). В начале 1928 г. посетил Москву и был принят И. В. Сталиным.
- ³³ Молодяков В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 97.
- ³⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 685. Л. 28.
- ³⁵ Цит. по: Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006. С. 27.
- ³⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 638. Л. 20.
- ³⁷ Там же. Л. 26.
- ³⁸ Там же. Л. 27.
- ³⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 70. Л. 120.
- ⁴⁰ Иноуэ Каору (1836–1915) – японский политический деятель. Министр иностранных дел Японии в первом кабинете Ито Хиробуми (1885–1887). Министр внутренних дел и заместитель премьер-министра (1892–1894). Был тесно связан с корпорацией Мицуй. 18 февраля 1904 г. получил почетное звание гэнро («старейшина» – неофициальный советник императора), предоставившее ему широчайшие полномочия.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 71. Л. 2.
- ⁴² Там же. Д. 70. Л. 153.
- ⁴³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 610. Л. 67 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 72. Л. 2 об.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 756.
- ⁴⁶ РГИА. Л. 72.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 72. Л. 2.
- ⁴⁸ РГИА. Л. 2 об.

«Йомей Мару» — корабль гуманизма

О. И. Молкина

Самолет приземлился в аэропорту «Нарита» вовремя. Как обычно – паспортный контроль, получение багажа. Чемодан наполовину заполнен петербургскими сувенирами – в Японии принято обмениваться маленькими подарками при встречах, в том числе официальных. Я уже знаю об этом, потому что прилетаю сюда в третий раз. Я не туристка, меня никто не отправлял в командировку, у меня нет здесь родственников и близких друзей, которые пригласили бы меня просто навестить их и заодно посмотреть страну. С Японией меня связывает история – прежде всего, история моей семьи...

Много лет назад – почти целый век прошел – мои будущие бабушка и дедушка оказались участниками удивительного незапланированного кругосветного путешествия. Такое, конечно, случалось и раньше – мало ли какие обстоятельства вынуждали людей обогнуть земной шар. Но это был особый случай: выехав из пункта А на восток, вернулась в тот же самый пункт А с запада почти тысяча ребят в возрасте от четырех до 19 лет. Два с половиной года длилось это путешествие. А началось оно весной 1918 года с того, что детей из голодного Петрограда стали вывозить большими группами на летние каникулы в глубь страны отдохнуть и подкормиться. Группы эти назывались Петроградские детские питательные колонии¹.

В одной из них оказались мои будущие бабушка и дедушка. Прибыв на Урал, где в городке Миассе, недалеко от Челябинска, их ждало специально подготовленное помещение, ребята неожиданно попали в эпицентр военных действий – мятеж чехословацкого корпуса послужил толчком к началу Гражданской войны. Тем не менее воспитателям удалось договориться с местными властями, и дети провели большую часть каникул весело и интересно, а главное – достаточно сытно. Однако к осени стало ясно, что домой вернуться они не смогут. Это было чрезвычайно опасно, да и транспорта подходящего не было. Железная дорога работала на войну – перевозка раненых, военной техники, переброска войск. Деньги стремительно обесценивались, скоро стало нечем кормить ребят, наступили холода.

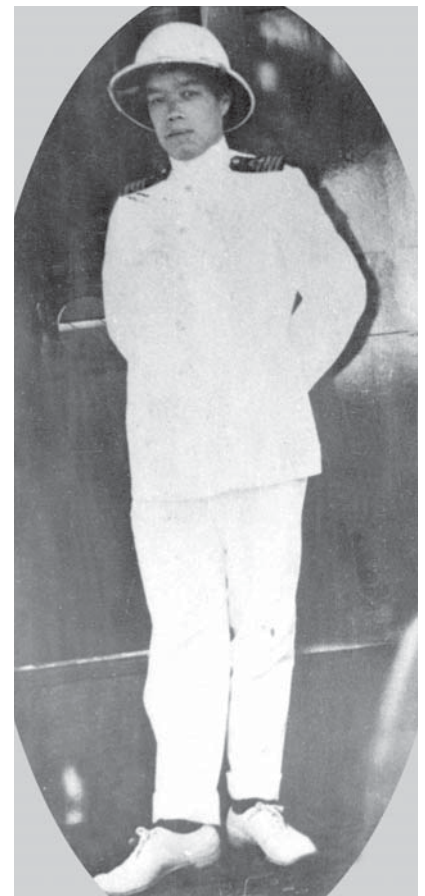
Усилиями местных благотворительных организаций, Красного Креста и просто добрых граждан удалось продержаться до зимы.

А потом пришла настоящая помощь: на Урал и в Сибирь, где к тому времени были рассредоточены маленькими группами несколько сотен детей и воспитателей, приехали представители Американского Красного Креста, работавшего в составе Американской Сибирской миссии во Владивостоке. Всех детей собрали на одной из станций и отправили тремя железнодорожными составами под охраной американских солдат во Владивосток, где целый год они благополучно жили, ходили в школы, приобретали профессиональные навыки, дружили, ссорились, влюблялись и даже танцевали под музыку в исполнении собственного оркестра, инструменты для которого подарили им американцы. Так продолжалось до апреля 1920 года. Уже был готов план отправки колонии назад, в Петроград, где их ждали родители, которые практически ничего не знали о происходящем с их детьми – почтовая связь была давно нарушена, письма не доходили. Но политические события не позволили осуществиться этому плану. После неожиданного вторжения японских войск во Владивосток Американский Красный Крест и вся Сибирская миссия получили приказ срочно сворачивать дела и отбывать домой, в Соединенные Штаты. Об отправке детей по Транссибирской магистрали без сопровождения сотрудников Красного Креста и американских солдат не могло быть и речи.

Руководство Американского Красного Креста в лице полковника Райли Аллена, который уже давно взял на себя также обязанности директора Петроградской детской колонии, могло подчиниться приказу и, оставив своих подопечных на произвол судьбы (без документов, денег, крыши над головой, за

10 тысяч километров от родного дома), спокойно отплыть к берегам Америки.

Но Райли Аллен сделал иначе: ему удалось зафрахтовать японский сухогруз и, в кратчайшие сроки реконструировав его для перевозки пассажиров, отправить на нем не только своих сотрудников, но и всех петроградских детей с их воспитателями через два океана к берегам Балтики с заходом в японский порт Муроран и остановками в Сан-Франциско и Нью-Йорке.

Капитан Каяхара на борту «Йомей Мару». 1920 г.

Вся эта удивительная история уже подробно описана в книгах и статьях, в том числе на страницах журнала «История Петербурга»².

Многие годы в семьях некоторых спасенных и возвращенных в родной город Американским Красным Крестом, хранилась фотография молодого японца в белой морской форме. Было известно, что это капитан Каяхара, командовавший сухогрузом с загадочным названием «Йомей Мару», на борту которого в далеком 1920 году сумели разместиться почти тысяча русских детей и воспитателей. Больше о капитане не было известно ничего, кроме того, что во время путешествия русские подростки частенько досаждали ему своими шалостями, иногда весьма опасными.

Вообще, мало что было известно о фрахте судна, о его хозяине, о дальнейшей судьбе капитана и самого сухогруза.

Хотя уже была написана моя книга и ряд статей, создана передвижная выставка, с которой мне удалось проехать часть маршрута петроградских детей, были сняты и показаны телевизионные программы, сделаны радиопередачи на эту тему, мне все же очень хотелось продолжить изучение истории спасения моих родных. И японская страница этой истории казалась мне особенно интересной и загадочной. Мои петербургские друзья и партнеры по нашему неофициальному проекту «Над нами Красный Крест» всячески старались помочь мне, в том числе заинтересовать японских специалистов с тем, чтобы кто-то из них попытался начать изучение этой темы у себя на родине. Но дальше удивленных возгласов: «Неужели! Как интересно! А мы и не знали!» дело не шло.

В 2009 году в «главном штабе» нашего проекта – Детской библиотеке истории и культуры Петербурга (филиал № 2 ЦГДБ им. А. С. Пушкина) проходила церемония открытия выставки японской художницы-каллиграфа Китамуру Нан-Эн. Присутствовала на открытии и заместитель председателя Общества российско-японской дружбы Валентина Александровна Калинина, давно уже ставшая нашим заинтересованным партнером. Именно ей пришлось в голову спросить госпожу Нан-Эн, не связано

М. А. Васюкова, О. И. Молкина и Китамуру Нан-Эн. Первая встреча. 2009 г.

ли этимологически ее имя – Китамуру – с названием японского порта Муроран, в котором много лет назад побывали петроградские дети. Оказалось, что художница ничего не слышала об удивительном путешествии русских детей на японском корабле, но, как и все остальные, она выразила удивление и восторг.

Прошло полтора года, когда мы снова услышали о японской художнице. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что за это время ей удалось во многом разгадать тайну капитана Каяхара. Теперь было известно, что его полное имя было Мотодзи Каяхара, что жил он в провинции Окаяма и там же был похоронен. К сожалению, у капитана, так же, как и у Райли Аллена, хотя и была жена, но детей не было. Однако остались близкие родственники, одна из которых хорошо помнила капитана. Стали проясняться и детали, связанные с фрахтом сухогруза.

Нам было известно из архивных документов, которые мне удалось разыскать в Национальном архиве США, что судно принадлежало компании Katsuda Steamship Co., Ltd в городе Кобе. Китамуру Нан-Эн смогла ознакомиться с некоторыми документами из архива компании, встретиться с родственниками владельца компании, которого звали Катцуда Гиндзиро.

Все эти сведения сумела раздобыть не профессиональный историк, а художница, которая неожиданно для самой себя «заболела» этой темой и, начав исследовать ее, уже не могла остановиться. Вскоре к госпоже Китамуру примкнули другие люди, которым она открыла эту удивительную страницу истории их родины.

Случилось так, что в родном городе художницы, который на-

зывается Номи (провинция Иси-кава), родился и вырос бывший премьер-министр Японии господин Ёсиро Мори. Казалось бы, это мало-значимое совпадение для нашей истории. Но не все так просто. Отец экс-премьера, Сигэки Мори (1910–1989) более 35 лет был мэром города Нэагари, который с 1 февраля 2005 года вошел в состав Номи. Сигэки Мори был убежденным пропагандистом дружбы между гражданами Японии и России. Его усилиями в 1976 году город Номи и сибирский город Шелехов (Иркутская область) стали побратимами. Сигэки Мори был награжден почетным знаком «За вклад в дело дружбы» и получил звание почетного гражданина г. Шелехова, где, как он пожелал при жизни, теперь покоится частица его праха. Когда Ёсиро Мори узнал о том, что его землячка занимается такой интересной историей, связанной с Россией и Петербургом, где ему уже приходилось бывать, он очень заинтересовался. А когда случайно выяснилось, что отец Китамуру Нан-Эн когда-то обучал юного Ёсиро популярной в Японии игре в бейсбол, количество совпадений просто не могло не перейти в новое качество общения.

Госпожа Китамуру, понимая, что уже не остановится в своем исследовании, учредила НКО «Йомей Мару – корабль гуманизма», членами которого сегодня являются более 200 человек. Убедившись в серьезности проекта, Ёсиро Мори оказывает всяческую поддержку этому объединению. Он убежден, что распространение в обеих странах давней истории спасения русских детей, в которой участвовали и его соотечественники, должно послужить делу улучшения не только культурных и гуманитарных, но и политических отношений между Россией и Японией. Вот что пишет журналист Александр Ленин о выступлении Ёсиро Мори на российско-японском форуме в Москве 9 сентября 2014 года: «Мори хорошо известен россиянам своими лирическими отступлениями и мастерски проводимыми параллелями. В этот раз он также соригинальничал, приведя реальный пример из истории. События касались времен Гражданской войны, когда из-за тяжелой ситуации в Санкт-Петербурге из города на Урал, а

После лекции вместе с учениками школы «Nanzan» и их мамами.
г. Нагоя, 2011 г.

затем и во Владивосток были эвакуированы порядка 800 детей. Когда встал вопрос о продолжении пути и последующем возвращении домой, долгое время не могли найти судно, на котором отправить русских ребят. В итоге на помощь пришла Япония, которая предоставила и корабль, и команду. Со слов Мори, после трехмесячного путешествия японский экипаж и русские дети попрощались со слезами на глазах. «Между нашими странами существуют отношения политиков, но есть и отношения между простыми людьми», – подытожил свой рассказ Ёсиро Мори. Как он подчеркнул, для улучшения российско-японских отношений необходимо решить территориальный вопрос, но также необходимо развивать отношения между простыми людьми»³.

Господин Мори рассказал участникам форума чистую правду, и если журналист пишет об этом в несколько скептическом тоне, то лишь потому, что эта история действительно кажется невероятной.

Но вернемся немного назад. Летом 2011 года по совету работавшего тогда в Петербурге генерального консула Японии Ичиро Кавабата корреспондент японской газеты «Санкей Симбун» Такао Сато посетил нашу передвижную выставку «Над нами Красный Крест». Небольшая статья об истории спасения русских детей,

которую Такао Сато опубликовал в своей газете, попала на глаза трем подросткам из Католической школы для мальчиков «Nanzan» в городе Нагоя. Каждый год в этой школе проводится специальная лекция для всех учеников и сотрудников школы. Для этого приглашаются интересные (а иногда и знаменитые) люди со всех концов света. На этот раз честь быть приглашенной для выступления перед школьниками была оказана мне. Приглашение на это торжественное событие получила также госпожа Китамуро Нан-Эн.

Таким образом, осенью 2011 года мне довелось впервые побывать в Японии и во второй раз встретиться с госпожой Китамуро. В тот же раз я познакомилась с родственниками капитана Каяхара и получила возможность поклониться его памяти на кладбище в г. Касаока в префектуре Окаяма. Этот день остался у меня в памяти как день, в который я могла мысленно сказать моим покойным бабушке и дедушке: «Мы сделали это вместе с вами, вместе со всеми, кто долгие годы хранили память о капитане Каяхара и его команде! Мы сделали это все вместе: здесь, на родине капитана, отдали ему дань уважения и благодарности». Я уверена, что мои бабушка и дедушка были бы довольны мною, если бы могли увидеть все, что происходило в тот день и, конечно, не могло бы случиться без усилий Китамуро Нан-Эн и ее соратников.

Прошло два года. Осенью 2013 года я получила приглашение от Китамуро Нан-Эн посетить город Номи, где в своем собственном доме она устроила штаб-квартиру НКО «Йомей Мару – корабль гуманизма» и небольшой музей, посвященный участию Японии в спасении русских детей. И снова я встретилась с родственниками капитана Каяхара, которые не только приехали в Номи для участия в большом собрании членов НКО, но и передали новому музею бесценные экспонаты, хранящиеся в семье.

Рассказ об успехе исследований Китамуро Нан-Эн будет, конечно,

Могила капитана Каяхара. После торжественной памятной церемонии.
г. Касаока, провинция Окаяма, 2011 г.

Штаб-квартира НКО «Йомей Мару – корабль гуманизма».
Г. Номы, провинция Исикава

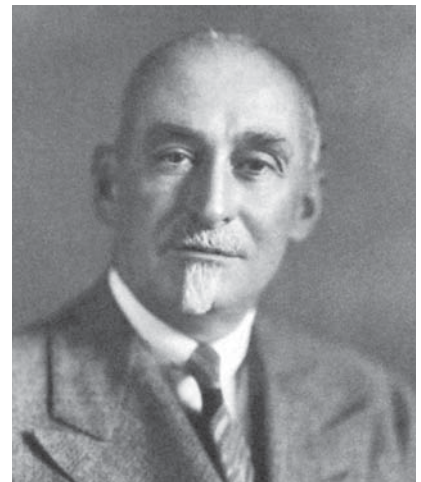
неполным, если не упомянуть о маленькой книжечке размером с почтовую открытку, которую удалось разыскать в одной из провинциальных библиотек. Это раритет – таких книжечек было напечатано две или три. Прошло уже много лет с момента возвращения «Йомей Мару» от берегов Финляндии, где дети попрощались с кораблем, капитаном и командой, когда Мотодзи Каяхара решил описать это путешествие, которое стало самым главным событием его жизни. Снабдив воспоминания фотографиями из своего архива и оформив обложку собственным рисунком, капитан напечатал несколько экземпляров для подарков родным и друзьям. К счастью, один экземпляр этого бесценного документа сохранился и был обнаружен Китамуро Нан-Эн. Нам еще предстоит перевести его на русский и английский языки, но уже сейчас мы знаем со слов наших японских партнеров, что капитан Каяхара очень по-доброму вспоминал русских мальчиков и девочек, забыв или простив им все опасные шалости и неприятности, которые они доставляли ему и команде на борту «Йомей Мару». Не зря портрет Мотодзи Каяхара бережно хранится в семьях этих шалунов – у доброго капитана осталась о них добрая память. И нам известно, что это чувство было взаимным...

Во время своего последнего визита в Японию я узнала и новые подробности истории фрахта «Йомей Мару». Мне было известно из книг и документов, что американский врач по имени Рудольф Боллинг

Тьюслер (Rudolf Bolling Teusler), которого сменил на посту главного представителя Американского Красного Креста во Владивостоке Райли Аллен, к весне 1920 года уже уехал из России и работал в Японии. Именно к нему обратился Аллен, когда все его попытки зафрахтовать пассажирское судно для перевозки русских детей и персонала Красного Креста закончились ничем. Всем было не до каких-то неизвестно откуда взявшихся на Тихом океане петроградских детей. Кораблей для эвакуации из России всех, кто хотели ее покинуть, и так катастрофически не хватало. Отношения с Японией как у России, так и у

Соединенных Штатов были отнюдь не дружескими. Тем удивительнее тот факт, что именно со стороны японцев Райли Аллен получил поддержку. Почему же посредничество американского доктора оказалось столь успешным?

Когда я впервые попала в Международный госпиталь Святого Луки (St. Luke's International Hospital) в Токио, меня поразили не только его размеры и красота архитектуры и интерьеров его старой части, но и то обстоятельство, что неоднократно, проходя по разным коридорам, я встречала портрет или скульптурное изображение человека, чье лицо мне было уже знакомо. Это был доктор Рудольф

Доктор Рудольф Б. Тьюслер

Дом-музей доктора Тьюслера. Токио.
Госпиталь Святого Луки. Фото 2013 г.

Тьюслер, который, как оказалось, основал госпиталь Святого Луки еще в 1902 году. Доктор Тьюслер организовал первый в Японии колледж по подготовке сестер милосердия, занимался вопросами системы здравоохранения, охраны детства, превентивной медицины и многими другими вопросами. Доктор был очень предан своему делу. До сих пор на территории госпиталя стоит небольшой домик, в котором когда-то он жил со своей семьей. Сейчас в этом домике мемориальный музей.

Забегая немного вперед, не могу не сообщить читателям с особой гордостью, что с этого года целая витрина в музее посвящена истории спасения петроградских детей, за что я чрезвычайно признательна руководству госпиталя.

Итак, доктор Тьюслер получил весной 1920 года просьбу о помощи от своего соратника по Американскому Красному Кресту. К тому времени авторитет доктора в Японии был уже столь высок, что, несомненно, перед ним открывались многие запертые для других двери. Именно доктор Тьюслер стал посредником между Красным Крестом и компанией Katsuda Steamship Co., Ltd. Глава компании господин Катцуда Гиндзиро откликнулся на просьбу доктора и не только предоставил свое, совсем новое, грузовое судно для «нестандартного» груза, но и, как удалось выяснить Китамуро Нан-Эн, сам оплатил часть расходов по срочному переоборудованию судна для столь необычного путешествия. Так что воспринимать эту историю просто как «бизнес и ничего личного» мы, конечно, не можем. Все ее участники проявили свои лучшие человеческие качества, не устранившись от лишних хлопот и расходов на фоне непростой политической ситуации.

Посещение госпиталя Святого Луки и дома-музея доктора Тьюслера произвело на меня огромное впечатление. Открылась новая страница многогранной и сложной истории спасения петроградских детей, в которой, конечно, до сих пор еще остается масса «белых пятен». Но я все больше проникаюсь несвойственным мне оптимизмом по поводу возможности в будущем заполнить эти пустоты новой информацией. И не в последнюю очередь потому, что вижу совершенно однозначную и

Катцуда Гиндзиро, глава Katsuda Steamship Co., Ltd.

открытую поддержку нашего международного проекта со стороны столь влиятельного в Японии лица, каким является Ёсиро Мори. Личная встреча с ним в 2013 году только укрепила меня в этом ощущении. Во время делового обеда, на который нас пригласил господин Мори, он проявил абсолютно неформальный интерес к нашему проекту и его развитию в Японии. Выступление в Москве в 2014 году подтвердило искренность его заинтересованности в том, чтобы эту давнюю историю узнали как в японских, так и в российских высших кругах. Господин Мори верен памяти своего отца и продолжает дело его жизни – сближение наших народов через гуманитарные проекты.

Однако не только на столь высоком уровне происходит распространение исторических знаний в Японии. Во время моего визита в 2013 году состоялась большая пресс-конференция в японском пресс-клубе в Токио, на которой присутствовали представители самых разных медиа из многих городов страны. После этого появились статьи, телевизионные репортажи и даже документальный телевизионный фильм, которые смогли познакомить широкие круги японских граждан с неизвестной им страницей истории.

В 2014 году состоялось мое третье посещение Японии – снова по приглашению НПО «Йомей Мару – корабль гуманизма». На этот раз предполагалась встреча представителей трех стран – участниц удивительной одиссеи петроградских детей. Три женщины – Китамуро Нан-Эн (Япония), Адель Линденмейр (США) и Ольга Молкина (Россия), – представляя каждая свою страну, все вместе, конечно же, символизировали гуманизм, доброту и ответственность перед будущими поколениями.

Профессор университета Вилланова (Филадельфия) Адель Линденмейр приехала в Японию впервые. Но уже несколько лет она внимательно изучает историю спасения петроградских детей, о которой услышала еще очень давно от историка Джейн Сван⁴, жены одного из сотрудников Американского Красного Креста и руководителей

Встреча с Ёсиро Мори. Токио. 2013 г.

Члены НКО «Йомей Мару – корабль гуманизма» встречают А. Линденмейр и О. И. Молкину в аэропорту Комацу. 2014 г.

Петроградской детской колонии известного музыковеда Альфреда Альфредовича Свана (Alfred Julius Swan)⁵.

Адель прекрасно говорит на русском языке и изучает историю российской благотворительности. Деятельность Красного Креста – достаточно близкая для нее тема. Поработав в архиве Института Гувера (Hoover Institution) в Калифорнии, Адель нашла множество интересных документов, касающихся путешествия петроградских детей. Среди них те, которые проливают свет на ранее неясные эпизоды. Многие еще предстоит тщательно изучить. Любезно согласившись приехать и принять участие в трехсторонних встречах в городах Ном и Канадзава и в пресс-конференции в Клубе иностранных корреспондентов (Foreign Correspondents Club) в Токио, профессор Линденмейр сделала весь проект более значимым. Теперь, вернувшись на родину, она обязательно продолжит как исследовательскую, так и популяризаторскую работу. Это очень важно, потому что в США сегодня знают об этой истории, пожалуй, ничуть не больше, чем знали совсем недавно в Японии и России.

Удивительная вещь – жизнь. Порой она выстраивает такие логические цепочки, которые невозможно придумать самому изощренному

Юрий Заводчиков и Ольга Копосова

писателю-беллетристу. Когда-то, уже более века назад, две маленькие девочки, жившие в Петрозаводске, Оля и Женя Копосовы, осиротели –

их отец погиб на Русско-японской войне. Добрые люди, узнав о бедственном положении вдовы Аркадия Копосова, взяли старшую девочку Женю на свое попечение в Петербург и вскоре поместили ее учиться в Ивановское девичье училище ведомства Императорского человеколюбивого общества. Туда же вскоре привезли и младшую дочь Ольгу – мою будущую бабушку. Когда весной 1918 года в гимназиях, училищах и школах Петрограда объявили о наборе детей в Детские летние питательные колонии, сестры Копосовы оказались в списках желающих.

Ученик Первого реального училища им. Императора Александра II Юра Заводчиков тоже отправился на лето на Урал вместе с Петроградской детской колонией. Оля и Юра ехали в одном поезде, жили в одном городе Миассе, дружили с одними девочками и мальчиками, а после возвращения из своего кругосветного путешествия не смогли расстаться и вскоре поженились.

В цепи печальных и радостных для моих родных событий оказались звенья, так или иначе связывающие две страны – Россию и Японию. Не повод ли это для того, чтобы задуматься: что же все-таки является определяющим в жизни – политика или человеческие отношения? Удивительная история спасения петроградских детей заставляет нас верить, что при любых ситуациях, навязанных нам не всегда адекватными политиками, у нас остается шанс увидеть на горизонте волшебный «корабль гуманизма», который приплывет за нами в трудную минуту...

¹ Не путать с «воспитательными» колониями, которые появились позже. Детские летние колонии были распространены еще в конце XIX века и были призваны обеспечить отдыхом в основном детей из малоимущих семей.

² Молкина О. И. 800 русских детей американца Аллена // История Петербурга. 2005. № 2 (24); Молкина О. И. Вокруг света без виз и паспортов // Автобус. 2006. № 5; Селиверстова Е. В., Удалова Е. Г. Семья Альбрехт и Детская питательная колония (1918–1921 годы) // История Петербурга. 2012. № 2 (66); Молкина О. И. Над нами Красный Крест (Петербургская семья на фоне XX века). СПб.: Остров, 2007; Липовецкий В. А. Ковчег детей, или Невероятная одиссея. Художественно-документальный роман. СПб.: Азбука-классика, 2006; Молкина О. И. Петербургский детский альбом. Как детей всем миром спасали. СПб., 2012; Petersburg Children's Album. The Children Saved by the Whole World by Olga Molkina. СПб., 2014.

³ <http://www.rg.ru/2014/09/09/mori-site.html>

⁴ The Lost Children: A Russian Odyssey by Jane Swan, South Mountain Press, Publishers, 1989.

⁵ Молкина О. И. Лебедь, перелетевший через океан // История Петербурга. 2010. № 3 (55).

Японский адрес в Петербурге: Итальянская улица, 27

(ЛАЗАРЕТ ЯПОНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА в здании Благородного собрания в Петрограде в годы Первой мировой войны)*

З. В. Кравчук

История официальных русско-японских отношений насчитывает больше столетия. И хотя дипломатический статус представительства в России не всегда был точно определен, как посольство или консульство, однако лица, представлявшие тогда Страну восходящего солнца в России, были энтузиастами двусторонних отношений и профессионалами в дипломатии. Импульсом и толчком для установления полноценных отношений стала Первая мировая война. И здесь огромную роль сыграл Международный Красный Крест и Японский Красный Крест, в частности.

В августе 1914 года Англии, как ведущей державе Антанты, удалось убедить Японию выступить против Германии, хотя прямых конфликтов между ними не было. 15 августа Япония предъявила Германии ультиматум с требованием вывести войска из Китая, а 23 августа Германии была объявлена война. Участие Японии в войне на стороне стран Антанты было крайне выгодным для России, так как азиатские стратегические позиции были полностью блокированы от германского посягательства. Будучи союзниками в этой войне, Россия и Япония имели отношения весьма благожелательные, несмотря на закончившуюся 10 лет назад Русско-японскую войну 1905 года. Именно этим были обусловлены российско-японские контакты разного рода — не только дипломатические, но и по линии Красного Креста. Обратимся к документам.

В номере 9 за 1914 год «Вестника Красного Креста» читаем: «В августе 1914 года в Петроград

Отряд Японского Красного Креста в Петербурге. Стоит в центре православный священник отец Павел (Акира Морита), настоятель Богоявленской церкви в Токио. 1914 г. Великая война. Каталог выставки к 100-летию Первой мировой войны. СПб., 2014 г.

Японский посланник барон Ичи́ро Мото́но в посольстве Японии. Петербург. 1914 г.

Супруга барона Ичи́ро Мото́ баронесса Кото́ко. Петербург. 1914 г.

* Автор и редакция благодарят Г. Драпкина и Е. Кабачинскую за помощь в подготовке статьи.

Здание бывшего
Благородного собрания Санкт-Петербурга.
Постройка 1912 года, угол Итальянской
и Малой Садовой улиц. Фото 2014 г.

Палата для раненых в помещении Дворянского
собрания. 1914 г. Так же выглядели помещения,
выделенные под госпитали в других зданиях,
в том числе в здании Благородного собрания

прибыла миссия Японского Красного Креста в составе 15 человек: четыре врача-хирурга, настоятель Богоявленской церкви в Токио, священник Акира Морито – отец Павел, как называли его в России. Также в составе отряда были два фармацевта, завхоз и семь сестер милосердия. Возглавил отряд Красного Креста известный в Японии доктор медицины, профессор Йёно».

Доктор Йёно хорошо говорил по-русски, так как ранее бывал в Петербурге. Сестры милосердия отбирались с особой тщательностью, все они имели большую полевую практику. Кроме того, они занимались русским языком и могли говорить с ранеными. Русский язык был знаком им еще со времен Русско-японской войны. В качестве сестры милосердия в отряде находилась даже супруга посланника Мотоно. Хирурги также были известны в Японии как очень опытные и искусные врачи. С собой отряд привез 1600 пудов медикаментов и аппаратов, в том числе рентгеновский, что в то время было большой редкостью. К японскому отряду Красного Креста были откомандированы четыре русских врача и четыре сестры милосердия. Таким образом, бывшие враги по русско-японской кампании, стали союзниками в войне против Германии.

По прибытии японского отряда Красного Креста сразу встал вопрос о размещении. Желательно, чтобы будущий лазарет находился недалеко от Николаевского (ныне Московского) вокзала, ведь раненых, прибывавших с театра военных действий, нужно было транспортировать как можно быстрее. 22 октября

Парадная лестница. Фото 2014 г.

Место, где был центральный пост
госпиталя. Фото 2014 г.

ря 1914 года на заседании Главного управления Российского Красного Креста было заслушано сообщение

члена ГУРКК Б. М. Шапирова о начале работ по приспособлению помещений в здании Благородного собрания на Итальянской улице, в доме номер 27, к приему японского медико-санитарного отряда...

И здесь нужно пояснить, что собой представляло здание петербургского Благородного собрания и почему именно оно было выбрано для организации первого крупного лазарета для низших и высших чинов.

На месте нынешнего особняка в Спасской части, где начиная с 1924 года и до сегодняшнего дня находится старейшее радио страны и всего мира – Радио «Петербург», стояло небольшое трехэтажное здание, которое начал строить еще в 1822 году купец Сутугин. В 1869 году дом был куплен купцом Я. Васильевым. В 1911 году его сыну, С. Я. Васильеву, Петербургское Благородное собрание предложило продать дом с участком для строительства большого фешенебельного клуба Благородного собрания. Купчая была совершена, и после конкурсных процедур в 1912 году братья Косяковы, принадлежащие к известной в России архитектурной фамилии, приступили к строительству. По проекту должно было быть построено шестиэтажное здание с многофункциональными помещениями. Это, прежде всего, просторные игровые залы для Игрного клуба Благородного собрания. На первом этаже располагались магазины, второй этаж целиком использовался для общественных собраний и театрализованных представлений. Большие прогулочные фойе, буфеты, рестораны, приватные апартаменты, библиотеки

и бильярдные – вот основные помещения Благородного собрания, спроектированные архитекторами Косяковыми с большим размахом. В отделке танцевального зала на втором этаже использовался дорогой каррарский мрамор редкого сиреневого цвета, зеркальные витражи отражали роскошь, большое изящество и благородство декора. Огромный потолочный плафон «Диана на охоте» был расписан в античном стиле. Строительство богатого дворца осуществляло русско-японское акционерное общество, и это первый «японский след» в Петербурге того времени. Особенностью строительства, без сомнения, было применение железобетонных конструкций, практически первых в России, и это было чрезвычайно важным обстоятельством, так как прочность этих конструкций тогда, да и до сего времени, считается очень большой, что было проверено временем в годы Второй мировой войны во время блокады Ленинграда.

К концу 1914 года здание было построено, но, увы, в качестве Благородного собрания оно почти не использовалось – шла Первая мировая война, союзники присылали в Петроград своих медиков, чтобы справиться с большим потоком раненых и искалеченных войной солдат и офицеров. В городе один за другим организовывались госпитали и лазареты. 6 декабря 1914 года в здании Благородного собрания на Итальянской улице, в доме номер 27, был открыт лазарет Японского Красного Креста для низших чинов. Во-первых, здание находилось сравнительно недалеко от Николаевского вокзала, а во-вторых, здесь имелось достаточное количество просторных помещений для размещения и лечения раненых. История сохранила любопытные факты. Накануне открытия, в ноябре 1914 года лазарет посетила великая княгиня Мария Павловна. Она ознакомилась с тем, как идет подготовка к приему раненых, внимательно осмотрела все службы – перевязочные, санитарные, кухни. Великая княгиня была весьма удовлетворена увиденным, ее поразила уровень медицины и санитарии, который был установлен японскими медиками, о чем в беседе с супругой японского посла, работавшей сестрой милосердия в этом лазарете, она не преминула высказаться. Немало-

Медальоны «Лечащая» и «Страждущий». Фото 2014 г.

важно и то, что здесь была размещена походная церковь Богоявления, в которой отправлялись службы, в том числе отцом Павлом, священником Акира Марита. На освящении алтаря в лазарете присутствовали высшие церковные чины столицы. В сентябре 1916 года лазарет в Благородном собрании Петрограда посетил принц Японии Кан-Ин. Его миссия была крайне важной для обеих сторон, так как готовился визит великого князя Георгия Михайловича на торжества по случаю коронации микадо. Посетила японский лазарет и еще одна высокопоставленная особа – японский дипломат граф Теразима. В Петрограде он вместе с российскими коллегами готовил подписание двустороннего русско-японского договора, который был

подписан 20 июня 1916 года. Со стороны России подпись поставил министр иностранных дел Сазонов, со стороны Японии – посол Японии в Петрограде Ичиро Мотоно. Этот договор на долгие годы определил дипломатические и деловые контакты обеих стран как важные и благожелательные. Примечательно, что обе делегации сочли своим долгом посетить именно лазарет Японского Красного Креста, располагавшийся во дворце Благородного собрания на Итальянской улице, в доме номер 27, где высокопоставленных особ встречала супруга японского посла в России, которая самоотверженно ухаживала за русскими ранеными. Ее присутствие поражало дипломатов и много говорило о человечности японской медицинской миссии. Не удивительно поэтому, что важные официальные дипломатические контакты проходили в атмосфере дружелюбия и взаимопонимания.

К сожалению, информация о дальнейшей деятельности японского отряда Красного Креста в здании петроградского Благородного собрания на Итальянской улице на этом исчерпывается. Скорей всего, в связи с разворачивающейся в столице Российской империи революционной ситуацией и изменением обстановки на фронтах Первой мировой войны дипломатические, торговые и промышленные контакты стран Антанты сошли на нет. Впереди Россию ждал трагический 1917 год и долгая разрушительная Гражданская война. Однако беспрецедентный порыв Японского Красного Креста и в высшей степени благородная миссия медиков Японии в Петрограде на протяжении нескольких лет, начиная с 1914 до конца 1916 года, живы в памяти русского народа и жителей Петербурга–Петрограда. Спасенные японскими врачами солдаты и офицеры остались благодарными Стране восходящего солнца за подвижнический труд.

Использованы следующие архивные материалы:

1. «Вестник Российского Красного Креста» за 1914 год (выпуски № 8, 9).
2. Выпуски «Церковного Вестника» за 1914–1915 годы.
3. Протоколы заседания Главного Управления Российского Красного Креста, казавшиеся организации японским отрядом Красного Креста лазарета в Петрограде (1914 год, август, сентябрь, октябрь).
4. Материалы по истории Благородного собрания в Петербурге.
5. Фото с сайтов: <http://humus.livejournal.com>, <https://fotki.yandex.ru/next/users>. Автор современных фотографий Г. В. Драпкин.

Народный музей Русско-японской войны

Л. И. Амирханов

В одном из сражений Русско-японской войны 1904–1905 годов Мокшанский пехотный полк попал в окружение. Одиннадцать суток отбивались русские солдаты от атак японцев, и, когда силы были уже на исходе, командир полка Петр Побыванец приказал: «Знамя и оркестр – вперед! В штыковую атаку!» Солдаты бросились на прорыв японского кольца, а впереди шел полковой оркестр, игравший один военный марш за другим.

Среди немногих выживших в этом бою был и капельмейстер оркестра И. А. Шатров, написавший в 1906 году вальс «На сопках Маньчжурии». Первый вариант текста к вальсу был создан самарским поэтом С. Г. Петровым (Скиталец). Потом к этой гениальной музыке было написано немало вариантов текстов. Слова одного из них – «...Вы пали за Русь, память о вас не умрет. Так спите, герои русской земли, вас русский прославит народ!» – стали девизом музея Русско-японской войны, единственного в своем роде народного музея в Санкт-Петербурге, создаваемого «всем миром» – людьми, для которых личная выгода в шкале приоритетов занимает одно из последних мест. И именно в этом уникальность этого музея –

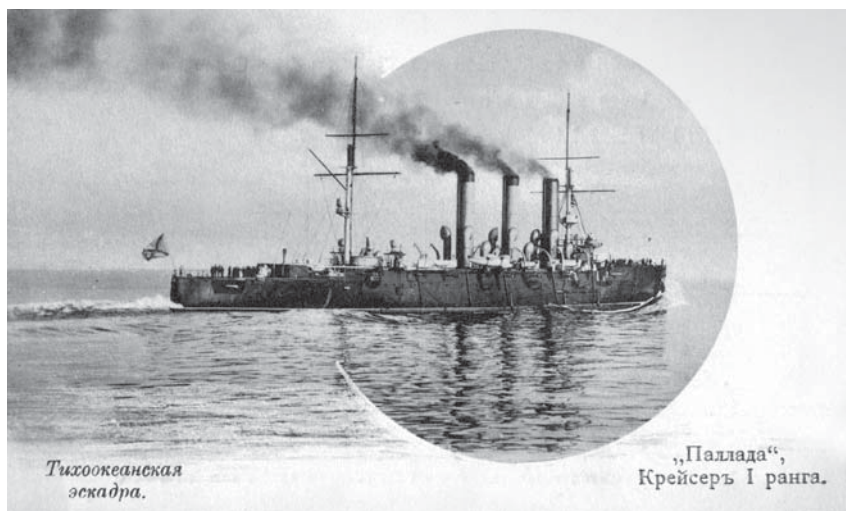

Карта театра военных действий Русско-японской войны

не за зарплату, не по должностной инструкции, а потому, что душа и сердце живут этим делом. Музей создается в Санкт-Петербурге на базе Северо-Западного фонда «Инвалиды внутренних войск России». Он занимает всего 70 квадратных метров в двух комнатах. Скоро этих метров станет недостаточно, и что будет дальше? Сергей Васильевич Шершнеv – человек, взявшийся материализовать идею создания музея, и его соратники считают, что местом постоянной прописки создаваемой

экспозиции должен стать крейсер «Аврора», который в 2016 году после ремонта вернется на место своей вечной стоянки. Это была бы хорошая замена «революционным наганам», «памятным вымпелам» и моделям колхозных тракторов, подаренных крейсеру комсомольцами Казахстана.

Крейсер «Аврора» – единственный сохранившийся в России корабль, участвовавший в Цусимском сражении. Русскому флоту, изменчивому переходом из Кронштадта, противостоял мощный флот адмирала Х. Того. Несмотря на весь героизм русских моряков, мы проиграли это сражение. Из 38 русских кораблей погибли 21, семь оказались в японском плену. 27 (по новому стилю) мая 2015 года мы будем отмечать 110-летие этого трагического события. Мы надеемся, что к этому времени музей Русско-японской войны пополнится новыми экспонатами. Поэтому и перемещение экспозиции музея Русско-японской войны на «Аврору» можно рассматривать как один из вариантов, так как в этом случае экспозиция все-таки несколько потеряется. Может быть, Русско-японская война, как и Первая мировая, достойна отдельного, самостоятельного музея?

Тихоокеанская эскадра.

„Паллада“, Крейсер I ранга.

Крейсер 1 ранга «Паллада», погибший в Порт-Артуре

Порт-Артуръ.—Port-Arthur. № 5.
Новый городъ.

Вид Порт-Артура. Открытка

Русско-японская война началась нападением японских миноносцев на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Когда министр иностранных дел граф В. Н. Ламсдорф, прочитал телеграмму об этом, он воскликнул: «Доигрались-таки!» Недалновидная политика Николая II и некоторых его министров привела к войне, во многом определившей судьбу России и закончившейся подписанием в сентябре 1905 года мира в Портсмуте. Основную тяжесть этой войны, как часто бывает в нашем государстве, приняли на себя простые русские мужики – солдаты, матросы и лучшие представители русского офицерства, отправившиеся за семь тысяч верст завоевывать «желторосию» – «прорубать окно» в Азию.

В последние годы о боевых действиях флота, о сражениях и героической гибели крейсеров «Варяг», «Рюрик», канонерской лодки «Ко-

Медицинские сестры общины Святой Евгении, отправленные на Дальний Восток

рец», миноносцев «Стерегущий» и «Страшный», о беспримерном переходе 2-й эскадры Тихоокеанского флота из Кронштадта на Дальний Восток, о трагическом Цусимском

сражении, совершенно не нужной ни России, ни Японии войне.

Об этом и рассказывает экспозиция музея Русско-японской войны. Девиз музея работает – каждый, кто

Герои Русско-японской войны: 1 – подполковник Ф. П. Санков, контужен; 2 – штабс-капитан И. П. Варламов, убит; 3 – капитан Н. А. Козелло, ранен под Мукденом; 4 – штабс-капитан В. А. Савицкий, ранен под Мукденом; 5 – подполковник И. И. Барабанов, ранен; 6 – штаб-капитан С. С. Полянский, ранен

приходит сюда, уходит наполненный чувством гордости за подвиги наших предков и желанием что-то самому сделать для дальнейшего развития музея. Драматизм той далекой и до сих пор малоизвестной войны, давшей массу примеров героизма и самопожертвования, искренность каждого музейного экспоната и всего небольшого музейного комплекса в целом цепляют каждого человека.

Слова благодарности хочется выразить тем, кто уже помогает музею. Это – М. Г. Находкин, представитель музейного сообщества Санкт-Петербурга: К. А. Карасев (Музей городской скульптуры), С. И. Овсянников (крейсер «Аврора»), О. Л. Высоцкий, А. Н. Кайгородцев (Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), доктор исторических наук А. В. Аранович (Военно-историческое общество СПб). Посильную финансовую поддержку оказывали В. А. Борщев (ФГУП «Дирекция по строительству» Управделами Президента России), М. Ф. Гадиуллин (фирма «Астраком»). В материально-техническом и консультационном содействии проекту участвовали генеральный консул Японии в Санкт-Петербурге господин Ёсихиро Ямамура, старшина гильдии судомodelистов Санкт-Петербурга А. А. Добренко, москвичи Д. В. Недогонов и А. В. Вежливый (фирма «Комбриг»), новосибирец А. А. Селезнев и тверичанин Р. Э. Бухалов (фирма «Комплект ЗиП»),

Экспозиция музея Русско-японской войны

петербуржцы А. А. и Т. М. Куклевы (фирма «Эстамп»), Э. А. Журавлев (фирма «U-boat»), И. В. Левенец, А. В. Степанов (фирма «Техприбор-ИС»), сотрудники сети магазинов «Мир танков Т-34»).

В музее можно увидеть модели кораблей, участвовавших в Русско-японской войне; форму русских матросов, солдат и офицеров; макеты, иллюстрирующие некоторые боевые эпизоды; совершить виртуальную прогулку по русским эскадрам и отдельным кораблям, созданную нашим земляком Г. Л. Меркушевым, посмотреть электронные схемы сражений и боев, выполненные В. В. Кондратьевым.

Авторы моделей наиболее знаменитых кораблей в масштабе 1:100 – С. Г. Бородай и И. Ю. Белоконов (Новороссийск), В. Ю. Хрусталев, А. В. Рубежов и С. Б. Тропкин (Санкт-Петербург), а также Е. В. Трясак (Челябинск). Изумительные по достоверности макеты (пока только четырех эпизодов Русско-японской войны) создали петербуржцы А. Н. Каранин, А. Ю. Петрова и О. Н. Бычков. Особой гордостью коллектива создателей музея является практически *полная* коллекция кораблей обоих флотов в масштабе 1:350. Самое интересное, что такого количества моделей кораблей, участвовавших в Русско-японской войне, созданных по всем правилам модельного искусства и исторической достоверности, нет ни в одном музее России и Японии, да возможно и мира... Создание этих моделей кораблей – заслуга наших земляков В. М. Тимченко, А. В. Рубежова, А. В. Крисько, Р. А. Гутарова.

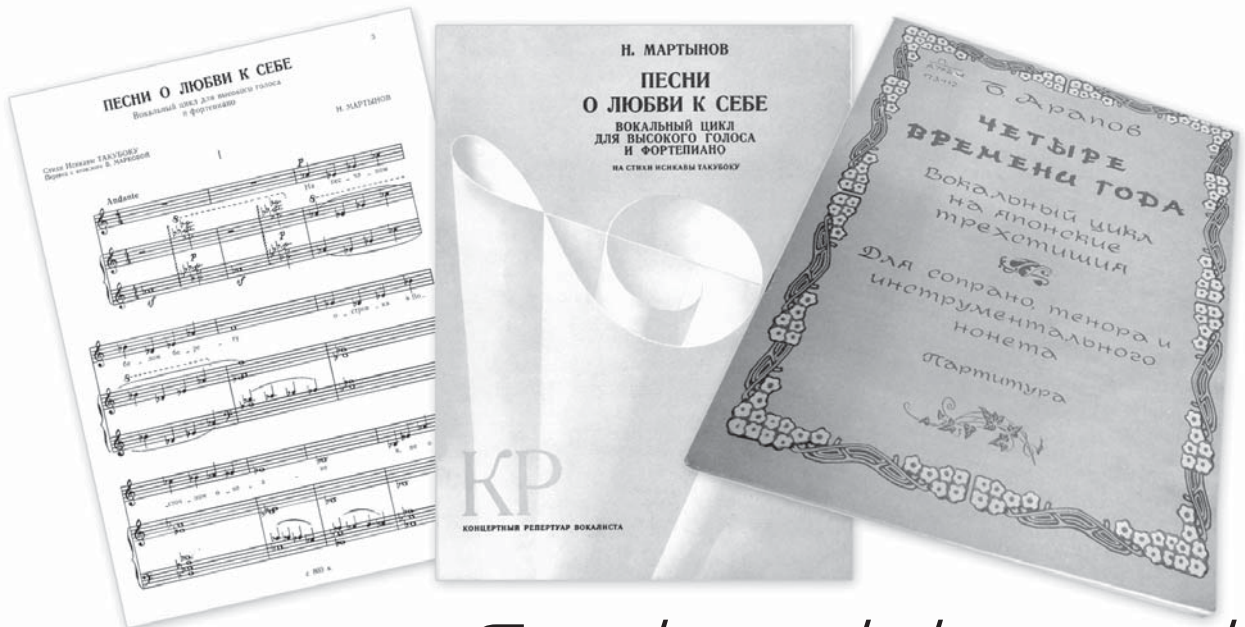
Но в экспозиционном пространстве музея должны быть не только модели, но и вещи, предметы, артефакты той эпохи, документы и фотографии участников боевых действий, и это лишь одна из многих сегодняшних забот С. В. Шершнева. Отчасти решению этих вопросов уже посильно содействуют И. В. Семушин (антикварный магазин «Коллекционер-М»), коллекционеры К. В. Шмелев, В. А. Безродин, К. С. Евтеев...

Музею также активно помогает и Общество потомком участников Цусимского сражения. Председатель Общества – правнук командира эскадренного броненосца «Сисой Великий» К. Г. Озеров – частый гость музея. Точнее, не гость, а убежденный энтузиаст его создания. Активисты Общества: Э. А. Забелина – правнучка начальника Владивостокского отряда крейсеров Н. К. Рейценштейна, О. В. Петрова – внучка командира эскадренного броненосца «Цесаревич», последнего морского министра царской России И. К. Григоровича и многие другие.

Если мы хотим воспитать поколение преданных России людей, то мы просто обязаны помочь этому действительно народному музею, людям, для которых идеи просветительства, патриотизма – не пустые слова.

Экспозиция музея Русско-японской войны

Японская лирика в музыке петербургских композиторов

Е. А. Спист

Широкому кругу знатоков и любителей истории нашего города практически не знакомы исследования русско-японских культурных связей.

Для читателей может быть интересен экскурс в историю музыкально-поэтических взаимоотношений двух стран, а именно: малоизвестные факты обращения петербургских композиторов к японской поэзии. В этом контексте автор рассматривает сочинения, написанные после 50-х годов прошлого века замечательными музыкантами Б. А. Араповым¹, Б. И. Тищенко² и Н. А. Мартыновым³.

За скобками остались созданные ранее «японские» циклы выдающихся композиторов с «петербургскими корнями»: «Три стихотворения из японской лирики» И. Ф. Стравинского, «Пять японских стихотворений» М. М. Ипполитова-Иванова и сочинение Д. Д. Шостаковича «Шесть романсов на слова японских поэтов».

В 1961 году пятикурсник Б. Тищенко переходит в класс к Д. Д. Шостаковичу, под руководством которого затем обучается три года в аспирантуре. В 1962 году 23-летний композитор пишет во-

Б. И. Тищенко. 1964 г.
Из архива семьи композитора

кальный цикл «Грустные песни» для сопрано и фортепиано на стихи разных поэтов и фольклорные тексты в восьми частях (П. Шелли, М. Дж. Андаия, Ш. Петёфи, О. Якомоти, И. Бродского, М. Лермонтова и народные тексты).

Возможно, что на выбор текстов повлияло общение Б. Тищенко с кругом молодых поэтов, так называ-

Б. А. Арапов

Н. А. Мартынов

емыми «ахматовскими сиротами», и особенно с И. Бродским, знакомство с которым началась в сентябре 1959 года на литературном вечере в Ленинградской консерватории. В результате возникшей дружбы Борис Тищенко включает в свой цикл песню на текст И. Бродского «Рождественский романс», посвященный Е. Рейну, также входившему в этот круг.

Для завершения «Грустных песен» композитор выбрал текст одной из двух песен Отомо Якомоти⁴ об олене в переводе А. Е. Глускиной⁵.

*Всегда перед зарей,
прислушайтесь лишь надо,
Предутренней порой,
едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор
простертые громады,
В тоске рыдает осенью олень.*

В японской поэзии стон одинокого оленя, призывающего подругу, символизирует образ поздней осени, а осень ассоциируется с грустью и печалью. Для этого стихотворения типична характерная черта японского искусства, скорее обозначение основной мысли произведения, нежели ее полное раскрытие. Поэтому возникает ощущение недосказанности, незавершенности, внутренней подвижности и изменчивости стиха. Эти черты так же присущи и музыке композитора. Для Б. Тищенко было важно нахождение «равновесия музыки и слов»⁶.

Надо подчеркнуть, что песня «Олень» – не первый опыт обращения композитора к восточной тематике. В 1959 году им написаны «Юэфу» – четыре хора а capella на стихи китайских поэтов, а в 1972 году сделана расшифровка двух пьес для оркестра гагаку, жанра японской традиционной музыки, исполняемого на церемониях императорского двора. Впоследствии увлеченность Востоком нашла свое отражение на его занятиях композицией со студентами консерватории.

В это же время, в 1963 году вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру Николай Мартынов. До этого он три года проработал редактором филармонии и преподавателем консерватории в Новосибирске. Одна из бывших учениц прислала ему своеобразный рукописный сборник стихов от

Н. А. Мартынов и Ко-Ичи Хаттори на висячем Почтамтском мосту через р. Мойку в Петербурге. 1970-е гг.
Из архива композитора.
Публикуется впервые

ранней японской поэзии до лирики Исикавы Такубоку⁷. Это письмо и стало импульсом к написанию вокального цикла. В беседе с автором статьи композитор вспоминает: «...среди всяких новостей в ее письме оказалась большая подборка стихов японских поэтов. Мне они понравились, но я не совсем понимал, что с ними делать. Вряд ли она предполагала, что я положу их на музыку, скорее, просто поделилась. Долго тексты лежали без движения, однако я всюду носил их с собой. Взял я их и в Дом творчества композиторов “Репино”, где часто бывал в ту пору и где хорошо работалось. И вот как-то раз я вдруг открыл для себя эти стихи, но уже не как поэзию, а как музыкальный подход к ним. За две недели, в апреле 1973 года, был написан вокальный цикл на стихи Исикавы Такубоку (Хадзимэ). Это случилось неожиданно для меня, и быстро, “на одном дыхании”».

Композитор выбрал для своего сочинения наибольшее число пятистиший из поэтического цикла «Песни о любви к себе» в переводе В. Н. Марковой⁸. Поэт трагической судьбы, Такубоку прожил всего 26 лет. Его увлечение русской литературой и особенно, Ф. Достоевским было настолько сильным, что он даже назвал дочь Сонечкой. Интересно, что свой цикл Н. Мар-

тынов завершает стихотворением Такубоку, посвященным дочери:

*Я дочку поборнил.
Она заснула
В слезах,
с полуткрытым ртом...
Я тихо по щеке ее погладил.*

Н. Мартынов сохранил название поэтического цикла для своего сочинения. На его взгляд, «в отличие от средневековой японской поэзии, часто употребляя местоимение “я”, Такубоку переводит поэтические образы в сферу субъективных эмоций», но их глубина и драматизм достигают высот общечеловеческих масштабов. Такубоку, по мнению композитора, «вложил в старинную форму японского стиха более современное содержание». Вокальный цикл Н. Мартынова «не попытка стилизации японской музыки, но и не совсем русская музыка по складу и стилю», скорее это взгляд европейского музыканта и человека на культуру Востока.

Говоря о «Песнях о любви к себе», невозможно не упомянуть о взаимоотношениях Николая Авксентьевича с Д. Д. Шостаковичем⁹.

По приглашению Д. Шостаковича, Н. Мартынов с 1963 по 1966 год посещал занятия Мастера вместе с аспирантами тех лет. Общение с учителем продолжалось фактически до смерти Д. Шостаковича. В январе 1974 года, почти через год после написания цикла, Н. Мартынов специально приехал к нему в Репино, чтобы показать «Песни о любви к себе». «Это было январским вечером. Дмитрий Дмитриевич был один, его супруга куда-то уехала, он был задумчив и грустен. Причина – только что полученная телеграмма о смерти известного пианиста Льва Оборина¹⁰, его близкого друга. В этой вечерней атмосфере я показывал свой, в общем-то, не слишком “оптимистический” цикл. Помнится, что он, как и обычно, реагировал очень сдержанно, никаких высоких слов не произносил. Однако я почувствовал, что ему музыка понравилась. Для меня это было важно, но в то же время не удивительно. Уже прошедшие первые исполнения и обсуждения цикла, кроме одной, негативной по тону, критической статьи в газете, у всех, даже самых моих строгих коллег, вызывали

положительные отзывы. Так получилось, что этот цикл, наряду с моей 1-й симфонией, стал самым исполняемым из моих сочинений».

В те же 70-е годы тогда еще Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) Союз композиторов посетил гость из Японии композитор Ко-Ичи Хаттори.¹¹ Во время встречи в Доме композиторов, где Ко-Ичи прослушал запись цикла, выяснилось, что его дедушка жил рядом с Такубоку и был знаком с ним. Музыка ему понравилась, и он взял ноты с собой в Японию. «Песни о любви к себе» исполнялись в Японии, о чем свидетельствовал впоследствии перечисленный авторский гонорар. Но, к сожалению, ни место, ни исполнители композитору не известны. Между музыкантами через Союз композиторов возникла переписка, которая с течением времени прервалась. Однако интерес к Японии, ее культуре у Н. Мартынова сохранился до сих пор.

В 1977 году почти ровесник века, уже известный композитор Борис Александрович Арапов пишет «Четыре времени года» – вокальный цикл на японские трехстишия для сопрано, тенора и инструментального нонета, в переводе В. Н. Марковой. Этот цикл стал вершиной «восточной» темы, одной из магистральных тем в музыкальном наследии композитора. В своем сочинении Б. А. Арапов обратился к удивительному по своему лаконизму, всего 17 слогов, жанру японской поэзии – стихо-

творению одной поэтической мысли и поэтического образа – хайку. Эта поэтическая форма, ставшая особенно популярной в Японии с XVI века, по меткому замечанию Вс. Овчинникова, представляет собой «танка без последнего двустипия»¹². Одновременно афористичная и метафоричная поэтическая форма как бы аккумулирует в себе понимание «прекрасного» в японском искусстве и культуре. Жанр хайку – непревзойденный образец гармоничного слияния формы и содержания, в котором сочетается минимализм художественного приема с глубиной и многоуровневостью подтекстов. «Японское искусство взяло на себя задачу быть красноречивым на языке недомолвок <...> Совершенство прекраснее, чем совершенство; завершение полнее олицетворяет жизнь, чем завершенность. Поэтому больше всего способно поведать о красоте то произведение, в котором не все договорено до конца. <...> Югэн, или прелесть недосказанности, – это та красота, которая лежит в глубине вещей, не стремясь на поверхность»¹³.

Увидеть красоту в недолговечности, в бренности мира – пожалуй, это качество восприятия присуще лишь японцам. И в первую очередь их понимание прекрасного связано с неразрывностью взаимоотношений природы и человека. Недаром многие японские национальные праздники связаны с вечной изменчивостью в природе. Это любование цветами вишни и сливы (ханами),

любование снегом (юкими), обряд любования луной (цукими) и т. д. Художественные образы хайку неизменно связаны с одним из времен года, отсюда и название цикла Б. Арапова.

Поэтическая основа «Четырех времен года» – это хайку Мацуо Басё¹⁴, Такараи Кикаку¹⁵, Ёса Бусона¹⁶ и Кобаяси Иссы¹⁷. Знаменитое хайку К. Иссы «Улитка» дало название повести братьев Стругацких¹⁸ «Улитка на склоне». Интерес к Востоку у Бориса Александровича был не случаен и имел долгую историю. В своих воспоминаниях композитор пишет о многочисленных путешествиях по Средней Азии, Памиру. Неизгладимый след оставили в его жизни почти полтора года, проведенные в Китае, где он работал советником по вопросам связей европейской и китайской музыки и преподавал в Тяньцзиньской, Пекинской и Шанхайской консерваториях. Естественно, что все эти впечатления нашли свое отражение в творческом наследии музыканта. Интерес к Дальнему Востоку унаследовала от отца и дочь композитора – Т. Б. Арапова, автор публикаций и книг, хранитель и исследователь коллекции китайского прикладного искусства и японской керамики в Эрмитаже. Татьяна Борисовна в частной беседе рассказала мне об истории написания «японского» цикла Б. А. Араповым. «Когда вышел сборник хайку в переводе В. Н. Марковой, отец, конечно, с радостью ухватился за него, но тексты выбрал в соответствии со своим представлением и настроением о четырех временах года». В некоторой степени возникновение этого цикла инспирировала сама Т. Б. Арапова, поскольку она познакомила Бориса Александровича с этой поэзией. Он сразу же заинтересовался всем, что было связано с японской темой, прямым следствием этого и стало включение в сочинение интерлюдии с ремаркой композитора «из гагаку». В 1978 году посетивший Японию Г. М. Шнейерсон¹⁹ передал Ассоциации современных японских композиторов запись вокального цикла «Четыре времени года». В его письме от 22 апреля 1978 года можно прочесть: «Дорогой Борис Александрович! <...> партитуру я не возил, так как рукопись для исполнения следует передавать через

Надгробие Б. А. Арапова. Комаровский Некрополь. Фото автора. 2014 г.

ВАОП²⁰. Запись приняли с большим интересом и благодарностью – будут слушать и, возможно, выпишут партитуру и орк. материал»²¹. По словам Татьяны Борисовны, это сочинение в Японии так и не исполнялось.

«Четыре времени года» – не только результат интереса композитора к культуре Дальнего Востока, но итог его многолетнего изучения взаимодействия двух культур – европейской и восточной. О взаимном музыкальном влиянии Востока и Запада композитор говорил на конференции

по актуальным проблемам композиторского образования в Москве 27 ноября 1978 года. Эта же мысль прослеживается и в письме Николая Слонимского²² Б. Арапову от 3 апреля 1981 года. «Слушая Вашу музыку по японским трехстишиям, я мог оценить ваше умение – ваше вдохновение – соединять этнические элементы с современными гармониями. <...> И четыре времени года передают настроение в совершенно романтическом стиле – ведь модернизм по существу явление романтическое»²³.

Символично, что на надгробии Б. Арапова высечена музыкальная цитата из цикла «Четыре времени года». Мало кто знает, что этой музыкальной фразе соответствует поэтическая строфа из хайку: «Нет любви без разлуки даже для звезд в небесах».

Язык музыки – это интернациональный язык, понятный на всех континентах. Эта статья – еще одно подтверждение плодотворного взаимопроникновения столь далеких, но не отдаленных друг от друга культур.

¹ Борис Александрович Арапов (1905–1992) – композитор, профессор, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР (1944), заслуженный деятель искусств РФ (1957), народный артист РСФСР (1976).

² Борис Иванович Тищенко (23.03.1939–9.12.2010) – композитор, профессор, народный артист РСФСР (1987).

³ Николай Александрович Мартынов (20.06.1938) – композитор и музыковед, профессор, заслуженный деятель искусств РФ (1998).

⁴ Отомо-но Якомоти (716–785) – японский поэт, собиратель японской поэзии вака. Сыграл решающую роль в составлении императорской антологии «Манъёсю».

⁵ Анна Евгеньевна Глускина (1904–1994) – ученый-японист, переводчица японской поэзии, доктор филологических наук (1972).

⁶ Скорбященская О. А. Борис Тищенко: Интервью Robusta. СПб.: Композитор, 2010. С. 29.

⁷ Исикава Такубоку (20.02.1886–13.04.1912) – японский поэт, литературный критик, оказал сильное влияние на развитие поэтического жанра «танка».

⁸ Вера Николаевна Маркова (1907–1995) – поэт и переводчик с японского, китайского, английского языков. Исследователь японской классической литературы. В советской японистике совершила переворот, создав уникальные подражания японской поэтической миниатюре.

⁹ Дмитрий Дмитриевич Шостакович (12.09.1906–9.08.1975) – композитор, пианист, педагог, общественный деятель. Народный артист СССР (1954). Герой Социалистического Труда (1966). Лауреат пяти Сталинских премий (1942), Ленинской премии (1958), Государственной премии СССР (1968).

¹⁰ Лев Николаевич Оборин (29.08.1907–5.01.1974) – пианист, композитор, педагог. Народный артист СССР (1964). Лауреат Сталинской премии (1943).

¹¹ Ко-Ичи Хаттори (1933). Учился музыкальной эстетике и социологии в одном из самых престижных учебных заведений, в частном университете Гакусюин в Токио. Учился в Европе. В 1964 г. изучал и занимался исследованием музыкальных образовательных программ под руководством Музыкального Департамента США в Мичиганском государственном университете.

¹² Овчинников Всеволод. Сакура и дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах. М.: Советская Россия, 1983. С. 41.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Мацуо Басё (Мунэфуса) (1644–12.10.1694) – великий японский поэт, теоретик, сыгравший большую роль в развитии поэтического жанра «хайку».

¹⁵ Такаран Кикаку. Также известен как Эномото Кикаку (1661–1707) – последователь школы Мацуо Басё.

¹⁶ Ёса Бусон. Также Буссон, Еса, Эса, Тэсо, Пса, Танигути и др. псевдонимы (1716–25.12.1783) – японский поэт XVIII в. Мастер жанра «хайку», также известен как писатель, эссеист и художник.

¹⁷ Кобаяси Исса, известный как Ятаро (15.06.1763–5.01.1828) – японский поэт, мастер жанра «хайку».

¹⁸ Аркадий Натанович Стругацкий (28.08.1925–12.10.1991), Борис Натанович Стругацкий (15.04.1933–19.11.2012) – писатели-фантасты, соавторы, сценаристы.

¹⁹ Григорий Михайлович Шнеерсон (28.02.1901–6.02.1982) – музыковед, заслуженный деятель искусств РСФСР (1979).

²⁰ ВАОП (аббр.). Всесоюзное агентство по авторским правам (1973–1991).

²¹ *Сop Anima*: К 100-летию Б. А. Арапова: воспоминания, статьи, материалы, Санкт-Петербургская консерватория, 2006. С. 231.

²² Николай Леонидович Слонимский (15.04.1894–25.12.1995) – американский композитор, музыковед, дирижер, музыкальный критик, лексикограф, пианист.

²³ *Сop Anima*: К 100-летию Б. А. Арапова: воспоминания, статьи, материалы, Санкт-Петербургская консерватория, 2006. С. 223.

Российско-японское сотрудничество и книгообмен в истории Российской национальной библиотеки. К 200-летию ее открытия

Е. А. Филиппов

В 2014 году Российская национальная библиотека (РНБ), старейшая из публичных библиотек страны и одна из крупнейших в мире, отметила 200-летний юбилей. Каждому жителю Санкт-Петербурга знакомо главное здание РНБ, расположенное в самом центре города на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Созданное архитектором Егором Соколовым здание библиотеки строилось долго, что и предопределило ее открытие лишь в 1814 году, спустя 15 лет после указа Екатерины II о ее учреждении (1795)¹. Спустя 200 лет РНБ помимо главного здания имеет много филиалов: здание бывшего Екатерининского Института благородных девиц на набережной реки Фонтанки, здание на Литейном проспекте, дом Крылова на Садовой улице, дом Плеханова на 4-й Красноармейской, дом 1/3 на площади Островского и, конечно, новое здание на Московском проспекте. Любопытно отметить, что в канун открытия библиотеки в 1809 году в ее фондах, насчитывающих 262 640 книжных изданий, 12 000 рукописей и 24 574 эстампа, можно было обнаружить только четыре книги на русском языке². Сейчас фонды одной из крупнейших библиотек мира насчитывают более 36 миллионов книг и других документов. Большая часть единиц хранения – 28 миллионов – это издания на русском языке. Однако не могут не впечатлить и размеры иностранных фондов, насчитывающих более 6 миллионов единиц хранения, среди которых более 1 миллиона составляют собрания рукописных памятников и печатных изданий на языках народов Востока.

Восточные фонды стали формироваться с первых лет существования библиотеки. Еще до окончания постройки здания для Император-

Главное здание Российской национальной библиотеки

ской публичной библиотеки (ИПБ) в ее отчетах за 1808–1812 годы уже встречаются упоминания о книгах на восточных языках. Так, в 1810 году в публичной библиотеке имелось 175 неописанных томов на восточных языках, включая старопечатные, а в 1814 году – 668 таких книг. В 1841 году вся литература на восточных языках была переведена в одно из отделений, названное Отделением восточных языков и богословия. Геополитические интересы России, начиная с середины XIX века, обусловили повышенное внимание к восточным странам – в связи с чем фонд регулярно пополнялся во многом за счет приобретения иностранных изданий, и к 1910 году его объемы составляли 54,8 тысячи томов. В 1930 году в связи с тем, что заметно возросло количество поступлений на языках народов СССР, Отделение было переименовано в Отдел национальной литературы. Наконец, с 1952 года отдел литерату-

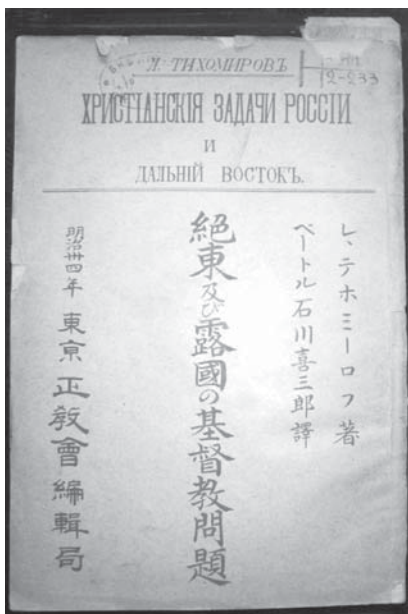
ры на восточных языках существует как самостоятельный³. За 50-е годы XX века его фонды выросли более чем втрое. После выделения из отдела национальной литературы он назывался сначала отделом За-рубежного Востока, а в 1964 году появилось нынешнее официальное название – Отдел литературы на языках [народов] стран Азии и Африки (ОЛСАА). В настоящее время фонд представляет собой богатейшее собрание восточной литературы, насчитывающее свыше 1 миллиона на 200 тысяч единиц хранения. Среди них более 200 тысяч книг, 400 тысяч экземпляров журналов, свыше 600 тысяч экземпляров газет, 1 тысячи нотных изданий, картографических – 101, и более 2 тысяч прочих (мелкий материал и нетрадиционные носители). Коллекция японских книг в ОЛСАА составляет более 18 тысяч томов, а репертуар газет и журналов на японском языке – около 2 тысяч названий.

Японский фонд в ОЛСАА

Долгое время японский фонд библиотеки комплектовался бессистемно и нерегулярно. Главным образом за счет единичных закупок или даров отечественных востоковедов и Русской православной духовной миссии в Японии, основанной архимандритом Николаем Японским (Касаткин Иван Дмитриевич, 1836–1912). Несмотря на то что необходимость системного комплектования иностранных фондов библиотеки осознавалась еще в XIX веке, добиться этого удалось только в XX веке, когда важнейшим источником поступления иностранной, в том числе и японской литературы в фонды РНБ стал международный книгообмен.

Таким образом, логично рассматривать историю российско-японского сотрудничества РНБ именно с истории книгообменных

Христианские задачи России и Дальний Восток.
Перевод на японский язык
Петра Исикава. Токио, 1901 г.

связей библиотеки. Уже в 1830–1840-е годы начали устанавливаться первые нерегулярные книгообменные связи с зарубежными организациями. Однако, несмотря на то, что ИПБ проявляла интерес к книгообмену, «в 1849 году, во время проведенного опроса библиотекарей о возможных путях увеличения денежных средств, большинство, и сам директор, высказалось о пользе установления подобных связей и обмена дублетов на книги, недостающие в библиотеке, или их продажу»⁴, – инициатива в установлении регулярных книгообменных связей исходила главным образом из Западной Европы и Америки. В 1851 году к библиотеке от имени правительства США обратился Александр Ваттермар (1790–1864) – французский актер, энергично работавший в эти годы над созданием международного книгообмена. Весной 1853 года аналогичное предложение библиотека получила от Французской академии наук, а в феврале 1854 года от Бразильской национальной библиотеки из Рио-де-Жанейро⁵.

К сожалению, ИПБ не спешила осуществлять принятое решение о налаживании книгообмена, несмотря на всю его очевидную выгоду. Возможно, пассивность библиотеки была продиктована настороженным отношением к книгообмену властей. Когда в начале своей карьеры М. А. Корф⁶ в беседе с Николаем I выдвинул идею обмена изданиями с Парижской национальной библиотекой, тот раздраженно ответил: «Да кто же их [русские издания] там станет читать? Разве наши изменники и беглецы»⁷. Налаживанию книгообмена в дальнейшем помешала и начавшаяся Крымская война. Только в 1856 году после ее окончания и смерти Николая I (1855) Императорская публичная библиотека вновь вернулась к этому вопросу и вступила в обмен с крупнейшими библиотеками Европы и США. А в 1863 году уже сама предложила 183 научным учреждениям и обществам Европы, Америки и Азии начать регулярный обмен изданиями. На ее предложение откликнулось свыше 30 крупнейших университетов и библиотек. Однако Япония того времени только начала открываться миру после длительного периода самоизоляции, и го-

ворить о каком-либо полноценном обмене, о налаживании системных контактов было еще рано.

В начале XX века ИПБ поддерживала постоянные контакты со многими организациями в разных странах. К этому времени и Япония уже интегрировалась в мировое сообщество. По данным⁸ за 1913 год, среди зарубежных университетов, научных учреждений и обществ почти двух десятков стран, регулярно посылающих свои издания в библиотеку, мы видим и японские. Даже в годы Первой мировой войны, когда количество партнеров библиотеки существенно сократилось, с Японией удалось сохранить контакты. В 1914–1916 годы приходили эпизодические посылки с книгами из библиотек, научных и правительственных учреждений этой страны.

После революции 1917 года переименованная из Императорской в Российскую, библиотека становится публичной в прямом смысле этого слова, доступной широкому кругу читателей. Больше внимания на данном этапе уделяется внутренним вопросам реорганизации, пропаганде всеобщей грамотности, поиску места в новом обществе. Библиотека практически не уделяла внимания международным связям.

Очень быстро РПБ справилась с вызовами времени. Следуя веяниям эпохи – возросшему интересу к развитию техники и достижениям прогресса, библиотека уже с 1920-х годов, стремясь установить систематический обмен научными изданиями, начала активно восстанавливать утраченные связи с зарубежными партнерами. Те, в свою очередь, преодолели определенные опасения, связанные со сменой власти. В адрес библиотеки поступили письма от ряда иностранных национальных библиотек, академий наук, университетов и других организаций с предложениями вступить в обмен. Среди них была и библиотека Киотского университета Японии⁹. В 1926 году появились договоры с США, Германией, Францией; в 1929 году – с Японией и рядом других стран (27 иностранных хранилищ).

С конца 1950-х годов в развитии процесса международного книгообмена библиотеки наступил период бурного расцвета, длившийся более сорока лет вплоть до перестройки,

когда ГПБ¹⁰ активно расширяла свои связи, в том числе и со странами Азии и Африки.

В начале 1980-х годов в Японии насчитывалось более 300 организаций, поддерживающих книгообмен с Государственной публичной библиотекой (ГПБ). Главными ее партнерами в Японии в этот период были Национальная парламентская библиотека, Университет Хитоцубаси, Киотский университет, Университет Уцуномия, Университет Тэнри, Международный институт по изучению буддизма, Институт славяноведения, книготорговые фирмы «Наука», «Библиография», Стоматологическое общество Японии и редакция журнала медико-биологических исследований¹¹. Характеризуя книгообмен с японскими организациями в этот период, нужно отметить не только стабильность, четкое соблюдение сроков и обязательств, но и внушительный объем, примерно 300 книг в год. В 1982 году из Японии было получено максимальное за всю историю российско-японского книгообмена количество книг – 490, репертуар журналов в этот период составлял около 360 названий в год, преимущественно научной тематики¹². Уделяя серьезное внимание совершенствованию международного книгообмена, его профилированию, а также сбалансированности и целесообразности расходования финансовых средств, библиотека активно занималась продвижением отечественной литературы за рубеж. В 1980-х годах в ГПБ от японских библиотек и учреждений на отечественные издания поступало до 370 заявок в год. Главным образом японских партнеров интересовала литература на иностранных языках, выпускаемая издательствами «Мир», «Прогресс», «АПН» – преимущественно общественно-политическая и художественная, а также литература по искусству. Более 40 лет – с конца 1950-х до середины 1990-х годов международный книгообмен являлся основным источником комплектования фондов библиотеки как иностранной литературой в целом, так и японскими изданиями в частности.

В силу экономических причин и длительного периода нерегулярного финансирования библиотеки (теперь уже РНБ) с начала 1990-х

начинается спад, достигший предела к 1998 году, когда наступил глубочайший кризис, связанный с дефолтом и девальвацией рубля. Как и другие российские библиотеки, РНБ была вынуждена существенно сократить подписку на российские периодические издания для иностранных партнеров, а в 1998 году не имела средств даже на пересылку книг. Ситуация была настолько удручающей, что осенью 1999 года специалисты ведущих иностранных библиотек (Британская национальная библиотека, библиотеки Калифорнийского, Гарвардского, Колумбийского, Мичиганского университетов и др.) обратились с письмом к правительству РФ с просьбой поддержать российские библиотеки и международный книгообмен¹³. Кризис оказался таким серьезным, что библиотеке до сих пор не удается выйти на показатели прошлых лет. 1990-е годы стали самым тяжелым периодом в истории РНБ. К 2000 году число иностранных партнеров библиотеки сократилось вдвое и продолжало уменьшаться вплоть до 2005 года.

Недостаточное комплектование фонда международного книгообмена РНБ книгами, нехватка средств на проведение подписки для зарубежных партнеров на отечественную периодику, задержки и перебои с экспедицией изданий за рубеж привело к тому, что библиотека была вынуждена отказаться от сотрудничества с рядом партнеров, в том числе со странами Азии и Африки, из-за дороговизны отправки изданий в этот регион. Последствием кризиса в России стало отсутствие изданий на основных европейских языках, которые заказывали японские партнеры. Резко сократилось и количество поступающих от японских организаций заявок на отдельные российские издания. Так, например, в 2003 году их поступило всего три¹⁴. Отрицательное влияние на международный книгообмен РНБ оказали следующие факторы: малопригодность для международного книгообмена книжного репертуара отечественных изданий, переориентированных на коммерческую продукцию, сложность приобретения малотиражных провинциальных изданий, высокие почтовые тарифы на пересылку изданий за рубеж. Эти негативные факторы также кос-

нулись и книгообмена с Японией, масштабы которого значительно уменьшились. К 2000 году у РНБ сохранилось только 92 партнера в этой стране, объем книжных поступлений составил менее 50 единиц, репертуар журналов сократился до 250 названий. В это сложное время особое значение приобретали издания, неоднократно передаваемые РНБ в дар Генеральным консульством Японии в Санкт-Петербурге и Японским фондом. Так, в 1997 году были получены 52 книги по заказам ОЛСАА. В 1999 году в фонды РНБ поступило 99 книг, посвященных японской культуре, традициям, театральному искусству; в 2000 году – 38 изданий; в 2003 году – 68. 14 января 2004 года на торжественной церемонии по случаю 190-летнего юбилея открытия Императорской публичной библиотеки дары Японского фонда были отмечены особой медалью РНБ¹⁵. Следует также упомянуть вклад известного японского слависта Итокава Коити (род. 1941) в получении библиотекой японских книг.

После 2005 года связи между библиотекой и ее зарубежными партнерами стали постепенно восстанавливаться. Сейчас Российская национальная библиотека обменивается изданиями более чем с 540 организациями в 65 странах мира¹⁶, но эта внушительная цифра составляет только пятую часть от объемов 1990 года.

Что касается японских партнеров библиотеки, то на основании информации, предоставленной Сектором иностранного комплектования и международного книгообмена Отдела комплектования Российской национальной библиотеки, последнее десятилетие объем книгообмена остается стабильным, и японские партнеры проявляют к нему большой интерес. Количество японских партнеров в 2013 году составило 94 организации, заметно уступая показателям 2011 года (121). Однако необходимо подчеркнуть, что подобные колебания являются временным негативным следствием ответа японской стороны на значительное сокращение РНБ в середине 2011 года количества пересылаемых российских журналов. В целом же основные партнеры РНБ, обеспечивающие большую часть объемов книгообмена, десятилетия

остаются неизменными. Среди таких можно назвать Национальную парламентскую библиотеку, университеты в Осаке, Киото и Нагасаки, библиотечную ассоциацию Японии и различные научные общества. К сожалению, обмен осуществляется в основном периодическими изданиями, а поступления книг из Японии восстановить в прежнем объеме не удалось.

подавляющее большинство организаций присылает свои материалы на безвозмездной основе. Около трети от их общего числа составляют научные общества и ассоциации, присылающие публикации по технике, математике, медицине, химии, физике, метеорологии, сельскому хозяйству. Вторая треть это библиотеки университетов – наиболее заметные из которых Киото, Тэнри, Хитоцубаси, Кансай и Кокугакуин. Университеты присылают свои труды по общественным и гуманитарным, естественным и техническим наукам, филологии, социальным наукам, праву, химии и биологическим наукам, медицине, математике, экономике. 60 изданий поступают от организаций, не состоящих в регулярном книгообмене с РНБ. В основном это издания профессиональной и технической тематики: по различным отраслям промышленности, ядерной физике, информационным технологиям и коммуникациям, медицине, образованию. Среди организаций, предоставляющих свои издания безвозмездно, можно отметить Библиотеку Медицинского университета Тохоку, Национальный музей этнологии, Общество экономических наук, Японскую ассоциацию изучающих русский язык и литературу, Японское общество клинической онкологии и Институт медицинских наук Токийского университета.

Всего в 2013 году было получено 236 журналов (1151 экз.) и 20 продолжающихся изданий (58 экз.) Около четверти полученных изданий – публикации на английском языке. Около трети содержат тексты на английском – резюме, статьи, параллельный текст. Ряд серьезных научных журналов, имеющих высокий международный рейтинг, таких как ISIJ International (Iron and steel institute of Japan) и Journal of mathematical sciences

(The University of Tokyo), выходят полностью на английском языке и, как все англоязычные издания, поступают в основную иностранную фонд РНБ. Остальные хранятся в ОЛСАА. Книжные издания немногочисленны и поступают главным образом от двух основных партнеров РНБ в Японии – Парламентской и Восточной библиотек. В 2013 году эти две библиотеки прислали 66 книг. Помимо этого, РНБ получила ценный альбом по искусству от Института восточной культуры Токийского университета и один компакт-диск по использованию атомной энергии в Японии от Японского агентства атомной энергетики.

Крупнейшим партнером РНБ в Японии следует назвать Национальную парламентскую библиотеку – крупнейшую в стране и одну из десяти крупнейших в мире. Важно отметить тот факт, что Парламентская библиотека регулярно предлагает специалистам РНБ выбор из сотен наименований, предоставляя список своих периодических изданий. Основная часть изданий – публикации японских университетов на различные темы: статистика, библиотековедение, филология, языковедение, искусство, математика, театр. Библиотека регулярно присылает качественные в полиграфическом отношении книги по искусству, произведения художественной литературы, а также целый ряд журналов. В 2013 году были получены 35 журналов и продолжающихся изданий (больше, чем в предыдущий год). Из трех десятков названий приведем только несколько, самых, на наш взгляд, интересных: Japan statistical yearbook; National Diet library monthly bulletin; Energy and resources (Japan society of energy and resources); Defense of Japan; Bulletin of faculty of art and design (University of Tsukuba); Japanese language and culture Bulletin (Osaka university); Culture and language faculty of foreign language (Sapporo university); Hokkaido university technical report. Series in mathematics; Journal of general and applied microbiology.

Вторым по величине постоянным партнером РНБ является Восточная библиотека в Токио – это самая крупная в Японии и пятая в мире библиотека, в которой хранятся документы по исследованиям

стран Востока. Восточная библиотека регулярно присылает пять своих изданий по филологии и литературе. У читателя может возникнуть вопрос, почему, упомянув скромную цифру в пять изданий, мы считаем, что эта библиотека является вторым по значимости партнером РНБ? Во-первых, нужно акцентировать внимание на том, что речь идет только о регулярных посылках. Во-вторых, эти издания, формально являясь журналами, скорее ближе к книжным изданиям – часто включают несколько томов (например, комментированный перевод истории китайской династии Сун).

В последние годы заметная доля в книгообмене принадлежит Японской библиотеке русскоязычных источников, регулярно предлагающей широкий спектр периодических изданий в основном гуманитарного профиля, а также ряд журналов по математике и медицине. В 2013 году было получено 15 наименований, среди которых особую ценность представляют журналы, посвященные исследованиям космоса и астрономии, издаваемые Японским агентством аэрокосмических исследований: JAXA Research and development report, JAXA Special publication, JAXA research and development memorandum; и медицине: Medical journal of Hiroshima University; Hiroshima journal of medical sciences; Journal of Hiroshima University dental society. Заинтересованы в книгообмене с РНБ библиотеки университетов. Так, университет Хитоцубаси присылает восемь изданий по экономике, социальным наукам, праву; университет Киото – семь по филологии, востоковедению, экономике и праву; университет Кансай – пять изданий по филологии и экономике; университеты Кокугакуин и Тэнри – четыре издания по языковедению, экономике, политике и истории; а университет Хоккайдо – два издания по славистике. Кроме того, в книгообмене также участвуют местные и специальные библиотеки, редакции журналов и газет, научные общества и ассоциации, а также государственные учреждения и ведомства. Медицинское издательство Igaku Shoin Ltd. безвозмездно присылает три издания по медицине.

Помимо международного книгообмена, в течение последних

Журнал Energy and resources
(Japan society
of energy and resources)

Пример нетрадиционных как цифровых, так и аналоговых носителей информации в Японском фонде РНБ. Oxford Take Off in Japanese. CD и аудиокассета

десяти лет заметный вклад в комплектование фондов библиотеки продолжают вносить Японский фонд и Генеральное консульство Японии в Санкт-Петербурге. Например, в 2010 году РНБ получила предложение от Японского фонда принять участие в ежегодном благотворительном проекте, в рамках которого фонд дарит нескольким иностранным библиотекам книги по программе «100 книг, которые помогут лучше понять современную Японию». И в том же году библиотека была выбрана одним из финалистов и получила 58 книг на английском языке о культуре, истории и политике современной Японии.

На протяжении всей истории библиотеки ее связи с японскими партнерами не ограничиваются только книгообменом и дарами. В научно-исследовательской области РНБ сотрудничает с Министерством образования, науки и культуры Японии и Японским обществом по содействию науке, принимает участие в различных благотворительных программах. Профессиональное сотрудничество породило также и неформальные личные взаимоотношения. После случившейся в марте 2011 года трагедии – Великого восточно-японского землетрясения, библиотека приняла участие в сборе средств для пострадавших. В РНБ был организован сбор пожертвований, которые были переданы в консульство. Многолетнее сотрудничество РНБ и Генерального консульства Японии в Санкт-Петербурге про-

должает развиваться: в библиотеке организуются различные выставки: «Япония: лики времени» (2011); «Я здесь совершенно один русский...», приуроченной к 100-летию со дня успения святого Николая Японского (2012); «К годовщине землетрясения в Японии» (2012). На протяжении нескольких лет библиотека участвует в организации фестивалей «Японская весна» и «Японская осень». В нынешнем юбилейном году в рамках фестиваля организовано выступление

Фотовыставка в РНБ «Япония: лики времени» (26.03.2011). Особой популярностью у посетителей выставки пользовался фотопроект «Русский Ёж в Японии». Дядя Ёж побывал в Стране восходящего солнца 11 раз

японского хора «Охисама» (2014). Представители консульства посещают библиотеку не только на протокольных мероприятиях. Здесь регулярно проводятся рабочие встречи для обсуждения новых совместных проектов. В свою очередь, неоднократно директор и другие сотрудники библиотеки приглашались на прием в консульство. Таким образом, складываются добрые отношения, зарождаются и укрепляются взаимные симпатии, что непременно способствует дальнейшему расширению сотрудничества библиотеки с Японией, но уже на новом уровне...

Последние годы и в России, и в Японии, с развитием Интернета и электронных книг, все меньше людей покупает книги бумажные, и тем больше возрастает роль библиотеки в сохранении культурного и интеллектуального наследия человечества. Сейчас, как никогда, поиск, отбор и сохранение этого наследия являются важнейшими задачами для РНБ. Довольно часто в современном мире можно услышать мнение, что бумажные носители информации это прошлый век и мировое сообщество уже активно переходит на хранение информации в цифровом виде. Однако если начать разбираться в современных технологиях хранения данных, предстает абсолютно противоположная картина. Современные CD-диски в идеальных условиях содержания обещают сохранять данные в течение 90 лет, DVD – около 100 лет, самые совершенные

flash-носители не дают гарантии сохранности информации более 30 лет, и даже производители HDD соглашаются, что данные диски разрушатся через 100 лет. На практике же эти цифры еще меньше. Присущие естественным условиям свет, влажность и ферромагнитные поля приводят к коррозии и другим разрушающим носители информации процессам, сокращая работоспособность CD, DVD до 20 лет, flash – до 5–20 лет, HDD – 30¹⁷. Наука не стоит на месте, и периодически тот или иной разработчик увеличивает срок жизни электронных носителей. Например, Kodak утверждает, что обладает технологией изготовления дисков, способных сохранять данные до 300 лет¹⁸. Даже наиболее оптимистично настроенные апологеты электронного мира, упоминая, что самой долгоживущей частицей во Вселенной считается протон, время жизни которого, по разным оценкам, составляет порядка 10³⁰–10³³ лет, не осмеливаются предполагать, что в обозримом будущем возможно записать на него информацию. Они связывают свои надежды с более доступным электроном, время жизни которого хоть и меньше на 4–6 порядков, но тоже сравнимо с возрастом Вселенной (10¹⁰ лет). Теоретически на него информацию можно кодировать спином – но это технология не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня. Кто-то говорит о ДНК, способных сохранять информацию десятки тысяч, а может быть и миллион лет – технологию хранения информации обозримого будущего. Но все это пока фантастика.

Возвращаясь к реальности, самое время вспомнить об обычной бумаге. Она относительно долговечна – при правильных условиях содержания бумага сохранит информацию в течение сотен или даже тысячи лет. Другим решающим преимуществом бумажных носителей можно назвать их надежность – поврежденная часть текста не лишает возможности прочитать оставшуюся часть, тогда как цифровые носители гораздо более чувствительны к повреждениям – даже утрата одного бита данных на магнитном или оптическом диске может привести к невозможности считать файл, то есть к потере большего объема данных. Тем не менее, если в сохранении информации

цифровые технологии проигрывают аналоговым (бумажным) носителям, то для осуществления социальной миссии – предоставить в общественное пользование свои фонды, оцифровка документов и создание электронной библиотеки являются необходимыми шагами. В 2006 году в новом здании РНБ на Московском проспекте открылся Зал электронной библиотеки. В области информационных технологий библиотека выступила одним из инициаторов и организаторов создания первой общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ. Создан электронный каталог, реализуются другие инновационные проекты, поднявшие обслуживание на качественно новый уровень. Функционируют Информационно-сервисный центр, Центр правовой

информации, Центр доступа к электронным ресурсам, Служба электронной доставки документов. РНБ наряду с Национальной парламентской библиотекой Японии были в числе первых партнеров запущенного в 2009 году проекта Всемирной цифровой библиотеки, который выдвинула Библиотека Конгресса США. Одним из первых оцифрованных для нее документов стало величайшее произведение японской классической литературы «Гэндзи моногатари».

Таким образом, российско-японское сотрудничество библиотеки из нерегулярных книгообменных связей в середине XIX века переросло в широкое и многоплановое партнерство в веке двадцатом и постепенно интегрируется уже в общемировое сотрудничество в веке двадцать первом.

¹ Российская национальная библиотека: к 200-летию со дня открытия / Отв. сост. Г. В. Михеева, Н. Ю. Прохорцова. СПб.: Российская национальная библиотека, 2014. С. 63.

² Голубева О. Д. Оленин Алексей Николаевич // Российская национальная библиотека [официальный сайт Российской национальной библиотеки]. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/rooms/info.php?id=127 (дата обращения: 27.08.2014).

³ Отдел национальных литератур. Историческая справка // Российская национальная библиотека [официальный сайт Российской национальной библиотеки]. URL: <http://www.nlr.ru/coll/onl/history.htm> (дата обращения: 28.08.2014).

⁴ История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина / Ред. В. М. Барашенков и др. Л.: Лениздат, 1963. С. 55.

⁵ Там же.

⁶ Корф Модест Андреевич (1800–1876), гос. деятель, историк, директор ИПБ в 1849–61 гг. [Историческая справка. Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 // Российская национальная библиотека [официальный сайт Российской национальной библиотеки]. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=85 (дата обращения: 28.08.2014)].

⁷ История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 56.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Там же. С. 198.

¹⁰ В 1925 г. Российская публичная библиотека была переименована в Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. (ГПБ). А в 1939 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени.

¹¹ Прянишникова В. Я. Книгообменные связи между Российской национальной библиотекой и ее партнерами в Японии // Санкт-Петербург – Япония: XVIII – XXI вв. (Санкт-Петербург и мир). СПб.: Европейский дом, 2012. С. 529.

¹² Там же.

¹³ Российская национальная библиотека 1996–2000 / Ред. В. Н. Зайцев, В. Р. Фирсов, Е. В. Небогатикова и др. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. С. 23.

¹⁴ Прянишникова В. Я. Указ. соч. С. 530.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Российская национальная библиотека: к 200-летию со дня открытия. С. 47.

¹⁷ Сколько времени хранится информация на разных носителях // cxem.net [форум по радиоэлектронике]. URL: <http://forum.cxem.net/index.php?showtopic=22877> (дата обращения: 03.09.2014); How Long Will Your Digital Storage Media Last? Casey Morgan. Data storage lifespans: How long will media really last? // Agogified. Technology, information and culture, mashed and served [электронный ресурс]. URL: <http://agogified.com/97> (дата обращения: 01.09.2014).

¹⁸ Kodak Gold Preservation CD/DVD // MAM-A Factory Store [официальный сайт]. URL: <http://www.mam-a-store.com/kodak.html> (дата обращения: 01.09.2014).

Японский журнал «Костер», «Сказка про котта, который жил миллион раз», «Кохару — маленькая японская весна» и другие истории из жизни Детской библиотеки истории и культуры Петербурга

М. Л. Васюкова

Много лет назад в нашей библиотеке раздался телефонный звонок. «Меня зовут Яско Танака, я профессор из Японии, мне посоветовал обратиться к вам Владислав Крапивин». В те годы госпожа Танака, известный специалист по русскому языку и русской литературе, преподавала в Петербургском университете. Она искала книги Крапивина, написала ему в Свердловск и получила рекомендацию обратиться в нашу библиотеку. Так много лет назад состоялось наше знакомство.

Наше активное сотрудничество началось в тот момент, когда Объединение любителей русской детской литературы, созданное Яско Танака в Японии, приступило к изданию первого номера журнала «Костер».

Группа «Костер» — объединение любителей русской детской литературы была создана профессором Института иностранных языков г. Осака Яско Танака.

1 января 1991 года Яско Танака написала «Несколько слов по поводу нового издания» — «сегодня мы разводим костер для людей, которые хотят, чтобы дети были счастливы». Так родился журнал с русским названием «Костер».

Журнал создавался как «информационно-исследовательский о советских детских книжках», — писала Кимура Ёсико в послесловии к первому номеру, — как любительский журнал для любителей и профессионалов». наших японских коллег интересовали история русской детской литературы, современные

Группа «Костер» — объединение любителей русской детской литературы. К 20-летию деятельности*

детские писатели и художники, книжные новинки в России, творческие контакты со специалистами в нашей стране. Уже в первом номере можно было прочитать «Сравнительный анализ состояния дел в детских издательствах СССР и Японии», статью о японской литературе в СССР, обзор переводов детской литературы, выпущенных издательством «Советская Россия», и многое другое.

В том же 1991 году вышел еще один, внеочередной номер «Костра». В нем были материалы нашего первого совместного исследования «Что читают и как проводят свободное время советские и японские дети».

Годы нашего сотрудничества способствовали взаимным открытиям. Казалось бы, самый обычный вопрос давал начало поиску,

исследованию, узнаванию. «Жив ли Вадим Фролов? Читают ли его знаменитую книгу «Что к чему?» В Японии эта книга, как оказалось, возглавляет список ста лучших зарубежных книг о подростках. Она несколько раз была там переиздана. А у нас? Старшее поколение помнит, как взбудоражила она читателей уже при первой публикации в журнале «Юность» и как получила высокие международные награды. Мне ее подарили в пионерском лагере, и с тех пор она всегда со мной среди самых любимых книг детства. Вопрос из Японии привел нас в дом писателя. Вместе с вдовой Фролова — Евгенией Исаевной, журналистом и писателем, мы готовили материалы для Японии, а потом вечер памяти Вадима Григорьевича, который собрал в Доме журналистов его друзей и почитателей творчества, радио- и телевизионную

* Фотографии из архива библиотеки и личного архива Яско Танака.

передачу, вызвавшие многие отклики не только петербуржцев, но и жителей других городов. А в «Костре» № 14 вышла статья Михо Маруо «Жизнь и творчество Вадима Фролова» и были переведены несколько его рассказов.

Поиски портретов Л. Чарской для публикации в «Огневушке» – литературном приложении к «Костру» начались в Александринском театре, где ей пришлось служить, а продолжились в Пушкинском Доме – Институте русской литературы, где и нашлись уникальные материалы. Переводы В. Бианки и издание его книг в Японии вызвали поток вопросов, на которые мы отвечали с помощью серьезных справочников и специалистов.

Театральные сюжеты и вопросы нам помогает исследовать и пояснять Николай Юрьевич Боровков – писатель, режиссер кукольного театра и очень хороший человек. Вместе с ним мы смогли рассказать японским коллегам о детских театрах довоенного Ленинграда и о современных постановках маленьких частных театров, о том, сколько стоили билеты и как часто шли спектакли прежде и что происходит в наши дни.

Встреча наших японских коллег с художниками Ксенией Почтенной и Александром Мажугой помогла найти ответы на весьма сложные вопросы по поводу детских раскрасок, которые, оказывается, японские и русские дети раскрашивают по-разному.

В статье «Детский мир Петербурга» я отвечала на многочисленные вопросы из Японии о том, как живут петербургские детские писатели и художники, какие выставки иллюстраторов детских книг проходят, кто какие призы получил, какие спектакли идут в детских театрах, ходят ли дети в театры, как изменилась детская жизнь и отношение детей к книгам.

Все годы сотрудничества наша библиотека не только информирует японских коллег о новых книгах и журналах, о важнейших событиях культурной жизни Петербурга, но и помогает устанавливать контакты с представителями творческих петербургских семей, писателями, художниками, театральными деятелями, издателями.

В «Костре» № 15 была помещена статья известного писателя

Японский журнал «Костер» – за 20 лет и три года

С. В. Сахарнова «Бианковская традиция в петербургской детской литературе». Для 17-го номера «Костра» Елена Витальевна Бианки написала воспоминания об отце, о своем детстве, об отношениях в семье, о том, как повлиял отец на их с братом будущее. 100-летние юбилеи Ю. Васнецова и А. Пахомова костровцы отметили статьями Томоко Танака об иллюстрациях художника и В. Пахомовой-Гёрес «Под знаком отца», а 100-летие Е. Чарушина – статьями Томоко Танака «Е. Чарушин, любивший природу и животных» и В. Г. Траугота «Е. Чарушин и традиции его семьи».

В разные годы в «Костре» появились интервью С. Махотина о проблемах современной детской литературы, подборки материалов к 200-летию А. С. Пушкина – «События Пушкинского года в Петербурге» и к 200-летию Г.-Х. Андерсена – «Андерсен в России». При подготовке последних материалов мы провели исследование об издании книг Андерсена в России, посылали в Японию статьи об Андерсене В. Инбер, К. Паустовского, копии иллюстраций разных художников, отвечали на вопросы, пытаясь объяснить особое отношение к Андерсену в России. «Чем отличаются переводы Ганзенов от других?» На этот вопрос на страницах журнала отвечала Н. Л. Ганзен – прямой потомок знаменитых переводчиков. Главное, с ее точки зрения, что впервые у Ганзенов был прямой

перевод на русский без языка посредника (раньше, как правило, это были немецкий или французский языки). Второе – это безусловное литературное дарование супругов. Они не просто делали перевод, а создавали собственное литературное произведение. И это, конечно, повлияло на особое отношение к Андерсену в России.

Отдельная история была связана с 80-летием книги В. Арсеньева «Дерсу Узала» и фильмом А. Курасава. Из письма Яско Танака: «Вы, конечно, смотрели фильм Курасава? Знакомы ли Вы с песней «Ой, орел мой сизокрылый, где ты долго так летал?» Она русская народная песня? Всем знакомая или нет?.. Я хочу узнать, Шварц-сан сочинил ту песню по мотивам народных песен, слова откуда? Я считаю, что песня Шварца-сана сделала это кино уникальным, хотя, конечно, Курасава снимал его великолепно. Я люблю это кино именно за песню орла, и не только я, мне кажется». Еще было много вопросов, на которые мог ответить только сам Исаак Иосифович Шварц. Нам удалось связаться с ним. Обстоятельства и большая занятость не позволяли ему тогда написать статью о песне из фильма «Дерсу Узала» для «Костра», поэтому он согласился ответить на наши вопросы по телефону.

Он рассказал тогда, что Курасава очень долго искал песню для своего фильма. Перебрал сотни текстов, внимательно изучал материалы. Первоначально остановился на песне «Вечерний звон». Исаак Иосифович вынужден был сказать ему, что эта песня не подходит, так как не могли казаки петь в тех условиях такую «салонную» песню. В итоге общими усилиями они нашли народную песню, из которой в фильме был использован только первый куплет. Шварц рассказал, что музыке к словам он написал сразу сам в стиле народной песни. Он же обратился с просьбой к Белле Ахмадулиной, своему доброму другу и соавтору, написать стихи для второго куплета. Он считал, что песня очень соответствует фильму и образу Дерсу Узала. После беседы с И. И. Шварцем я ответила Яско Танаке: «Так же, как и Вы, он видит в Орле образ Дерсу, его душу». Исаак Иосифович рассказал, что в письмах к нему Курасава удивлялся и спра-

шивал, почему в России так не про-реагировали зрители на эту песню, как в Японии. Самому Исааку Иосифовичу песня была очень близка, он даже не стремился к тому, чтобы она звучала вне фильма в каком-то другом исполнении, поэтому даже не публиковал ее. Разное образное восприятие у русских и японцев, которое так проявилось в отношении к песне об Орле, привело еще к одному небольшому исследованию. По просьбе японских коллег мы предложили людям разного возраста написать о возникающих у них образах и ассоциациях в связи с предложенными словами. Анализ исследования был опубликован в «Костре».

В 21-м номере «Костра» были опубликованы материалы еще одного нашего общего исследования «Чье детство лучше?» и «Любимая книга детства». «Анкеты современных русских от 15 до 80 лет» в журнале проанализировала Эйко Накамура, а поделилась своими впечатлениями в небольшой заметке

«Детство – лучшее время жизни». «Детство как пора сравнению не подлежит, а вот атмосфера, в которой оно протекает, подлежит анализу» – это один из ответов, и он стал своеобразным ключом ко всем остальным, в которых предстала атмосфера детства разных периодов истории нашей страны – и довоенное и военное детство, трудные послевоенные годы, период перестройки, сегодняшние дни.

Восемь первых лет работы группы «Костер» и сотрудничества с российскими, украинскими и белорусскими коллегами ознаменовались удивительной акцией «Лучшие японские детские книжки детям». Члены группы обратились с призывом к соотечественникам, собрали средства для своей акции, отобрали и купили книги, сделали русские переводы и вклеили их на каждую страницу каждой книги. Посылки с книгами были отправлены в Москву, Петербург, Киев и Минск. Увы, питерская посылка заблудилась где-то на просторах нашей родины. Поиски успехом не увенчались, и наши коллеги собрали новую посылку. «Хорошо, что переводы в компьютере сохранились», – радовалась госпожа Танака. Появление коллекции в Петербурге стало заметным собы-

тием в культурной жизни города. Книжки можно читать на русском и японском языках, они интересны как детям, так и взрослым, в том числе издателям и специалистам по детской литературе. Среди авторов – Ёрико Цуцуи, Акико Хаяси, Сюэхэй Хасэгава, Кэн Катаяма, Йоко Сано, Казуо Ивамура, Набору Баба и др. Особой популярностью среди читателей пользуются «Кот, который жил миллион раз» Йоко Сано, «Мышонок и жилет» Ёсио Накаэ, художник Норико Уэно. Любопытно, что на одной из встреч в библиотеке студенты из Японии с большой радостью обнаружили в этой коллекции любимые книги своего детства.

«Мы стараемся хранить лучшие вещи русской книжной культуры для детей», – написала нам однажды госпожа Танака. Благодаря усилиям Яско Танака и ее помощников в Японии изданы книги с рисунками Юрия Васнецова и Алексея Пахомова, Наталии Чурушиной и Светозара Острова. «А что, если в каждом номере “Костра” помещать рисунки молодых иллюстраторов России и знакомить с ними читателей и редакторов?» – спрашивала нас Танака-сан, получив очередную посылку с новыми детскими книгами. «Как интересно издали скороговорки Алексея Шевченко и работы школы Бианки в новом “Детгизе”! “Сорок сорок” прекрасная книга. Жаль, что мы ее не можем перево-

дить, то есть переводить-то умеем... По-японски рифма не звучит, а здесь рифма самое главное. Шевченко-сан очень интересный поэт, я хорошо поняла. Надежда Борисова – очень талантливая и интересная художница, мне кажется».

Интерес в Японии к издательству «Детгиз» позволил нам осуществить многолетнюю мечту об издании на русском языке «Сказки про кота, который жил миллион раз» в старейшем детском издательстве России.

Йоко Сано и Яско Танака дружили с детства, они учились в одной школе. В послесловии к русскому изданию Я. Танака написала: «В одну из наших встреч я подарила ей книги “Снег” и “Бабочка” с иллюстрациями Татьяны Мавриной и текстами Юрия Коваля, которые я перевела с русского на японский язык. Йоко очень понравилась эта серия, и именно после этого она заинтересовалась писателем Ковалём. Юрий Коваль, в свою очередь, высоко оценил сказку, созданную Йоко, взялся ее пересказать на русском, увлекся этой работой...» К сожалению, их личная встреча так и не состоялась. В 1995 году ушел из жизни Юрий Коваль, в 2010 году – Йоко Сано, чуть-чуть не дождавшись русского издания своей знаменитой книги. «У нас в Японии, – говорит Яско Танака, – мы называем эту книгу “сказкой, которая родится раз в миллион лет”,

Коллекция лучших японских детских книг с русскими переводами

Кот, который жил миллион раз

у ее автора – тонкая и бессмертная душа, так полно раскрывающаяся на страницах этой книжки». Издание книги в России вызвало огромный резонанс. Тираж давно распродан, а споры и обсуждения продолжаются до сих пор, мнения противоречивые, иногда диаметрально противоположные, но равнодушной она не оставила никого.

Однажды я послала коллегам в Японию книгу Евгении Оскаровна Путиловой «Детское чтение для сердца и разума». Отклик был очень быстрый: «Детское чтение...» Путиловой читаю с интересом, – написала Яско Танака, – мне все нужно и так интересно. Она настоящий исследователь. Вчера, когда я прочла статью о Викниксоре, не смогла сдержать слезы. Сама решила перевести ее статьи, одну за другой... Сначала буду помещать их в «Костре», а потом нужно собрать все статьи и издать. От души благодарна Вам за встречу с ней. Хочется стать аспиранткой ее и каждый год быть у нее в Петербурге».

Подписчики «Костра» вот уже несколько лет имеют возможностьзнакомиться с историей русской детской литературы по переводам фрагментов учебника, вышедшего в Петербурге под редакцией Е. О. Путиловой.

В 2012 году госпожа Яско Танака была награждена Пушкинской медалью за большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение русского языка и культуры за рубежом.

Научная и просветительская деятельность профессора Танака и членов группы «Костер», бесконечная любовь и преданность русской

Вручение Президентом РФ В. В. Путиным Пушкинской медали почетному профессору Яско Танака за большой вклад в развитие культурных связей с РФ, сохранение русского языка и культуры за рубежом. Москва, Кремль, 2012 г.

культуре вызывают огромное уважение и желание быть полезными, активно помогать во всех их начинаниях.

И мы подсказываем содержание книжек, ищем тех, кто может рассказать о старых журналах или помнит, что можно было купить на 35 копеек в 1928 году (столько тогда стоил

Гости из Японии в Детской библиотеке истории и культуры Петербурга. В центре – Китамура Нан-Эн

журнал «Ёж»). Рекомендуем, как лучше перевести название рассказа Серафимовича «Мишка-Упырь», ищем иллюстрации к «Муму», «Русским женщинам» и «Железной дороге», вместе готовимся к юбилеям писателей и художников, советуем читать самые интересные книги.

Последние два года наши японские коллеги посвятили вопросам литературного образования в России: как и чему учат на уроках чтения и литературы, что читают дети в школе и дома, чем отличаются списки внеклассного чтения в разных школах, гимназиях и лицеях, есть ли уроки литературы в специальных балетных и музыкальных школах. И самый главный вопрос, почему в России во все времена литературному образованию уделялось такое большое внимание. Отвечать на эти вопросы нам помогали педагоги некоторых петербургских школ.

В 30-м номере «Костра» была опубликована статья Китамура Нан-Эн «Японский корабль, спасший русских детей: О поисках неизвестного «Йомэй Мару»». Публикации предшествовала интересная история. По рекомендации госпожи Яско Танака в нашей библиотеке была организована выставка художника и каллиграфа Китамура Нан-Эн «Слияние авангардного искусства книжной графики В. Лебедева и других художников и каллиграфической печати «тэнкоку»».

«Пять лет назад мне удалось организовать в городе Канадзава скромную выставку совместного русско-японского авангардистского искусства. Это было первой попыткой соединить полную гуманизма оригинальную художественность русских книг с современным искусством «тэнкоку»». Ныне, благодаря доброй воле и усилиям госпожи Яско Танака и Детской библиотеки истории и культуры Петербурга мне представилась счастливая возможность устроить свою скромную выставку на родине замечательных русских книжек», – писала в анонсе выставки художник.

На открытии выставки в стенах библиотеки встретились ее автор госпожа Китамура Нан-Эн, наш добрый друг Яско Танака, давний партнер библиотеки Ольга Ивановна Молкина, координатор известного проекта «Над нами Красный Крест», посвященного спасению петроград-

ских детей в годы Гражданской войны, и Валентина Александровна Калинина – знаток языка и культуры Японии, заместитель председателя Общества дружбы Россия–Япония, организатор множества проектов, связанных с Японией, в нашем городе. В тот день нам удалось заинтересовать японскую гостью нашим проектом. Последующая деятельность Китамура Нан-Эн в Японии по его развитию и продвижению привела не только к новым исследованиям и открытиям, но также к созданию музея, посвященного тем давним, но забываемым событиям.

Интересно, что много лет назад с В. А. Калининой нас тоже познакомила Яско Танака. Вот тогда-то и начались в стенах нашей библиотеки самые разные программы, посвященные Японии и японской культуре.

«Чудесный человек и учитель от Бога – Валентина Александровна – проводит уникальные творческие встречи. То, о чем она рассказывает, не только невероятно интересно слушать, но и крайне трудно узнать самостоятельно. Она делится с детьми и взрослыми не просто фактической информацией, но своей огромной любовью к японской культуре», – написала одна из участниц ежемесячных программ «Час Японии с Бара-сэнсэй».

С большим интересом и удовольствием дети и взрослые из японских и русских семей принимали участие в спектакле «Утенок Алекс», поставленном в библиотеке Валентиной Александровной по детской книге господина Ёсио Мори, бывшего премьер-министра Японии. Эту книгу он подарил ей, когда вручал Грамоту министерства иностранных дел Японии. Трогательная история об утенке, который был не похож на других, переведенная Валентиной Александровной на русский язык, вызвала интерес и сочувствие всех участников и зрителей спектакля.

Праздник, связанный со знаменитой песней о розе, собрал в библиотеке поклонников творчества композитора Хамагути Кураноске в год 40-летия песни. Увидев в музейных интерьерах библиотеки многочисленные изображения роз, Валентина Александровна решила, что более подходящего места для этого события и искать не стоит.

Час Японии с Бара-сэнсэй

Символ фестиваля «Кохару» – стоящие рядом традиционная японская кукла, сделанная из шелухи кокона тутового шелкопряда, и петербургский львенок – логотип Детской библиотеки истории и культуры Петербурга

В программе принимала участие дочь композитора госпожа Андзу Хамагути, с видеоприветствием к гостям обратился первый исполнитель песни Майку Маки. Звучала японская и русская музыка, пели дети и взрослые, а завершился праздник общим исполнением любимой песни «Расцвела роза» на русском и японском языках.

Свое пятилетие отметил в этом году наш детский фестиваль «Кохару» – маленькая японская весна в Петербурге, объединяющий русские и японские семьи в творческих ак-

циях, выставках, семейных встречах. Символ фестиваля – стоящие рядом традиционная японская кукла, сделанная из шелухи кокона тутового шелкопряда, и петербургский львенок – логотип Детской библиотеки истории и культуры Петербурга. С каждым годом расширяется круг участников фестиваля. Детские библиотеки, школы, дома детского творчества рады представить свое пространство для выставок, мастер-классов и концертов, а свои ресурсы для развития и украшения фестиваля. Главный принцип программ фестиваля – у нас нет просто зрителей, у нас – все участники: кто-то поет, кто-то танцует, читает стихи, загадывает загадки, разыгрывает сценку, становится участником традиционной игры. Каждый год фестиваль сопровождается выставкой, раскрывающей разные аспекты истории и культуры Японии, их авторы – коллеги, друзья и знакомые В. А. Калининой в России и Японии, читатели и партнеры библиотеки. Много восторженных отзывов собрали выставки «Япония в сердце» – произведения искусства из личной коллекции В. А. Калининой, «Весна» – выставка фотографий из коллекции Охира Акико (Япония, префектура Фукусима), «Традиционные японские праздники» – выставка Умэцу Томоми, члена Всеяпонской ассоциации фотографов (Токио). Фотохудожники А. И. Клюкин и И. В. Журавский, вдохновленные японской класси-

ческой поэзией, представили серии фотографий, выполненных в Петербурге и его пригородах.

Весной 2013 года в нашей библиотеке состоялась уникальная выставка «Образ ребенка в творчестве Ивасаки Тихиро (1918–1974)» – первая выставка знаменитой японской художницы в Петербурге. Во время поездки в Японию Валентина Александровна посетила Мемориальный фонд и Музей Ивасаки Тихиро. Там в беседе с сотрудниками музея и возникла идея организации выставки в России. Проект поддержали и помогли осуществить Максим Клыков, Никита Селезнёв, Павел Клейн, Сергей Бычков, Владислав Кетов. Дружная работа коллектива библиотеки и всех партнеров под руководством и строгим профессиональным контролем Калининой-сэнсэй дали

«Образ ребенка в творчестве Ивасаки Тихиро (1918–1974)» – первая выставка знаменитой японской художницы в Петербурге

свой результат. Проект был успешно осуществлен. В приветственном письме Мемориального фонда Ивасаки Тихиро и Музея Тихиро в Японии, которое на открытии выставки зачитал Генеральный консул Японии в Санкт-Петербурге господин Ёсихиро Ямамура, были такие слова: «Тихиро в юности испытала все тяготы войны, поэтому она страстно желала, чтобы это никогда не повторилось. Она завещала нам следующие слова: “Все дети Земли должны быть счастливы и жить в мире!” И это утверждение, преодолевая время, границы, национальности, различия языков и обычаев, наверняка достигнет до сердца каждого человека, который будет смотреть на ее работы».

За два месяца выставку посетило более трех тысяч человек, а многочисленные отзывы посе-

Участники и гости Пятого фестиваля «Кохару» – маленькой японской весны в Петербурге

тителей рассказывают нам о том, какой интерес она вызвала, сколько добрых чувств разбудила в детях и взрослых, любителях и профессионалах.

«Выставка, какая выставка! Она из света, которого чуть коснулся цвет. Легкая, как воздух. Белая, нежная и трогательная. На детей смотрим сквозь цветы... Я знаю, это мастерство! Кажется, что и труда не надо, только коснись кистью с прозрачным цветом – готово. Точное подсмотренное детское движение, глаза и руки, похожие на стебли цветов. Моя благодарность авторской нежности, любви и знанию» (Лидия Ильенкова, художник).

«Спасибо за этот кусочек яркой, прекрасной детской весны. Очень

хочется, чтобы творчество Ивасаки Тихиро стало широко известно в России» (подпись неразборчива).

Отзывы посетителей выставки и коллекция детских работ «Нас вдохновила Тихиро», созданных прямо на выставке, отправилась в Японию в Музей Тихиро, а бесценный дар Музея – 34 книги с иллюстрациями Ивасаки Тихиро пополнили книжное собрание нашей библиотеки. И это первая коллекция книг с иллюстрациями знаменитой художницы в общедоступной библиотеке нашего города.

Теперь у нас есть новая мечта, чтобы книги с иллюстрациями Ивасаки Тихиро вышли в России и на русском языке. Может быть, наш «Детгиз» опять будет первым?

Бесценный дар Музея Тихиро библиотеке – 34 книги с иллюстрациями Ивасаки Тихиро

Истоки российско-японских ботанических связей

Панорама порта Нагасаки во времена доктора Зибольда.

На переднем плане располагается остров Дэсима (Siebold, Ph. Fr. Voyage au Japon... Paris, 1838. Atlas. Pl. 3bis)

Первая знаменательная встреча европейцев с Японией произошла в 1542 году, когда португальское судно потерпело кораблекрушение у острова Танэгасима. Через год на архипелаг пришли португальские торговцы, а с середины 80-х годов XVI века торговля велась уже не только с Португалией, но и с её ближайшей соседкой Испанией. Страна начала приобщаться к западной цивилизации, быстро обогатилась огнестрельным оружием и познакомилась с христианской религией, которую активно насаждали католические миссионеры. Наблюдая за развитием формирующихся отношений, власти Японии постепенно убеждались в явном стремлении чужеземцев участвовать во внутривластной борьбе и в их агрессивном влиянии на национальную культуру. Эти обстоятельства и желание предотвратить любые захватнические планы привели правительство к решению о свертывании внешних связей, которое в конце 30-х годов XVII столетия оформилось как политика самоизоляции. С этого момента из всех европейцев на территорию Японии допускались только голландские торговцы, место пребывания которых строго ограничивалось искусственным островком Дэсима в гавани Нагасаки. Члены крошечной дэсимской фактории находились под неусыпным кон-

тролем японских властей, не имели возможности свободного передвижения и общения с населением. В таких условиях, занимаясь своей профессиональной деятельностью, эксклюзивное европейское поселение просуществовало более двух столетий.

Сидя «взаперти» на окруженном стеной острове, изучать Японию было почти невозможно, однако время от времени в миссии появлялись люди, готовые преодолевать бесчисленные препятствия и по крупицам собирать нужные сведения. Для западного мира труды этих исследователей были единственным источником знаний о далекой стране. В ряду подобных пионеров-энтузиастов особое место заняли Энгельберт Кемпфер (1651–1716, на Дэсима 1690–1692), Карл Петер Тунберг (1743–1828, на Дэсима 1775–1776) и Филипп Франц фон Зибольд (1796–1866, на Дэсима 1823–1829). Все трое были врачами, которых по роду занятий разрешалось включать в состав дэсимских поселенцев. «Естественники» по образованию, упомянутые исследователи уделяли особое внимание природе страны, и, прежде всего, ее растительному миру, который издревле обеспечивал человечество лекарственными средствами¹. В итоге, первую весомую информацию о растениях Японского архипелага Запад получил от док-

тора Кемпфера², а через 72 года (!) ученик Карла Линнея доктор Тунберг опубликовал первую профессиональную *Флору Японии*³. Наконец, уже в XIX веке появилась замечательно иллюстрированная *Флора Японии*, изданная знаменитым японоведом доктором Зибольдом⁴. Перечисленные произведения были бесспорными достижениями в изучении закрытой страны. Вместе с соответствующим гербарием и иконографией они составляли необходимую основу для ботанического познания архипелага и «задавали тон» исследованиям Японии в других специальных областях⁵.

Однако во второй половине XIX столетия эта основа уже не удовлетворяла мировую науку, требовавшую расширения и углубления ботанических знаний. Для решения новых задач нужны были дальнейшие полевые исследования, основательная и доступная для ученых гербарная база и очередные профессиональные публикации. Между тем искомым новостей не было, а гербарий, собранный на территории японских островов, имелся в Европе лишь в единичных хранилищах (и, прежде всего, в Лейдене), относился к категории редких материалов⁶ и за пределы мест хранения практически не высылался. Специалистов, сколько-нибудь знакомых с флорой Японии и прилегающих регионов,

также можно было пересчитать по пальцам одной руки. Что касается японской профессиональной ботанической науки, то она в то время лишь готовилась делать самые первые шаги.

К началу 50-х годов XIX века политическая ситуация вокруг Японии резко обострилась: западные державы решительно склонялись к тому, чтобы принудить страну «к общению». В 1852 году газеты оповестили мировую общественность о специальной экспедиции коммодора Мэтью Перри (1794–1858), отправлявшейся к берегам архипелага для установления американо-японских контактов. Россия не могла остаться в стороне от столь кардинальных событий в жизни восточного соседа и в очередной раз предприняла попытку установить с ним дипломатические и торговые связи. С этой целью в октябре 1852 года в Страну восходящего солнца была отправлена миссия адмирала Е. В. Путятина (1804–1883), которая в августе 1853 года прибыла к месту назначения. К моменту прихода в Японию руководители экспедиции убедились в неудовлетворительном техническом состоянии флагманского фрегата «Паллада» и пришли к мнению о необходимости его замены. В качестве такой замены осенью 1853 года под командованием Путятина был направлен фрегат «Диана», на борту которого среди членов экспедиции находился молодой ботаник Карл Иванович Максимович (1827–1891).

Выполняя задание Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, Карл Максимович впервые отправился в далекое, практически кругосветное путешествие, конечной целью которого была «таинственная Япония». Однако поход «Дианы» совершался на фоне Крымской войны (1853–1856), в которую в мае 1854 года вступили союзные Турции Франция и Англия. Враждебные флоты этих стран господствовали в дальневосточных водах и создавали ситуацию, опасную для русских кораблей. Учитывая эти обстоятельства, а также условия переговоров, не позволявшие проводить научные исследования на японской территории, руководство сочло нецелесообразным дальнейшее присутствие ботаника на борту корабля. В результате, по

прибытии на Дальний Восток Карл Максимович в июле 1854 года был оставлен на российском побережье. По воле судьбы Япония оказалась для ученого недостижимой.

В те времена российское Дальневосточье было «землей непознанной» и нуждалось в научном освоении не меньше, чем Японские острова. Очутившись в первозданном крае, где не ступала нога ботаника, Карл Иванович провел там в неустанных трудах почти три года. В «полевой сезон», с весны и до осени, он наблюдал растительный мир и собирал гербарные образцы в районах нижнего и среднего течения Амура, а во время зимовок определял и осмысливал свои коллекции. В марте 1857 года Максимович через Сибирь вернулся в Петербург и за немисливо короткий срок подготовил и опубликовал первую для Приамурья фундаментальную ботаническую работу «Первенцы амурской флоры»⁷.

Закончив этот труд, Карл Иванович снова устремился к дальневосточному окраину России, где продолжил свои исследования. В 1859–1860 годы он углубился в новые районы, поднимаясь на сотни верст по «южным притокам» Амура – по Уссури и Сунгари. Опасности походов Максимовича были чрезвычайными, о чем красноречиво говорила невозможность найти в Сретенске проводников, «готовых идти до южных [приморских] гаваней и зимовать там»⁸: опытные сибирские землепроходцы не решались отправиться в такие дальние и дикие места. Прочно привязанный к единственному действующим дорогам края – рекам, ботаник должен был рассчитывать, в первую очередь, на собственные силы, удачу и энтузиазм. Так, вернувшись в начале сентября из путешествия по Уссури и безуспешно прождав в «Хабаровке»⁹ пароход, который мог бы за четыре дня доставить его в Николаевск, ученый был вынужден пройти этот «1100-верстный» маршрут по Амуру на весельной лодке. Из Николаевска он намеревался по морю попасть на побережье залива Де Кастри, однако его везение закончилось на том, что он «успел сесть» на пароход Амурской компании «Св. Феодосия». В конечном счете этот пароход никуда не отправился, поскольку близ устья Амура

попал на мель, а затем «замерз» и остался дожидаться весны. Создавшееся положение грозило сорвать планы Максимовича, которому «во что бы то ни стало» нужно было попасть на побережье к началу сезона. В этих обстоятельствах Карл Иванович возвращается в Хабаровку, проделав обратный путь по льду на собачьих упряжках за 29 дней. Уже оттуда, обозом на восьми одноконных санях при четырех сопровождающих, он поднимается по Уссури до «дальнейшей» (то есть самой дальней) станицы Буссовой, где в начале марта останавливается «на весновку» дожидаться «свежих кормов» для лошадей. Продолжать продвижение было невозможно, поскольку станица оказалась последним пунктом, где можно было достать необходимый для трудного пути «зерновой корм». С появлением первой травы пешком, теперь уже с вьючным обозом, «китайскими тропами», «то одним, то другим берегом» Максимович двинулся к цели. Пройдя труднейшие 400 верст, первым из исследователей перевалив через Сихотэ-Алинь, 1 июня ботаник вышел к заливу Святой Ольги.

До 12 сентября, путешествуя по всему побережью, он занимался изучением растительного мира окрестностей «вновь приобретенных» российских гаваней, а уже 18 сентября прибыл в японский порт Хакодате. К тому времени ученый приобрел такое знание дальневосточной флоры, которого не было ни у кого в мире. Как никто другой, он был готов и стремился к долгожданной встрече с Японией, надеясь не только обогатить науку новыми японскими растениями, но и найти ответы на вопросы о растительных взаимосвязях азиатского материка и Японских островов, об особенностях распространения видов и пр. В «открытом» порту Хакодате, где с 1858 года располагалось российское консульство, Карл Иванович провел «позднюю осень 1860 и весь 1861 год»¹⁰. Здесь, на Хоккайдо, он в очередной раз оказался в роли ботанического пионера. Первым из представителей своей науки он получил возможность планомерно исследовать растительный мир острова, который в те годы еще не был окультурен и представлял для ботаники особый интерес. На-

ходясь в постоянных разъездах, Максимович проводил тщательные и детальные наблюдения и собирал ботанические коллекции, прежде всего гербарий, а также семена, луковицы, образцы древесины. В пределах разрешенных законом 30 верст ботаник исходил окрестности города «во всех направлениях» и за период своего пребывания собрал образцы примерно 800 видов растений, положив за правило представлять каждый таксон не менее чем в 30 экземплярах.

Пройдя школу дальневосточных путешествий, ученый очень радовался возможности не возить за собой весь собранный материал, поскольку в Хакодате находилась его постоянная квартира. Наличие базы и имевшиеся транспортные связи позволяли не только хранить обширные сборы, но и отсылать накопившиеся коллекции морем. На время походов, насыщенных напряженной и трудоемкой физической работой, Максимович нанимал для помощи местных японцев, «усердием» которых был вполне доволен. Среди этих «честных» помощников особенно выделялся юный Сугава Тёносукэ (1842–1925), который за время совместных трудов превратился из «слуги» в увлеченного сотрудника. Заметив способности юноши и его стремление выйти за рамки механического выполнения заданий, Карл Иванович со свойственной ему доброжелательностью занялся профессиональным обучением первого японского ботанического коллектора. В годы, когда метод научной гербаризации лишь утверждался в среде местных ботаников и «знатоков трав», эта специальность была в Японии совершенно эксклюзивной.

В 1862 году администрация Сада продлила Максимовичу срок пребывания в Японии, но при этом резко изменила направление его деятельности. Теперь ботаник должен был составлять коллекцию живых растений и работать в Йокогаме и Нагасаки. «Ученый характер» исследований был «оставлен почти вовсе в стороне», а дикую природу заменили обжитые густонаселенные районы, где ученому приходилось собирать редкости в питомниках. Задача облегчалась «большим развитием японского садоводства», однако ее успех определялся от-

Вид города Хакодате в 1860–1861 гг.
(фрагмент панорамного снимка К. И. Максимовича).
Из фондов фотоархива Ботанического музея БИН РАН. Публикуется впервые

ношениями с местными садовниками. Между тем после отмены политики самоизоляции в стране шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками «открытия» Японии, между приверженцами сёгуната и императорской власти. Неравноправные договоры раздражали и даже оскорбляли японцев, что подчас выливалось в прямые нападения на иностранцев. Положение в стране было очень неспокойным, и «по причине военных смут» в 1863 году Карл Иванович жил в «ежечасной готовности к выезду». «Для предосторожности» он даже был вынужден «отослать большое количество живых растений в Шанхай». Остальные экземпляры были посажены «по-походному», причем многие не выдержали таких условий, так что перед отъездом их пришлось заменить¹¹.

Тем не менее, несмотря на все сложности, ученому удалось получить доверительный доступ во владения японских садовников и спокойно разыскивать там «заветные растения» в самых «затаенных» уголках¹². Даже из Токио, из недоступных садов владетельных князей, садовый агент добывал для Максимовича особенные, «нигде еще не добытые» ботанические редкости. Нет сомнения, что японцы ценили в Карле Ивановиче исключительного знатока местных растений и воспринимали его в профессиональной среде как своего. К тому же манера общения ученого,

спокойно-уважительная и искренне благожелательная, не могла не располагать к себе окружающих. В результате, к концу своего пребывания ботаник с удовлетворением отмечал, что ему удалось составить для Сада «более полную» японскую коллекцию живых растений и особенно семян, «чем все другие там доселе собранные»¹³.

Выполняя новое задание Сада, Максимович стремился удержать первоначальный научный характер своих японских исследований и даже намеревался «собрать для южной Японии такой же богатый ученый материал, как и для северной»¹⁴. Однако согласно достигнутым на тот момент международным договоренностям он был ограничен в наблюдениях и сборах «маленьким пространством», не имел доступа «во внутренность края» и не мог пользоваться многолетними связями с японскими учеными, которыми располагали предыдущие голландские исследователи. В этих обстоятельствах Сугава Тёносукэ оказался для россиянина совершенно незаменимым. Еще на Хоккайдо между Карлом Ивановичем и Тёносукэ сложились те особые, исполненные взаимной приязни отношения, когда учитель искренне делится своим умением и радуется достигнутому успехам, а благодарный ученик отвечает преданностью и сердечной привязанностью. Именно поэтому при переезде Максимовича на Хонсю Тёносукэ не захотел рас-

ставаться и последовал за Карлом Ивановичем, несмотря на свой страх перед морскими путешествиями и жестокою морскую болезнь. На новом месте, летом 1862 года Тёносукэ был отправлен для сбора растений в недоступные иностранцам места, а осенью, следуя инструкциям ученого, полтора месяца самостоятельно собирал растения в окрестностях Хаконэ и Фудзиямы. Весной (два месяца) и осенью 1863 года (полтора месяца) он «обследовал всю северную половину» острова Кюсю¹⁵. В итоге, по данным Максимовича, общие гербарные сборы за 1861–1863 годы составили «более 2000 пород», что примерно «на 400 пород» превышало «все, что было до сих пор опубликовано о растениях Японии голландскими и другими учеными вместе». Кроме того, была собрана прекрасная коллекция образцов древесины, которая давала «хорошее понятие» о богатстве лесов Страны восходящего солнца. В целом, Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад приобрел «материал для разработки флоры Японии, который в отношении полноты едва ли имел соперников»¹⁶.

Это был блестящий результат, но пополнение коллекций продолжилось и после отъезда Карла Ивановича на родину. По представлению ученого Сугава Тёносукэ был принят Садам на службу в качестве коллектора и в течение трех лет интенсивно собирал и отправлял в Россию гербарные образцы и семена отечественных растений. В силу сложившихся отношений японский гражданин, оставаясь на территории своей страны, впервые в истории стал профессиональным сотрудником российского научного учреждения. Впоследствии Тёносукэ неоднократно нанимали для временной работы. В декабре 1890 года, незадолго до смерти Максимовича, через епископа Николая (1836–1912) Сугава-сан в последний раз передал Карлу Ивановичу свое «нижайшее приветствие» и выразил преданность и готовность к дальнейшему сотрудничеству.

Многолетние сборы Тёносукэ позволили открыть многие новые для науки виды растений, расширили и укрепили японскую гербарную базу Сада. В свою очередь, академик Максимович высоко ценил заслуги коллектора и не только отмечал их

Сугава Тёносукэ (1842–1925)

в отчетах и статьях, но увековечил имя скромного сборщика гербария в научных названиях целого ряда растений (яблоня Тёносукэ, граб Тёносукэ, клен Тёносукэ и др.).

Заметим, что японский гербарный фонд Сада продолжал ошутимо прирастать не только благодаря усилиям профессионалов, но и трудами волонтеров. После выхода Японии из изоляции российское общество увлеченно знакомилось со своим восточным соседом, чему чрезвычайно способствовало консульство в Хакодате. В 1858–1865 годах оно являлось единственным официальным представительством России в Японии и центром распространения русской культуры. В то же время члены миссии стремились как можно больше узнать о стране пребывания и сообщить на родину интересные сведения о природе архипелага и жизни японцев. Одна из главных наук того времени, ботаника, естественно не была оставлена без внимания. Так, истинно преданным любителем ботанической науки был консульский доктор М. П. Альбрехт (1821 – около 1870), который широко практиковал, имел многочисленных учеников среди японских врачей и пользовался уважением соотечественников и местного населения. В течение пяти лет в свои свободные минуты доктор «из желания служить науке» собирал на острове «Иессо» и посылал в столицу обширные ботанические материалы¹⁷. Светлые люди создавали в Санкт-Петербурге «основополагающий» японский гербарий...

Между тем собранные богатства требовали освоения, и академик Максимович начал издавать серию *Diagnoses plantarum novarum Japoniae et Mandshuriae*, выходящую с 1866 года в течение 10 лет. Эти публикации являлись фундаментальным основанием для новой флоры Японии, которую мечтал написать Карл Иванович. В то же время огромная работа проводилась и с дублетным японским гербарием, который был определен и разослан во все крупные научные хранилища мира. Образцы японских растений стали доступными мировой науке. Признавая лидерство россиянина как непревзойденного знатока восточноазиатской флоры, европейские специалисты широко консультировались с ним при подготовке научных трудов и посылали ученому собственные гербарные сборы для определения. Петербург утвердился в качестве мирового центра по изучению японской флоры.

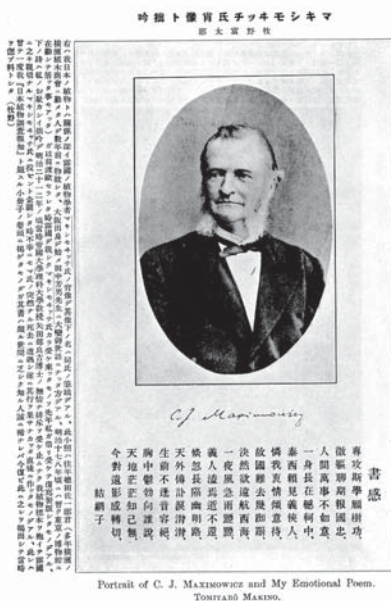
Японская ботаника, получившая огромный импульс после открытия в Токио первого национального университета (1877), быстро осознала значение российского вектора международных связей. Местные специалисты и студенты-ботаники, включая обучающихся в Европе, писали Максимовичу письма, стараясь установить личные контакты с признанным мировым экспертом. Они обращались к академику с просьбами о консультациях, о получении литературы и определении гербарных образцов. Карл Иванович прекрасно понимал, как сильно Япония нуждается в собственных профессионалах, и, несмотря на загруженность, незамедлительно приходил на помощь японским коллегам. Примечательно, что присланные в Россию японские гербарные материалы, как правило, после определения оставались в Петербурге. Они вливались в коллекцию Японского отдела, в то время как корреспонденты получали от Максимовича списки, нумерация которых соответствовала дублетным образцам, остававшимся у владельцев. Такой образ действий был избран японскими ботаниками, которые по мере возможности старались отблагодарить за помощь. В то же время в Страну восходящего солнца, которая только начинала создавать собственное гербарное собрание,

из Петербурга щедро отправлялись разнообразные, в первую очередь, азиатские материалы.

Немногие японские ботаники, которым в то время довелось побывать в Петербурге, всегда становились личными гостями Карла Ивановича и впоследствии с большой теплотой вспоминали отношение к ним маститого ученого. Однако никто, наверное, так не стремился в Россию, как ныне легендарный Макино Томитаро (1862–1957). Этот молодой ботаник мечтал о том, чтобы стать учеником Карла Ивановича, и несколько лет собирал деньги на поездку в Петербург. В декабре 1890 года через епископа Николая он просил у Максимовича разрешения приехать, чтобы под руководством русского ученого совершенствоваться в профессии. Макино предполагал на «тамошних богатых коллекциях» 2–3 года изучать «около Максимовича» родную японскую флору и вместе с учителем проработать свой «довольно большой гербарий», который по заведенному порядку намеревался затем оставить в Петербурге. Епископ Николай, прославляемый ныне как святой равноапостольный Николай Японский, испытывал явную симпатию к молодому человеку, который ради своей мечты готов был пойти на многие лишения. Разделяя заботы «симпатичного <...> очень приветливого и способного» юноши, который не имел средств «на прожить» в России, отец Николай просил Карла Ивановича подыскать для Макино какую-нибудь работу, чтобы тот мог заработать себе «на хлеб»¹⁸. Нет никаких сомнений, что если бы судьба подарила встречу двум исследователям-энтузиастам, то их союз стал бы блистательным примером научного и человеческого сотрудничества. К сожалению, в феврале 1891 года Карл Иванович простудился и скоропостижно скончался от воспаления легких. Почти через тридцать лет после смерти ученого, Макино, уже знаменитый ботаник, опубликовал портрет Максимовича, сопровождаемый стихами собственного сочинения. Это были стихи преданного друга, полные глубокой печали о навсегда ушедшем дорогим человеком. Вплоть до 1941 года (!) Макино Томитаро, так и не побывавший в столице России, пополнял японский фонд гербария Сада новыми поступлениями.

Макино Томитаро (1862–1957)

Portrait of C. J. Maximowicz and My Emotional Poem. TOMITARO MAKINO.

Портрет К. И. Максимовича, опубликованный вместе со стихотворением Макино Томитаро «Выражение чувств» (*Journal of Japanese Botany*. 1928. Vol. V, N11, frontispiece)

Японские современники академика Максимовича считали россиянина наиболее компетентным знатоком флоры архипелага и отдавали должную дань его выдающемуся вкладу в развитие отечественной ботаники. В 1927 году в Саппоро была организована специальная научная конференция, которой ботаническая общественность Японии торжественно отметила 100-летие со дня рождения ученого.

Несмотря на наличие в Санкт-Петербурге первоклассной научной

базы, Карл Иванович считал изучение зарубежных материалов обязательным условием своей исследовательской работы. С этой целью он неоднократно предпринимал длительные поездки, во время которых детально проработал практически все японские ботанические коллекции, хранившиеся в Европе. В 1869 году он не преминул посетить Вюрцбург, родину известнейшего пионера японоведения Филиппа Франца фон Зибольда. Изучив наследие покойного ученого, Карл Иванович приложил огромные усилия для того, чтобы Ботанический музей¹⁹ с помощью Академии наук приобрел ценнейшие личные ботанические коллекции доктора: его гербарные сборы, собрание древесины и великолепную иконографию *Flora Japonica delineationibus* («Рисованная флора»), которая создавалась Зибольдом на протяжении почти 40 лет жизни.

Что касается иконографии, то академик был восхищен этим беспрецедентным собранием красочных изображений, выполненных с натуры преимущественно в Японии. Карл Иванович хорошо понимал, что «Рисованная флора» была не просто уникальным и злободневным флористическим справочником, но и источником новых научных фактов, подлинным ботаническим сокровищем непреходящей ценности. Коллекция включала более тысячи «портретов», подавляющее большинство которых принадлежало к произведениям ботанического искусства. Изображения размещались в восьми массивных футлярах в виде старинных книжных фолиантов, которые в соответствии со своим внешним оформлением «поселились» в библиотеке Музея, а затем в библиотеке БИН, где благополучно хранятся по сей день. Современное изучение иконографии показало, что она охватывает произведения более чем двух десятков японских и европейских иллюстраторов: художников и натуралистов. Так, за исключением единичных работ, «Рисованная флора» исчерпывает зрелое ботаническое творчество (~300 изобр.) «дэсимского художника» Кавахара Кэйга (1786–1862), которому разрешалось выполнять заказы голландцев. В наши дни Кавахара признан как национальный «хроникер» своего времени, но да-

«Фолианты» – футляры «Рисованной флоры», в которых хранятся изображения коллекции

Эуптелея многотычинковая (*Euptelea polyandra* Sieb. & Zucc.) № 775/49. Европейский художник, 30-е гг. XIX века. 25,9x32,8 см; бумага, карандаш, тушь. Оригинал иллюстрации Флоры Японии Зибольда и Цуккарини (Siebold Ph. Fr. & Zuccarini J. G. Flora Japonica, vol. I, 1835. Tab. 72). Главные фигуры являются свободными копиями аналогичного изображения Кавахара Кэйга

от российского академика в Токио шла необходимая современная и новейшая литература, преимущественно ботаническая, а в Петербург поступали книги по разным дисциплинам, главным образом, редкие уже в то время ретроспективные источники, ксилографы и даже рукописи. В итоге, усилиями Карла

леко не так известно, что японскому мастеру из закрытой страны удалось освоить традиционно европейский жанр ботанического искусства и достичь в нем мирового уровня. «Рисованная флора» включает также произведения прекрасного рисовальщика Тококу Симидзу (1841–1907), которых не сохранилось больше ни в одном собрании мира, и объединяет замечательные изображения ряда выдающихся деятелей нового японского естествознания первой половины XIX века. Важное место занимают в собрании оригиналы иллюстраций, выполненные европейскими художниками для всемирно известной «Флоры Японии» Зибольда и Цуккарини. В целом, научные и художественные достоинства иконографии таковы, что ее по праву следует считать не только национальным сокровищем и реликвией Японии, но и достоянием мировой культуры, исключительным историческим свидетельством своего времени.

Создавая в Петербурге фундаментальную базу для изучения японской флоры, Карл Иванович не обходил вниманием японскую ботаническую литературу и, прежде всего, иллюстрированные издания, которые были практически полезны ученым, не знающим языка и письменности японских источников. На академических собраниях ботаник обращал внимание на недостаточное обеспечение западной, в том числе российской науки естественнонаучными трудами японских специалистов и неоднократно ходатайствовал о приобретении полезных сочинений. Собирать ботаническую книжную коллекцию ученый начал еще

Эуптелея многотычинковая (*Euptelea polyandra* Sieb. & Zucc.) № 143/48. Кавахара Кэйга, 1824–1828 гг. 23,9x31,1 см; бумага, краски, суми

на Хоккайдо, где приобрел первые 15 томов известнейшего справочника Иинума Ёкусай (1783–1865) «Сомоку дзусэцу», основу которого составляли изображения растений. Заметки, сделанные Максимовичем в упомянутой книге, свидетельствуют об активной работе со справочником, начатой «прямо на месте», в Японии. С начала 80-х годов Карл Иванович в течение нескольких лет вел прямой книжный обмен с профессором Ито Кэйсукэ (1803–1901), патриархом японского естествознания, который в свое время был учеником Зибольда. Этот обмен не ограничивался ботаникой и включал литературу по широкому кругу естественных дисциплин. В соответствии с реальными потребностями и возможностями сторон,

Астра татарская (*Aster tataricus* L. f.) № 459/580. Тококу Симидзу, сентябрь 1861 г. 29,1x38,8 см; бумага, краски, белила

Ивановича была собрана весьма солидная коллекция японских научных работ, которая обогатила петербургские учреждения разного профиля. В библиотеке Ботанического института, унаследовавшей фонды библиотек Ботанического музея и Сада, хранится часть этого собрания, в котором многие труды имеют пометы Карла Максимовича, а также Эмиля Бретшнейдера (1833–1901), Ито Кэйсукэ и других известных ученых.

Ценнейший гербарий, замечательная книжная коллекция, выдающаяся иконография доктора Зибо́льда – все японские ботанические материалы, собранные в Петербурге во второй половине XIX века, являются вечным памятником людям, стоявшим у истоков ботанического изучения Японии и российско-японских отношений. В последние десятилетия ботанические связи между странами оживились и расширились, вовлекая в свою орбиту различные профессиональные и общественные слои. Катализатором этого процесса, по нашему мнению, стала первая публикация «Рисованной флоры», открывшая миру бесценную иконографию Зибо́льда²⁰. Вслед за открытием коллекции состоялись две успешные передвижные выставки материалов собрания (1995 и 2002 годы), посетившие в общей сложности восемь японских городов. В 2000 году в Ботаническом саду Макино (город Коти) была организована специальная экспозиция «Максимович и Макино», сопровождаемая прекрасным каталогом. В 2008 году появилась новая книга о «Рисованной флоре», изданная на японском языке²¹. Все эти события стали результатом совместных трудов россиян и японцев. Они напомнили миру о японских ботанических сокровищах Петербурга, включили их в активную научную и культурную жизнь. Эта жизнь становится все более разнообразной и вовлекает в российско-японский круг все большее число людей. Так, в связи с празднованием 300-летия БИН РАН в мае 2013 года на территории старейшего ботанического сада России трудами Ботанического института, Генерального консульства Японии в Петербурге и Санкт-Петербургского клуба по изучению японского

«Японский сад» в Ботаническом саду БИН РАН. Чайный домик. Сентябрь 2014 г.

чайного искусства «Тяноу» возник прелестный «Японский сад». Этот неслучайный подарок, сделанный всем петербуржцам, является наглядным подтверждением давних дружественных российско-японских связей.

Табличка возле молодых посадок сакуры, обрамляющих «Японский сад». Саженцы подарены Обществом сакуры из префектуры Гифу (Гифу сакура но каи)

¹ Заметим, что для доктора Тунберга изучение японской флоры было главной целью приезда в Японию, а для доктора Зибо́льда ботаника являлась любимой областью исследовательской деятельности.

² Kaempfer, E. *Amoenitatum exoticarum*, fasc. V. Lemgo, 1712.

³ Thunberg, C. P. *Flora Japonica*. Lipsiae, 1784.

⁴ Siebold, Ph. Fr. & Zuccarini, J. G. *Flora Japonica*. Lugduni batavorum, 1835–1870.

⁵ Само по себе отмеченное лидерование ботаники было закономерным не только из-за профессиональной принадлежности авторов и их личных предпочтений, но и потому, что в европейском культурном сообществе в течение столетий бытовало широкое увлечение ботанической наукой.

⁶ Образцы видов могли быть представлены крайне немногочисленными и даже единичными экземплярами.

⁷ Maximowicz, K. I. *Primitae Florae Amurensis*, St. Petersburg, 1859.

⁸ Максимович, К. И. Краткий отчет о путешествиях в Амурский край и Японию в 1859–1864 гг. // Журнал Мин-ва Гос. имуществ. 1864. С. 434.

⁹ Военный пост, основанный в 1858 г. (с 1893 г. город Хабаровск).

¹⁰ Максимович К. И. Краткий отчет о путешествиях в Амурский край и Японию в 1859–1864 гг. // Журнал Мин-ва Гос. имуществ. 1864. С. 436.

¹¹ Там же. С. 440.

¹² Максимович К. И. Очерк растительности Восточной Азии, преимущественно Маньчжурии и Японии // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1883. С. 200.

¹³ Максимович К. И. Краткий отчет о путешествиях в Амурский край и Японию в 1859–1864 гг. // Журнал Мин-ва Гос. имуществ. 1864. С. 441.

¹⁴ Там же. С. 439.

¹⁵ Там же. С. 440.

¹⁶ Там же. С. 441.

¹⁷ Извлечение из протоколов... // Зап. имп. Акад. наук. 1864. Т. 5. С. 82.

¹⁸ Письмо епископа Николая К. И. Максимовичу, датированное 4 декабря 1890 г. СПб филиал Архива РАН. Фонд 82. Оп. 2. Ед. хр. 44.

¹⁹ В то время Ботанический музей был самостоятельным академическим учреждением. В 1931 г. он был объединен с Главным ботаническим садом СССР (наследником Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада) и в настоящее время, как и Сад, является отделом Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (БИН РАН).

²⁰ Siebold's *Florilegium*, Tokyo, 1993.

²¹ Черная Т. А. Сиборото нихон сёкубуцу дзуфу корёкусэн [Японская ботаническая иконография доктора Зибо́льда]. Токио, 2008.

Первый посланник Петербурга

(к 250-летию Н. П. Резанова
и 210-летию его посольства в Японию)

А. В. Гринёв

Первым официальным дипломатом, направленным из Петербурга в Страну восходящего солнца, был известный царедворец, обер-прокурор Сената, действительный статский советник и камергер Николай Петрович Резанов (1764–1807). Утверждения, порой встречающиеся в литературе, что он якобы был графом, лишены оснований, так как Резанов происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Тем не менее этому уроженцу Петербурга благодаря способностям, живому уму и ряду качеств удалось сделать блестящую придворную карьеру в столице Российской империи.

Личность Николая Петровича уже неоднократно привлекала внимание историков, писателей, поэтов и журналистов как у нас в стране, так и за рубежом. Его участие в первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 годов и конфликт с капитаном Ф. И. Крузенштерном, посольство в Японию, инспекционный вояж в Русскую Америку (российские владения на Аляске), затем путешествие в Калифорнию и романтическая история помолвки с дочерью коменданта испанской крепости Сан-Франциско – все эти сюжеты нашли свое отражение на страницах многих исторических и литературных произведений¹. Наиболее прославил имя Николая Петровича небезызвестная рок-опера «Юнона и Авось» (поэт Андрей Вознесенский, композитор Алексей Рыбников, режиссер Марк Захаров). Правда, искать там историческую правду – дело абсолютно бесперспективное. Вообще, к настоящему времени вокруг фигуры Резанова уже соткано немало вымыслов, легенд и всяческих небылиц².

Назначение Н. П. Резанова дипломатическим посланником в Японию имело несколько оснований. Хорошо образованный, длительное время вращавшийся при дворе, он был теснейшим образом связан с делами организованной в 1799 году мо-

Николай Петрович Резанов

нопольной Российско-американской компании (РАК), которая управляла обширными владениями империи на Тихоокеанском Севере. Территории, подконтрольные компании, охватывали не только Аляску и Алеутские острова, но также Курилы, где проходила неофициальная граница между Россией и Японией в районе островов Уруп и Итуруп³. Сам же Резанов был втянут в дела РАК благодаря женитьбе на дочери знаменитого купца Григория Ивановича Шелихова, основавшего первые постоянные русские посе-

ления в Америке в 1784–1786 годы. Заветной мечтой Шелихова было установление торгово-промышленной монополии в Новом Свете. И хотя в 1795 году он умер, так и не дождавшись воплощения своих замыслов, его дело продолжил сановный зять⁴, благодаря усилиям которого император Павел I через четыре года подписал указ об образовании Российско-американской компании, главенствующие позиции в которой вскоре заняли представители «клана Шелиховых». 2 декабря 1799 года Резанов был назначен членом-корреспондентом РАК, то есть исполнял функцию главного ходатая компании перед престолом и одновременно осуществлял надзор за ее деятельностью со стороны правительства. Фактически он был неофициальным главой РАК, опираясь на поддержку «клана Шелиховых» и свои связи в придворных кругах. Именно благодаря усилиям Резанова Главное правление компании было переведено из Иркутска в Петербург согласно императорскому указу от 19 октября в 1800 года⁵. Это было сделано, чтобы нейтрализовать происки враждебного «клану Шелиховых» сибирского купечества. Кро-

Здание Главного правления РАК в Санкт-Петербурге. Мойка, 72

ме того, Резанов прилагал немало усилий для рекламы РАК в столице и даже смог добиться вступления в число акционеров компании молодого императора Александра I и членов царствующей фамилии, а также ряда видных петербургских сановников. Как раз в это время в Адмиралтейств-коллегии возник очередной план организации первой морской кругосветной экспедиции на Тихий океан, где предполагалось начать торговые контакты с Японией⁶. РАК ухватилась за этот проект, так как он сулил немалые выгоды для компании – доставку в американские колонии необходимых грузов, вывоз оттуда ценной пушнины, возможность налаживания торговли со странами Дальневосточного региона. Неслучайно компания вызвалась финансировать этот грандиозный проект за свой счет. Для будущей экспедиции ее представители в 1802 году купили в Лондоне два небольших военных шлюпа, названных «Надежда» и «Нева», поступивших под команду капитан-лейтенантов И. Ф. фон Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского⁷.

В феврале 1803 года, за полгода до отправки в путь экспедиции, министр коммерции граф Н. П. Румянцев подал Александру I специальную докладную записку о значении и перспективах развития торговли с Японией. В ней говорилось: «Сама природа, поставя Россию соседней Японии и сближая обе империи морями, дает нам пред всеми торговыми державами преимущество и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого от правительства одобрения. <...> На сей предмет не благоугодно ли будет Вашему и. в-ву [императорскому величеству] с отправляющимися ныне в Америку судами назначить род некоторого к японскому двору посольства и, употребя к исполнению сего важного предприятия человека с способностями и знанием политических и торговых дел и ободря его особливим Вашего и. в-ва покровительством, поручить ему сделать японскому двору приличным образом правильное о достоинстве Российской империи внушение, положить тамо прочное основание торговли и постановить на предбудущее время дружественные соотношения между обеими

Император Александр I
(японский рисунок)

империями...»⁸

Вполне естественно, что в качестве главы будущего посольства в Японию камергер Н. П. Резанов был наиболее подходящей фигурой в глазах царя, поскольку хорошо разбирался не только в вопросах текущей политики, но и коммерции, контролируя дела патронируемой им Российско-американской компании. Выбору императора способствовала и личная драма Николая Петровича: смерть любимой супруги осенью 1802 года повергла его в глубокую депрессию, и участие в кругосветной экспедиции должно было отвлечь от тягостных мыслей, на чем настаивал Александр I, убеждая Резанова представлять интересы России в далекой восточной империи⁹. После неоднократных уговоров тот в конце концов согласился, и 10 июня 1803 года последовал императорский рескрипт о назначении Резанова чрезвычайным посланником в Японию. Отметим здесь, что при всей образованности и наличии ряда положительных качеств Николай Петрович все же не был профессиональным дипломатом, не обладал нужным тактом и дипломатической сдержанностью, которые были совершенно необходимы для ведения дел с представителями восточных народов. Его пылкий, если не сказать вспыльчивый, характер, капризы и склонность к интригам вряд ли могли содействовать успехам дипломатической миссии.

Вероятно предвидя возможные

осложнения на этой почве, полный тезка Николая Петровича – министр коммерции Н. П. Румянцев – передал ему особую инструкцию от 10 июля 1803 года, в которой говорилось о строгом соблюдении этикета, скромности, осторожности в ответах на вопросы японской стороны и большой осмотрительности. В еще одной детальной инструкции Румянцева Резанову, утвержденной царем 10 июля, дважды указывалась главная цель его миссии – установление торговых контактов с Японией, и специально подчеркивалось, что «оба судна [кругосветной экспедиции], вместе с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему». В «Открытом листе» от 20 июля 1803 года, выданном английским послом в России Д. Б. Уорреном для вручения официальным представителям Великобритании во время экспедиции, Резанов также был назван «командующим русскими кораблями»¹⁰. Это немаловажный факт, так как в дальнейшем в ходе плавания возник острый конфликт между ним и капитан-лейтенантом Крузенштерном, командиром шлюпа «Надежда», на борту которого Резанов покинул Кронштадт 26 июля 1803 года. Причиной ссоры был дележ полномочий и борьба за власть. Крузенштерн и другие морские офицеры принципиально не желали подчиняться сухопутному гражданскому чиновнику, пусть и значительно превосходившему их в чинах (согласно Табели о рангах в переводе на морские чины Резанов был контр-адмиралом). Этот сюжет не имеет прямого отношения к нашей теме и к тому же был уже неоднократно изучен исследователями¹¹, а потому мы сосредоточимся главным образом на визите Николая Петровича в Японию и его последствиях.

Обогнув мыс Горн и пройдя с юго-востока на северо-запад по диагонали весь Тихий океан, Резанов прибыл в июле 1804 года на Камчатку. Здесь местный комендант генерал-майор П. И. Кошелев с трудом примирил его с Крузенштерном, который вынужден был вместе с офицерами шлюпа публично просить прощения у главы дипломатической миссии за свое поведение. В результате примирения Резанов в донесении в Петербург дал командиру «Надежды» весьма лестную

Резанов с Крузенштерном (держит ружье) и матросом шляпа «Надежда»

характеристику. Когда они вместе вышли в конце августа с Камчатки к берегам Японии, Николай Петрович представил Крузенштерну специальную инструкцию, в которой предписывал соблюдать строжайшую дисциплину среди команды шляпа при неизменной вежливости по отношению к японцам. Для экипажа и пассажиров корабля Резанов разработал даже набор стандартных вопросов и ответов о России и намерениях правительства, чтобы усыпить традиционную подозрительность японцев в отношении иностранцев¹², ведь эта страна много десятилетий находилась в добровольной самоизоляции. Лишь китайцам и голландцам разрешалось посещать с торговыми целями единственный открытый для них порт – Нагасаки, но объемы их торговли здесь были очень незначительны¹³. Правда, еще в 1792–1793 годы в ходе экспедиции поручика А. Э. Лаксмана в Японию¹⁴ было получено разрешение японских властей о приходе в порт Нагасаки одного торгового судна из России, но русские так и не воспользовались дарованной им возможностью.

Прибыв 26 сентября 1804 года к Нагасаки, Резанов начал предварительные переговоры с японской стороной, с сожалением описав унижения голландцев, которые торговали здесь уже около 200 лет и которые готовы были ради торговой прибыли выполнять любые приказы местных чиновников. К удивлению Резанова и его спутников, японские

представители довольно хорошо разбирались в географии и текущей мировой политике, несмотря на статус Японии как «закрытой» страны. Единственное, о чем они не подозревали, так это о наличии у России владений в Северной Америке. В своем «Журнале» Резанов отмечал, что японцы очень воспитанны, трудолюбивы, чистоплотны, скромны и вежливы, спиртного пьют мало, но любят кофе и все сладкое¹⁵. Вместе с тем их жесткая система иерархии, запретов, мелочных предписаний породили у российского посла впечатление о крайней степени рабства, в котором пребывали сыны Страны восходящего солнца¹⁶. Хотя сама Россия представляла собой далеко не образец демократии, Николай Петрович искренне полагал, что в ней царят свобода и просвещение, совершенно игнорируя судьбу крепостных крестьян.

Свое пребывание на японской земле Резанов подробно изложил в своем журнале, который вел с августа 1804 по апрель 1805 года¹⁷. С самого начала посланец Петербурга вел упорную борьбу за обеспечение достойного обхождения (с точки зрения тогдашней европейской этики) с ним и членами его миссии, соглашаясь удовлетворять лишь часть требований японцев. Инструкция Румянцева¹⁸ о скромном и нетребовательном поведении, необходимости приспосабливаться к японским обычаям была напрочь забыта.

Под предлогом болезни Резанов выторговал у японских властей право жить в маленьком, огороженном от остального города домике на берегу. Потянулись томительные дни фактически в тюремных условиях, что для такой энергичной и предприимчивой личности, как Резанов, было особенно тяжело. Он периодически шантажировал японцев угрозой своей смерти из-за затянувшейся болезни (явно преувеличивая ее степень) и постоянно занимался препирательствами с японскими чиновниками и переводчиками по поводу исполнения ими бесчисленных запретов и инструкций (часто абсолютно бессмысленных и абсурдных), которым они вынуждены были следовать. «Переводчики говорили, – писал Резанов, – что они не виноваты и что обо всем докладат губернатору, а между тем удивлялись смелости нашей, ибо все приходящие сюда

нации им раболепствуют»¹⁹. К слову сказать, японская сторона не всегда отличалась большой искренностью, и Резанов неоднократно ловил переводчиков и чиновников на обмане и пустых обещаниях²⁰. Любая маломальски значимая информация тщательно скрывалась от иностранцев, и Николай Петрович лишь спустя пять месяцев пребывания в Нагасаки с большим трудом смог узнать имя японского императора. Ему, правда, удалось немного выучить японский язык и, частично, сложную иероглифическую письменность.

Бесконечные проволочки и препирательства между Резановым и японскими официальными лицами закончились через полгода, когда в конце марта 1805 года специально посланный из Эдо (Токио) чиновник объявил об окончательном решении своего правительства. Российскому посланнику было заявлено, что ему не позволено нанести визит в японскую столицу²¹, царские подарки и послание японскому императору (на самом деле – сёгуну, то есть верховному правителю Японии) возвращались, любые торговые контакты запрещались, а российскому кораблю было предложено оставить гавань Нагасаки и при первой возможности немедленно отправиться назад на Камчатку. Приход российских судов в Японию строго запрещался, а в случае спасения терпящих бедствие японских подданных у российских берегов их следовало передавать на родину через посредничество голландцев²².

Столь резкий отказ по всем статьям и полный провал переговоров привели Резанова в бешенство. В ответном «Меморандуме» он требовал отставки одного из высокопоставленных чиновников японского правительства (по словам Резанова, повинном в интригах против русских²³), а также немедленных извинений перед Петербургом. Явно выходя за рамки дипломатических приличий и здравого смысла, Николай Петрович «назначил» на северном японском острове Хоккайдо порт, куда должны были приходиться для взаимной торговли суда обеих держав, а также два места для организации на этом острове русских факторий. При этом он писал в «Меморандуме», чтобы Японская империя не распространяла свои

владения севернее Хоккайдо (то есть на земле Южного Сахалина), а в случае невыполнения этих требований угрожал силовыми акциями, «которые в народе будут гибельны и невозвратны произведут потери»²⁴. Как свидетельствовал в своем дневнике лейтенант шлюпа «Надежда» Е. Е. фон Левенштерн, еще не покинув Нагасаки, Резанов стал «запугивать» японцев войной²⁵. Как видим, он совершенно игнорировал данные ему инструкции Н. П. Румянцева и основы дипломатического этикета. К сожалению, как показали дальнейшие события, угрозы Николая Петровича не были пустым звуком.

В конце марта – начале апреля 1805 года дипломатическая миссия была быстро свернута. Чтобы подсластить горькую пилюлю, японские власти отказались от платы за продовольственное снабжение во все время пребывания посольства в Нагасаки, а также за материалы для починки корабля и корабельных баркасов. Кроме того, японская сторона выдала русским продовольствие на обратную дорогу и дала 2000 мешков соли для награды команды корабля и служащих миссии, а также преподнесла в качестве подарка от императора 25 ящиков шелковой ваты российским офицерам и чиновникам²⁶. В то же время, согласно «Журналу» Резанова, нагасакские купцы и ремесленники, а также знакомые русским японские чиновники и офицеры выражали глубокое сожаление решением своего правительства оборвать все отношения с северным соседом и предлагали установить тайные связи, в том числе при посредничестве голландцев²⁷.

Мог ли быть иной исход у посольства Резанова? Вряд ли. По мнению современных отечественных исследователей, его миссия была обречена с самого начала: общий консервативный курс официальных властей Японии на самоизоляцию оставался непоколебимым, а попытки как-то смягчить его привели лишь к краткой вспышке подковерной борьбы между сёгуном и императором и их сторонниками в правительстве. Кроме того, в этот период страна приступила к освоению «северных территорий» – Южного Сахалина и Курил, что автоматически вело к усилению враждебности к России²⁸. Сходной точки зрения

придерживался и дореволюционный историк К. А. Военский: неудача миссии Резанова, по его словам, заключалась не в горячности и высокомерии посланника, не в двучливой политике голландцев, обеспокоенных появлением торговых конкурентов, а в проблемах внутренней политики Японской империи. «Имей мы в то время в Тихом океане эскадру, – делал вывод К. А. Военский, – которая могла бы поддержать наш авторитет в Японии, исход переговоров был бы, вероятно, иной, и честь открытия Японии для европейской торговли, – как это сделано было 50 лет спустя американской эскадрой Перри, – принадлежала бы России»²⁹.

Но Резанов располагал только небольшим кораблем, а не военной эскадрой. В начале апреля 1805 года шлюп «Надежда», совершенно не оправдав своего названия, покинул Нагасаки, унося первого петербургского дипломата все дальше от японских берегов. Вероятно, именно тогда Резанов стал обдумывать план мести неуступчивым японцам. Несомненно, его жгла мысль о долгом бессмысленном и унижительном ожидании в Нагасаки, будущем недовольстве государя из-за провала миссии, о снисходительных насмешках при дворе. Стремление навязать японцам силой торговый договор постоянно владело Николаем Петровичем. Уже после возвращения на Камчатку лей-

тенант Левенштерн записал в своем дневнике: «Резанов, несомненно, опять строит воздушные замки и хочет завоевать Сахалин и отомстить японцам»³⁰. Однако использовать для этого шлюп «Надежда», с капитаном которого у него были достаточно натянутые отношения, Николай Петрович не решился и лишь предписал И. Ф. Крузенштерну заняться изучением Сахалина и попытаться отыскать там удобную гавань. После исследования острова Крузенштерну следовало возвратиться на Камчатку и забрать здесь пушнину РАК, а также научные материалы и коллекции, собранные натуралистами – участниками экспедиции, – для доставки их в Петербург. Сам же камергер на судне РАК «Св. Мария Магдалина» отправился с Камчатки в Русскую Америку с инспекционным визитом, перед этим сдав бразды правления экспедицией Крузенштерну 6 июня 1806 года³¹.

Находясь на Аляске, Резанов не забывал о неудаче своего посольства в Японию. В письме к Александру I от 18 июля 1805 года с острова Уналашка он писал, что готов на следующий год, выстроив в Америке суда, пуститься к берегам Хоккайдо, разорить тамошние японские селения, вытеснить японцев с Сахалина и, устранив население, лишить его рыбной отрасли, кормящей 200 тысяч человек, с целью заставить японцев начать торговлю с россиянами. При этом Николай Петрович выражал надежду, что государь не сочтет его преступником за подобные поступки³², то есть он прекрасно осознавал незаконность своих намерений, которые, однако, пытался прикрыть ура-патриотической риторикой. К своим проектам неудачливый дипломат привлек двух молодых патриотически настроенных морских офицеров – лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гаврилу Давыдова³³, находящихся на службе Российско-американской компании. С ними он прибыл в августе 1805 года в Ново-Архангельск на остров Ситха, где тогда находился главный правитель Русской Америки А. А. Баранов.

Естественно, что получить ответ из Петербурга относительно своих антияпонских планов Резанов мог не ранее как через год-полтора, и во время пребывания на Аляске он совершенно не собирался отказываться

Н. П. Резанов. Японский рисунок

от них. В донесении Александру I от 15 февраля 1806 года из Ново-Архангельска Николай Петрович писал, что вынужден из-за недостатка продовольствия сходить за ним на только что купленном у американцев судне «Юнона» в Калифорнию, после чего бывший петербургский вельможа давал волю своим прожектам: «Возвратиться, коли Богу угодно будет, надеюсь в мае и взяв с собою строящийся тендер [построенный в Ново-Архангельске тендер «Авось»], ни мало не мешкая, пойду к берегам японским, вытесню из Сахалина водворение на нем соседей наших и к подкреплению в Америке людства нашего вышлю сюда колонию пленных, которые, избавясь от деспотизма, найдут здесь распоряжения моими долю их совершенно благополучно, а в продолжении времени к заселению соотчичами их мест здешних, будут нам лучшими проповедниками»³⁴.

Планы Резанова по переселению японцев (тем более – добровольному) на Аляску можно назвать чистой фантазией. Как могли они польститься на голодный, холодный и грязный Ново-Архангельск, населенный по преимуществу грубыми русскими промышленниками и бесправными промысловиками РАК – алеутами и эскимосами – в окружении воинственных и опасных индейцев тлинкитов? Ни о какой свободе в российских колониях в Америке не могло идти и речи. Здесь царил жесткая полувоенная дисциплина, насаждавшаяся тогдашним главным правителем Русской Америки А. А. Барановым (в 1809 году против его деспотической власти даже воз-

ник заговор среди русских промышленников). Тем не менее Резанов, нимало не смущаясь, назвал один из островков в окрестностях Ново-Архангельска «Японский остров»³⁵, намереваясь обустроить здесь будущих японских поселенцев. Его авантюрные намерения совершенно не разделял А. А. Баранов, поскольку планируемое Резановым отвлечение двух вооруженных судов и нескольких десятков человек в «японскую экспедицию» способно было существенно ослабить потенциал российских колоний в Америке³⁶. Чтобы склонить правителя на свою сторону, Н. П. Резанов перед отъездом с Аляски в своей секретной инструкции Баранову от 20 июля 1806 года соблазнял его перспективами поставок продовольствия и присылкой трудолюбивых японцев: «...Опыт ныне мною к японским берегам предпринимаемой, ежели Бог благословит успехом, принудить может быть к торговле державу сию, и тогда одно пшено, каким Япония изобилует, составит безбедное уже здешнему краю прокормление. Между тем, надеюсь я оттуда открыть исполнительных людей к заселению Америки, и на сей конец, ежели удастся мне их ныне же сколько-нибудь выслать, поручаю вам ввезти в штатное положение веры их, стараться обустроить их, дать землю в собственность и обласкать так, чтоб почувствовав свои выгоды были они на предыдущее [будущее] время к договору соотчичей своих лучшими орудиями»³⁷.

Находясь уже под парусами «Юноны» на пути из Ново-Архангельска в Охотск, Николай Петрович дал секретную инструкцию

от 8 августа 1806 года командиру корабля лейтенанту Н. А. Хвостову. В ней Резанов писал, что японцы поселились на берегах залива Анива в Южном Сахалине только с 1796 года и имеют здесь несколько торгово-заготовительных факторий, основанных торговым обществом купцов из Осаки. Далее в инструкции излагался детальный план открытой колониальной агрессии, который Резанов сформировал во время пребывания на Аляске: «1. Войти в губу Анива и, буде найдете японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных, отобрав, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая [Хоккайдо], сказав, чтоб никогда они Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торгова, к которому всегда россияне готовы будут. В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленных. 2. Взятых оттуда японцев иметь вам в строгом присмотре на судне вашем, но не огорчать их, уверяя, что для их [жизнь] будет счастливее прежней, и потому сохранить им их собственность и всех их доставить в Ново-Архангельск. 3. Ежели силы позволят вам сделать высадку, то в таком случае стараться обласкать сахалинцев [айнов], уверить их, что принадлежат они такому монарху, под защитою которого всегда спокойными быть должны; отличать старшин медалями, которых двадцать вам вручаю здесь, и одарив их сукном, капотами и другими вещами на судне вашем имеющимися, о которых реестр вам прилагаю, а между тем произвесть с ними мену, чтоб узнать образ оной. 4. Что найдете в магазинах [японских складах], как-то: пшено, соль, товары и рыбу, как принадлежащее целому купеческому обществу [города Осаки], взять все с собою, а последней [рыбы] сколько можно, буде же котория магазины будут ею наполнены и отдаль [вдалеке] строения, таковыя сжечь, оставя казармы и всякое строение в целости впредь для удобнейшего соотчичам нашим водворения. 5. Из кумирни [буддийского храма] забрать все идола и, захватя одного бооза [бонзу, буддийского монаха-настоятеля] или должность его отправляющего, взять с собою в Америку, где японцы, при свободном отправлении веры их более к

Японский храм Саппоро на Хоккайдо

водворению найдут удовольствия и впоследствии времени обзаведясь [хозяйством], будут нам привлекать своих соотчичей. Исполняя же все сие, следовать вам [после набега] в порт Ново-Архангельск обоими судами. 6. В разсуждении сахалинцев и японцев всюду, где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред изстреблением судов их, но повсюду сколько можно сохранять человечество [гуманизм], ибо весь предмет жестокости не против частных людей обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит в жестокой неволе и бедности и, следовательно, всякое японцам зделанное снисхождение обратит их более к заключениям о россиянах, что они великодушны, и тогда столько же из страха, столько из благодарности принужденными найдутся искать торговли»³⁸. Здесь мало что можно добавить в качестве комментария к уже сказанному выше, за исключением того, что последняя сентенция Николая Петровича абсолютно лишена элементарной логики, особенно учитывая дух коллективизма и почитания властей, присущий японской нации.

Правда, достигнув Охотска, Резанов начал сомневаться в законности и необходимости «Секретной экспедиции» против японцев, а потому дал Хвостову новую инструкцию от 24 сентября 1806 года, в которой говорилось: «все прежде предписанное оставя, следовать вам в Америку к подкреплению людьми порта Ново-Архангельска»³⁹. Однако старую инструкцию он не изъял и отъехал в Петербург, оставив Хвостова перед дилеммой, каким из предписаний ему руководствоваться. По пути в российскую столицу Николай Петрович при переправе через реку попал в полынью, простыл и скоропостижно скончался в Красноярске 1 марта 1807 года, Хвостов же недолго

Памятник
Николаю Резанову в Красноярске

рассуждал о том, какой инструкцией Резанова следует руководствоваться, и уже осенью 1806 года устроил набег на японские фактории в заливе Анива на Сахалине. На следующий год, командуя вооруженными судами РАК «Юнона» и «Авось», Хвостов и мичман Давыдов приступили к разорению японских поселений на Курилах. Рассказывать подробно об этом здесь нет необходимости, тем более что еще в 1994 году был опубликован посвященный этому эпизоду отрывок из «Журнала» командира тендера «Авось» Г. И. Давыдова, с описанием их совместных с Хвостовым «подвигов»⁴⁰. Впрочем, сам Давыдов сомневался в законности насильственных акций против японцев и полномочий на сей счет камергера Резанова, о чем он прямо писал в рапорте морскому министру П. В. Чичагову от 29 апреля 1807 года: «...Предприятие сие столь сомнительно без известной на то воли государя, что крайность побуждает повергнуть сие суждению вашего превосходительства и просить вашей защиты»⁴¹.

Хвостову и Давыдову действительно было чего опасаться: в 1806–1807 годы в результате их рейдов на южные Курильские острова и Сахалин были сожжены и разграблены несколько японских сторожевых постов, селений и складов (включая укрепление Сяма на острове Кунашир), захвачены и уничтожены четыре японские джонки, патрульное судно и несколько лодок. Кроме того, были пленены около десятка японцев, которых вместе с трофейными пушками и другим захваченным имуществом brave офицеры доставили начальству в Охотск, где тут же подверглись аресту за самоуправство, хотя основная вина лежала, конечно же, на Н. П. Резанове⁴².

Нетрудно догадаться, что следствием нападений Хвостова и Давыдова стало крайнее возмущение японской стороны и подтвержденные самых негативных подозрений в отношении России и русских⁴³. Непосредственной жертвой негодования японцев стал командир военного шлюпа «Диана» известный мореплаватель капитан-лейтенант В. М. Головин, который в 1811 году был захвачен в плен на курильском острове Кунашир вместе с несколькими моряками своего корабля и провел в японском плену более двух лет⁴⁴. И хотя официальный Петербург отмежевался от, мягко говоря, необдуманных распоряжений Резанова и насильственных действий Хвостова и Давыдова, тем не менее русско-японские отношения оказались «замороженными» почти на 50 лет. Лишь новому посланцу Северной столицы – вице-адмиралу Е. В. Путятину – удалось в 1855 году заключить первый дипломатический договор о дружбе и торговле с Японией, чего так и не смог достичь первый дипломат из Петербурга – Николай Петрович Резанов.

¹ Сгибнев А. С. Резанов и Крузенштерн: Эпизод из Первого кругосветного плавания русских // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 1. С. 385–392; Военский К. А. Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. // Русская старина. 1895. Т. 84. № 7. С. 123–141; № 10. С. 231–235; Петров В. П. Камергер двора: Роман. Вашингтон, 1973; Печников Б. А. Ключ камергера: Н. П. Резанов: Историческая повесть. Новосибирск, 1991; Командор: Страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Н. П. Резанова / Сост. Ю. П. Авдюков, Н. С. Ольхова, А. П. Сурник, науч. консультант Г. Ф. Быконя. Красноярск, 1995; Болховитинов Н. Н. Н. П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 167–186; Свердлов Л. М. «...Вам вверено главное руководство сей экспедиции» // Природа. 2003. № 10. С. 59–66; Командор Резанов (к 250-летию со дня рождения Николая Петровича Резанова): библиографический указатель / Сост. Н. Н. Кирпиченко, Т. В. Владыкина. Красноярск, 2014; Кудряшов К. Бросок в Калифорнию. 250 лет назад родился командор «Юноны» и «Авось» // Аргументы и факты. 2014. 9 апреля, № 15; Chevigny H. Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. Portland, Oregon, 1958 (изд. на рус. яз. 1995, 2008); Pierce R. A. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ontario, 1990. P. 418–421; Matthews O. Glorious Misadventures: Nikolai Rezanov and the Dream of a Russian America. London, 2013 и др. работы.

- ² См.: Сverdlov Л. М. Николай Петрович Резанов (1764–1807): Художественный образ и историческая личность // Московский журнал. 2012. № 5. С. 45–64.
- ³ ПСЗРИ. Т. XXV. № 19.030. С. 703–704.
- ⁴ Болховитинов Н. Н. П. Резанов и учреждение Российско-американской компании // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 23–27.
- ⁵ ПСЗРИ. Т. XXVI. № 19.611. С. 548.
- ⁶ См.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сборник документов. М., 1994. С. 32–34.
- ⁷ Там же. С. 41–48; Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» / Ред., очерк о Крузенштерне и прим. А.И. Алексеева. Владивосток, 1976. С. 25–34, 356–371; Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах / Ред. и вступ. ст. Н.В. Дмитрашко. М., 1947.
- ⁸ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 49–50.
- ⁹ Там же. С. 52.
- ¹⁰ Там же. С. 60–61, 71–79.
- ¹¹ Сгибнев А. С. Указ. соч.; Сverdlov Л. М. Конфликт под парусами «Надежды» (Н. П. Резанов и И. Ф. Крузенштерн) // Известия Академии наук. Сер. географ. 2003. № 3. С. 82–95; Его же. Крузенштерн и Резанов. М., 2006 и др. работы.
- ¹² См.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 89, 93–97.
- ¹³ Крузенштерн И. Ф. Указ. соч. С. 160, 165–166.
- ¹⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М., 1989. С. 312–315; Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М., 1999. С. 126–138.
- ¹⁵ Все эти качества до сих пор присущи японцам, в чем убедился автор данной статьи, прожив в Японии три месяца во время научной стажировки при Славянском исследовательском центре университета Хокудай (Саппоро, Хоккайдо) в 2004 г.
- ¹⁶ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 98–108.
- ¹⁷ См.: Журнал путешествия двора Его Императорского Величества действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804, 1805 годах // Командор: Страницы жизни и деятельности... С. 117–238.
- ¹⁸ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 72–73.
- ¹⁹ Журнал путешествия... С. 153.
- ²⁰ Там же. С. 176, 191, 193 и др.
- ²¹ Формально столицей Японии считался город Киото, где жил император как духовный символ нации, но реально столичным центром был Эдо (совр. Токио), где находилась резиденция верховных правителей Японии – сёгунов (1603–1867).
- ²² Журнал путешествия... С. 214–216.
- ²³ В опубликованном тексте «Меморандума» его имя не было названо, однако в «Журнале» Резанова оно упомянуто – Унемасам (вероятно, Унема-сан).
- ²⁴ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 115.
- ²⁵ Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / Сост. А. В. Крузенштерн, О. М. Федорова. Пер. с нем. Т. К. Шафрановской. СПб., 2003. С. 303, 311.
- ²⁶ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 115–116; Крузенштерн И. Ф. Указ. соч. С. 156, 167, 170.
- ²⁷ Журнал путешествия... С. 190, 222–227, 234.
- ²⁸ Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. М., 1999. С. 155–156, 159–161; Сverdlov Л. М. «... Вам вверено главное руководство сей экспедиции». С. 66.
- ²⁹ Военский К. А. Указ. соч. С. 235.
- ³⁰ Левенштерн Е. Е. Указ. соч. С. 383.
- ³¹ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 122–124.
- ³² Текст письма опубликован: Командор: Страницы жизни и деятельности... С. 281.
- ³³ Елизарьев В. Н. Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв. М., 2007. С. 180, 606–608.
- ³⁴ Командор: Страницы жизни и деятельности... С. 284.
- ³⁵ Этот остров до сих пор обозначается подобным образом на американских картах (Japanski Island) – здесь расположен аэропорт города Ситка, как стал именоваться Ново-Архангельск после продажи Аляски США в 1867 г.
- ³⁶ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 106.
- ³⁷ Текст инструкции опубликован в Интернете на совместном российско-американском сайте «Встреча на границах» (Meeting of Frontiers): <http://frontiers.loc.gov/mss/mtfms/msy/y0010035/y0010035.html>
- ³⁸ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 153.
- ³⁹ Там же. С. 157.
- ⁴⁰ Там же. С. 172–182. В отечественной историографии этот эпизод порой стыдливо замалчивается. Так, известный автор научно-популярных трудов по военной истории А. Б. Широкоград в своей обширной работе о русско-японских войнах ни словом не упоминает «Секретную экспедицию» Хвостова – Давыдова, хотя подробно пишет о действиях союзников на Дальнем Востоке во время Крымской кампании, не имевшей прямого отношения к русско-японским отношениям (Широкоград А. Б. Русско-японские войны 1904–1905. Минск, 2003).
- ⁴¹ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера... С. 168.
- ⁴² Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1. С. 158–160.
- ⁴³ Синтаро Накамура. Японцы и русские: из истории контактов. М., 1983. С. 142; Черевко К. Е. Указ. соч. С. 164; Елизарьев В.Н. Указ. соч. С. 188–195, 199.
- ⁴⁴ Головин В. М. Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпленных русскими мореплавателями / Под ред. и с прим. И. П. Магидовича. М.; Л., 1949. С. 127–268.

Мост из Санкт-Петербурга в Японию

Н. В. Селезнев

Посадил дерево?
Построил дом?
Воспитал сыновей?

Пригласи домой иностранных студентов!

Фамилия «Итабаси (板橋)» состоит из двух иероглифов, смысл которых – «дощатый мост». Итабаси Рёхэй-сан из префектуры Гумма полностью соответствует своей фамилии, поскольку для многих молодых петербуржцев он стал мостом, связавшим их с Японией.

Семья Итабаси-сан живет в небольшом городке Ота, расположенном примерно в 80 километрах к северо-западу от Токио. На поезде от японской столицы сюда можно добраться примерно за полтора часа. Город Ота – преимущественно малоэтажная застройка, перемежающаяся промышленными зонами и сельскохозяйственными угодьями.

Дом семьи Итабаси-сан – одноэтажное традиционное здание, в котором есть как японские комнаты с татами, так и европейская гостиная. Перед домом растет уже довольно раскидистое дерево хурмы. Это дерево было посажено четой Итабаси в день их свадьбы. Дом расположен на сравнительно большом участке. С южной стороны дома разбит обширный японский сад, рядом находится большой огород, где посажены грядки с луком и бобами, растет дайкон, сельдерей, огурцы. Итабаси-сан также выращивает грибы шиитакэ на деревянных чурбаках и инжир.

Недалеко от дома Итабаси-сан находится крупный торговый комплекс с кинотеатром, патинко* и всевозможными магазинами. Размеренная сельская жизнь здесь удивительным образом сочетается с доступностью всевозможных соблазнов крупного мегаполиса.

Родители Итабаси-сан были крестьянами. Будучи старшим в семье, Итабаси-сан унаследовал роди-

Супруги Итабаси. 2004 г.
Из архива Н. В. Селезнева. Публикуется впервые

тельский дом. До 57 лет он служил в Министерстве труда, потом вышел на пенсию и отправился в Россию изучать русский язык.

Кроме России, Итабаси-сан побывал во многих странах, но вот почему-то именно Россия запала ему в душу. Первая поездка пришлась на 1992 год. В то, наиболее тяжелое для России время Итабаси-сан пересек страну по Транссибирской железной дороге. Увиденное напомнило ему его детство в послевоенной Японии. Именно тогда, по словам Итабаси-сан, у него возникло желание оказать посильную помощь русской молодежи.

Первым шагом в осуществлении намеченного стало изучение русского языка. После выхода на пенсию Итабаси-сан отправился в

Санкт-Петербург и около полугода провел на студенческой скамье вместе с другими иностранными студентами, постигая премудрости русского языка. Учеба пришлась уже на конец девяностых годов. Постепенно выработался план: каждый год в течение 10 лет приглашать к себе домой молодого человека, изучающего японский язык, чтобы показать Японию изнутри, «Японию из японского дома», затем отвезти в Токио, Киото и Никко, помочь каждому в достижении поставленных целей, а в ходе общения усовершенствовать свой русский язык. Через знакомых японцев, живущих в Санкт-Петербурге, Итабаси-сан начинает поиски кандидатов на поездку, завязывается переписка.

* Патинко (яп. パチンコ) – игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом, необычайно популярен в Японии.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ХАДЖИНОВ

В 2009 году я получил приглашение от семьи Итабаси-сан приехать в Японию на один месяц. Тогда я учился на 3-м курсе Японского центра и более или менее мог поддерживать диалог на японском языке.

Итабаси-сан искренне любит Россию. И эта любовь выражается в том, что он дарит возможность молодым русским ребятам-японистам окунуться с головой в японскую культуру.

Гостеприимство и заботу я почувствовал с первых дней. Первым делом мы поехали в магазин посуды, где мне вручили палочки для еды и лакированную чашку для мисо-супа. В доме для меня выделили самый комфортный для европейца уголок – комнату одного из сыновей Итабаси-сан, в которой находились европейская кровать, телевизор и кондиционер.

Целых 28 дней! Каждая прогулка или поездка была маленьким приключением, словно во сне, который мне снился всё то время, пока я мечтал о поездке в Японию. Бесчисленные японские кинофильмы, просмотренные до поездки, становились явью. Звуки, улицы, люди – все было так, как я ожидал. Только запахи невозможно было предугадать.

Полученные во время поездки впечатления я усваиваю до сих пор. Пребывание в Японии подарило мне новые цели в жизни и глубокое чувство благодарности к замечательной семье Итабаси-сан. Вернувшись в Россию, я ещё не понимал, но уже чувствовал – я хочу заниматься чем угодно, лишь бы это было связано с Японией и позволяло использовать японский язык в полной мере. И вот уже через полгода я работал переводчиком в маленькой торговой компании.

Бескорыстная доброта – не так часто мы с ней сталкиваемся. Смогу ли я когда-нибудь сполна отблагодарить всех тех, кто помог мне выучить японский язык и наяву познакомиться с Японией? Я буду стараться это сделать.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ КЛЕЙН

Мое знакомство с этим удивительным человеком началось весной 2004 года, когда я еще учился в

Семья Итабаси-сан. 2009 г.
Фото В. С. Хаджинова. Из архива автора. Публикуется впервые

аспирантуре и изучал традиционные японские искусства. Ко мне как-то раз пришел мой друг и спросил, хотел бы я поехать в Японию. Разумеется, для меня это было просто подарком судьбы, но как такое возможно? Мой друг рассказал мне про удивительного японца, который готов пригласить в свою семью на несколько недель русского студента или аспиранта, который изучает японский язык и интересуется японской культурой. Так я узнал про Итабаси-сан. Мы связались друг с другом по электронной почте, и вскоре решение было принято – я поеду в Японию! Так началось одно из моих самых запомнившихся путешествий в жизни.

В 90-х годах Итабаси-сан решил начать изучать русский язык. Причем начинал он учить его не как-нибудь, а с русской классики. Потом как-то, разглядывая книги у него в доме, я обнаружил на полке томик Достоевского на русском языке, весь в пометках тонким карандашом, с переводом слов. Я был искренне поражен терпением и настойчивостью Итабаси-сан в достижении своей мечты. Изучая русский язык, Итабаси-сан попал в Россию и был, как он мне объяснял потом, впечатлен добротой и отзывчивостью русских людей. Тогда же он пообещал себе, что в течение 10 лет будет каждый год приглашать к себе в гости примерно на месяц русского студента, чтобы у того

появилась возможность увидеть своими глазами настоящую Японию и познакомиться с настоящей японской жизнью. Решив сделать этот щедрый подарок, Итабаси-сан верно следовал своему решению много лет, и, таким образом, многие получили возможность уникальной поездки, которая выпадает, вероятно, один раз в жизни.

Как это путешествие отразилось на всех нас? Думаю, каждому есть что рассказать. Для меня эта поездка стала чем-то гораздо большим, чем просто посещением страны, которую я любил и язык которой я изучал. Многие уроки, которые я получил во время поездки, я смог осознать лишь позднее, когда уже вернулся в Россию. Возможно, что-то мне еще предстоит понять. А тогда... Тогда я просто окунулся с головой в волну новых впечатлений, начиная с того момента, когда теплый, даже жаркий ночной воздух Японии, пропитанный необычными ароматами, окутал меня, ступившего на землю с трапа самолета в аэропорту Нарита.

Самое первое, простое и яркое впечатление – удивительно вкусная японская кухня, абсолютно непохожая на то, что я о ней думал и знал. Обожаю японскую кухню именно с той поездки. Да, да, настоящая японская кухня – это, по большей части, не суши и роллы, как можно подумать исходя из меню суши-баров, которые так популярны у нас.

Японская кухня – это совершенно потрясающие по разнообразию блюда из мяса, курицы, лапши, рыбы, морепродуктов и овощей, и обязательный спутник всего этого разнообразия – «Гохан» – японский круглый рис, который даже произносится уважительно, так же, как само слово «Еда».

Уже в первый вечер, сразу после того, как я расположился с чемоданами в комнате, отведенной мне в доме Итабаси-сан, мы отправились в небольшой ресторанчик, специализирующийся на «яки-нику» – жареных мясных блюдах. Там я и познакомился ближе с семьей Итабаси-сан: с его супругой, их двумя сыновьями – Ёсинори и Норихиро, и с племянницей Хидэми. Их доброе отношение и поддержка в любых ситуациях на протяжении всей поездки помогли мне почувствовать себя в Японии как дома, создавали удивительную дружескую, теплую атмосферу.

Помню, был случай, когда мы поехали в путешествие по Киото. Я из-за жары, по большей части, ходил в сандалиях на босу ногу. И вот в Киото мне специально подарили носки, чтобы я их мог надеть, когда мы пойдем в один очень дорогой, традиционный ресторан киотской кухни, так как с голыми ногами туда ходить не принято. Я с благодарностью взял подарок, но не понял, когда именно мы собираемся пойти в этот ресторан, и спрятал носки в багаж. И вот в первый же день, немало погуляв по старому Киото, мы пошли поужинать. Заходим в ресторан, и тут я понимаю, что это и есть тот самый традиционный ресторан, а носки-то в багаже, в гостинице... Мне было очень неловко, но все сделали все возможное, чтобы сгладить эту неловкость. В результате я вспоминаю тот ресторан как один из самых красивых эпизодов, связанных с японской культурой. Традиционная сервировка блюд, сравнимая по красоте с искусством икебаны, плавность и последовательность действий пер-

сонала, сравнимая с торжественным ритуалом чайной церемонии «Тяно-ю». Во всей этой ситуации для меня помимо ощущения моральной поддержки и доброжелательности, которая исходила от всех, важным было и осознание какой-то мудрости – отбросить все погрешности, все лишнее и сосредоточиться на главном – на красоте момента, а не на его несовершенстве.

Подобных ситуаций было, я думаю, множество. Когда ты едешь просто туристом в чужую страну, ты можешь не сильно беспокоиться о разнице культур. Достаточно не нарушать основных табу, чтобы чувствовать себя вполне комфортно. Все равно для всех ты будешь туристом, чужаком, который скоро уедет назад и которому можно многое простить из-за его незнания чужой культуры. Но когда ты изучаешь чужую культуру, когда у тебя появляется шанс проникнуть в ее сердце – тогда начинаешь более остро осознавать, как на самом деле мало ты знаешь об этой культуре, как много всяких нюансов, которые скрыты от глаз туриста. Именно понимание этих тонких моментов, этих культурных особенностей и позволяет воспринимать человека как «своего» или как «чужого», «Ути» или «Сото». За что я бесконечно благодарен Итабаси-сан и всей его семье, так это за то, что они приложили все силы, чтобы помочь мне хотя бы приоткрыть эту тонкую завесу, за которой и кроется настоящая, невидимая простым туристам Япония, заглянуть внутрь этой культуры.

Конечно, огромное значение эта поездка сыграла и для изучения языка. С первых же дней я понял, насколько мой японский язык далек от совершенства. Иногда мне казалось, что я вообще забыл все, что учил. Но благодаря полному погружению в языковую среду мне позднее удалось сделать серьезный скачок в изучении японского языка. С моим японским во время поездки постоянно происходили

какие-то забавные ситуации. Помню, к примеру, был такой эпизод. По моей просьбе Итабаси-сан помог мне устроиться в местную секцию карате. Там занимались и дети, и взрослые. И вот на одном из первых занятий меня обступили малыши и стали спрашивать: «Кто ты такой? Откуда?» и так далее. На вопрос, кто я такой, отвечаю: «Россиадзин дэс» («Я русский»). У одного из малышей вдруг округляются глаза (думаю, у меня был ужасный акцент), и он переспрашивает: «Коросидзин?» (по-японски «коросу» – «убивать», полагаю, это можно было бы перевести как «убивец»). Малыши постарше, конечно, засмеялись, да и я тоже, но я так и остался для них до конца тренировок большим, забавным «коросидзином» издалёка.

Много что можно вспомнить о той поездке и об удивительном человеке, благодаря которому сама поездка стала возможной. Много добрых слов можно сказать о том времени. И все-таки есть нечто, что кажется мне очень важным, о чем я все время задумываюсь, вспоминая мое путешествие в Японию и Итабаси-сан. Я не раз задавался вопросом, почему Итабаси-сан все это сделал для нас? Зачем он принял на себя заботу организовывать русским студентам путешествие в Японию? Ответ на этот вопрос очень значим для меня и сейчас, потому что он, как мне кажется, учит очень важному. На мой взгляд, это не просто благородный поступок, это, в первую очередь, пример того, как надо действовать, если хочешь что-то реально изменить в этом мире в лучшую сторону, как можно осуществлять задуманное, несмотря на любые трудности.

Быть может, придет момент, когда и я смогу сделать что-то важное для тех, кто, возможно, будет нуждаться уже в моей помощи и поддержке, как это сделал Итабаси-сан для нас.

Еще раз: глубокая благодарность Итабаси-сан и его семье.

Японские студенты в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств

И. И. Басс

На кафедре трудятся известные русисты. Профессор Уда Фумио, блестящий знаток русского языка, истории, культуры России, известный политолог, долгие годы был сотрудником кафедры, а до этого на протяжении ряда лет вёл передачу по русскому языку на японском телевидении, работал в Посольстве Японии в Москве. Круг его интересов чрезвычайно широк. Он – автор интересных книг о Петербурге. Профессор Уда также прекрасно знает традиции русской кухни и посвятил этому книгу «Русская кулинарная культура». Его перу принадлежат очень полезные учебники по русскому языку, например «Теория и практика устного перевода. Русский язык» (в соавторстве с Дарьей Хара). В 1998 году профессор Уда Фумио стал почетным профессором Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

Профессор Иноуэ Юкиёси занимается грамматикой русского языка, литературоведением, исследует творчество Лермонтова, Гоголя.

Профессор Мурата Синъити – известный русист, переводчик. В его переводах (с японского языка на русский, то есть с родного для него языка на иностранный, что считается особенно трудным) вышел сборник пьес современных японских драматургов. Он также перевел стихи, прозу и пьесы Миядзава Кэндзи и др.

Блестящим знатоком русского языка был и профессор Мори Сюнъити, к сожалению рано ушедший из жизни.

Большую роль в образовательном процессе на этой кафедре играют и наши соотечественницы – Галина Ивановна Павленко, Елена Владимировна Ёсидзуми.

Я назвала имена лишь некоторых профессоров, с которыми

1 ноября 2013 года университет Дзёти (Sophia University) – один из самых престижных университетов Японии – отметил свой 100-летний юбилей. 25 лет из минувших ста Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств сотрудничает с кафедрой русского языка университета Дзёти. Эта кафедра справедливо считается в Японии весьма авторитетной и уважаемой, на ней обучается около 280 студентов – самое большое число по сравнению с аналогичными кафедрами в других университетах.

Студенты университета Дзёти в Доме станционного смотрителя (семинар «Русская культура»)

Профессор Уда (университет Дзёти) в селе Витославицы под Новгородом

имела удовольствие быть лично знакомой.

Часто гостями кафедры бывают российские актеры, писатели, дипломаты.

Коллектив кафедры, состоящий из таких блестяще эрудированных русистов, дает своим студентам не только хорошую языковую подготовку, но и глубокие знания русской классической и современной литературы, истории, культуры, экономики и политики. Многие студенты увлекаются русским балетом, театром, ставят спектакли на русском языке. Среди выпускников кафедры – переводчики, сотрудники фирм, имеющих отношения с Россией, журналисты, дипломаты. Например, генеральные консулы Японии в Санкт-Петербурге господа Кавабата Ичиро и Ямамура Ёсихиро окончили университет Дзёти.

Ежегодно студенты этой кафедры приезжают по обмену на стажировку в наш университет, где занимаются не только русским языком, но слушают лекции по русской литературе, истории, музыке и т. д.

В свою очередь, студенты нашего вуза, изучающие японский язык, стажировались в университете Дзёти. Чрезвычайно полезно было для четырех наших студентов двухмесячное пребывание в университете Дзёти по гранту Японского

фонда с целью исследования на тему «Современные японские ученые о России».

Профессора Университета культуры и искусств Ольга Владимировна Сливичкая и Павел Алексеевич Подболотов приглашались в университет Дзёти для чтения лекций по русской литературе и истории. Лекции о культуре Японии читал в нашем вузе профессор Уда Фумио.

Одним из самых интересных и, по мнению профессоров и студентов наших университетов, значимых совместных проектов были трёхнедельные семинары «Русская культура», на протяжении 14 лет проводившиеся в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств для студентов-русистов университета Дзёти. За эти годы в нем приняли участие более 300 человек.

Программа семинара составлялась таким образом, чтобы ежедневное общение русских и японских студентов было ее неотъемлемой частью.

Цель семинара – не только углубить знания русского языка, но через углубление знаний русской культуры, общение со студентами и преподавателями Университета культуры и искусств попытаться изменить имеющиеся у многих японцев отрицательные представления о России и русских, сформировавшиеся под влиянием японских СМИ и некоторых негативных проявлений, с которыми сталкиваются иностранцы в России. В программу семинара, помимо занятий русским языком, были включены лекции по русской литературе, живописи, музыке. Например, «Достоевский», «Лев Толстой», «Тургенев», «Чехов», «Русский национальный характер в русской живописи и музыке», «Серебряный век русской культуры: живопись, музыка, архитектура», «Актуальные проблемы истории России XX века», «Русский романс», «История женского вопроса в России», «Чему и как учили царских детей в России», «Православие и русская художественная культура», «Основные проблемы русской философской мысли конца XIX – начала XX века», «Русские календарные и обрядовые праздники», лекция-концерт «Чайковский».

В культурную программу семинара, помимо традиционных

объектов, посещаемых иностранцами (Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор и т. д.), включены также поездки в древнерусские города (Великий Новгород, Псков), знакомство с русским фольклором: выступления фольклорных коллективов на берегу озера Ильмень или в деревне Выра, участие японских студентов в русских старинных фольклорных играх, обучение игре на русских народных инструментах, разучивание русских народных песен и танцев. Открытость и яркость чувств, которые проявляются в русской народной культуре, являющиеся откровением для молодых японцев и позволяют глубже понять многие черты национального характера современных русских.

Одно из самых незабываемых, по отзывам японцев, событий семинара – вечер в гостях у русских студентов нашего вуза, изучающих японский язык. Русские студенты за три недели общения с японскими друзьями проникаются мыслью, что каждый из них ответственен за то, как будут думать японцы о России после возвращения на родину. Этот вечер дает японцам возможность на собственном опыте почувствовать очарование русского гостеприимства и насладиться русской кухней, которую японские студенты успевают полюбить за три недели семинара, а самое популярное блюдо – блины – и научиться готовить, так как в программу семинара входит урок по их приготовлению.

Такое «чувственное проживание» русской жизни меняет отрицательные представления о России и для японских и русских студентов становится своеобразной школой единства человечества. В этом можно убедиться на прощальном вечере, где японские студенты в русских национальных костюмах, а русские студенты в кимоно с удовольствием исполняют русские и японские народные песни и танцы, играют на русских народных и японских традиционных инструментах.

Вот какие записи в книге отзывов на русском языке оставляли преподаватели, приезжавшие в качестве руководителей, и студенты:

«Дорогие и уважаемые гости!

От имени учащих нашей группы разрешите мне сказать несколько слов. Мы приехали в Ленинград в

историческое время, а завтра уезжаем из Санкт-Петербурга. Здесь мы не только слушали интересные, очень старательно прочитанные лекции и участвовали на интересных занятиях русским языком, но имели возможность также осмотреть прекрасные достопримечательности Северной Венеции. Нас особенно поразило гостеприимство, которое нам оказали преподаватели и студенты Института культуры. Мы слышали, что русский народ славится гостеприимством, и в этот раз мы уверились в этом. Разрешите мне сердечно поблагодарить вас за ваше внимание и за все, что вы сделали для нас.

Я не могу не надеяться, что отношения между университетом Дзэти и Институтом культуры, между японским и русским народами будут развиваться и цвести, как вишня, и что они станут сильными, как Александровская колонна» (профессор Янез Михелчич).

«Мы, преподаватели и студенты университета Дзэти, сердечно признательны вам всем за теплый приём, заботу и внимание, оказанные нам, несмотря на то, что ваша страна сейчас переживает тяжелые времена. Мы глубоко полюбили ваш город, где все говорит о богатой русской культуре. Он стал для нас второй родиной, и мы всегда с добрым чувством будем думать о нем, где бы мы ни были, и при первой возможности всегда в него возвращаться» (профессор Мори Сюнъити).

«Семинар был прекрасным, полезным и веселым. Все студенты остались довольными. Воспоминание об этом семинаре и о вашем прекрасном городе останется в них на всю жизнь. Мы очень благодарны всем» (профессор Уда Фумио).

«Я была очень счастлива здесь! Я люблю Петербург, люблю преподавателей, друзей, Марину и балет. Мой спутник жизни – русский балет! Благодарю вас всех. Мечтаю еще раз приехать сюда. Спасибо за все! Всегда буду вспоминать о вас и о Петербурге. С любовью» (Аяко Уэхара).

«Люблю тебя, Петербург! Влюбился по уши! Когда-нибудь вернусь. До свидания» (Охира).

«Целую Санкт-Петербург. Ждите меня. До встречи!» (Хина-та Хироки).

Прощальный вечер после семинара «Русская культура». Совместное выступление студентов СПбГУКИ и японских студентов в общежитии на Ланском шоссе

«Я люблю кашу. Я могу жизнь в России. Я никогда в жизни не забуду это лето. Большое спасибо» (Юко Аринобу).

«Я очень люблю Россию и русских. Мне очень нравится моя жизнь в России. Всё, что я видела, очень интересно и хорошо. Петербург – моя вторая родина. Я вернусь» (Матико Миямура).

«Я никогда не забуду этот семинар. Санкт-Петербург очень красивый город. Я не могла хорошо говорить по-русски, но понравилась Россия! Большое вам спасибо» (Юка Каваяти).

«Я хочу стать мостом между Японией и Россией» (Мизита).

Мы имеем уникальную возможность расширить этот опыт, поскольку в течение уже нескольких лет посещение нашего университета и встреча со студентами, изучающими японский язык, входит в программу японских студентов факультета международных отношений японского университета Нихон Дайгаку и японской молодежи, путешествующей на Pease Boat («Корабль мира»). Темы студенческих встреч и их сценарии заранее оговариваются двумя сторонами. Например: общая тема встречи – «Россия и Япония: диалог культур». Темы выступлений студентов СПбГУКИ на японском языке: «Представление о Японии и японцах в России», «Роль изучения культуры зарубежных стран для понимания культуры родной страны», «Палехская миниатюра», «Свадебные традиции в современной России», «Хайку и Чайковский» (чтение хайку о временах года японски под аккомпанемент произведений Чайковского из цикла «Времена года») и т. д. Темы выступлений японских студентов на японском языке: «Представление о России и русских в Японии», «Традиционный костюм в жизни современного японца», «Молодежная культура Японии», «Японские диалекты», «Современная традиционная японская музыка» и т. д.

После выступлений все делятся на группы по несколько человек и обсуждают проблемы жизни в деревне, трудоустройства молодежи, а затем начинается небольшой концерт – исполнение песен, традиционных русских и японских танцев.

ロシアの印象は180度変わりました。冷たい笑の中におたは思えて、私たちが笑った時にとても温かい人たちが私たちに優しく話してくれました。とても楽しい交流でした。日本のニュースではロシアは怖い国だといふ報道を聞いて、最初はロシアに怖かったけど、交流会をしたら、交流会のあとロシア人に対しては「いい人だ」と変わりました。ロシアの人たちはとても優しい人が多く、素晴らしい国です!! 私は日本に帰ったら、このことを私の両親や友達、大学の教授の人たちに伝えたいと思います!!!

«Мои представления о русских студентах изменились на 180 градусов. Раньше я думал, что русские – холодные и мрачные люди, но они оказались очень улыбчивыми, дружелюбными, очень сердечными, добрыми людьми, поэтому я получил огромное удовольствие от общения с ними. К тому же я понял, что образ мыслей, взгляды русских и японцев отличаются. Очень приятным для меня было то, что чувство юмора русских очень похоже на японское».

(Исихура Юго)

私は色々な国に行くことや人と交流することが大好きです。今回の交流会を以て、やはり私は人と交わることが好きなんだと改めて実感しました。日本のニュースではロシアは怖い国だといふ報道を聞いて、最初はロシアに怖かったけど、交流会をしたら、交流会のあとロシア人に対しては「いい人だ」と変わりました。ロシアの人たちはとても優しい人が多く、素晴らしい国です!! 私は日本に帰ったら、このことを私の両親や友達、大学の教授の人たちに伝えたいと思います!!!

«Я очень люблю путешествовать по разным странам и общаться там с людьми. И после сегодняшней встречи со студентами (Университета культуры и искусств) я вновь это почувствовала. В японских новостях Россия представлена как ужасно страшная страна, поэтому сначала я с опаской отнеслась к встрече с русскими студентами, однако после общения с ними мое представление о русских кардинально изменилось. Я поняла, что среди русских много очень добрых людей и что Россия – прекрасная страна!!! По возвращении в Японию обязательно расскажу об этом родителям, друзьям и преподавателям университета».

(Яцугури Юки)

Японские студенты привозят японские традиционные костюмы кимоно и юката, традиционные музыкальные инструменты сямисэн и бива и дают нашим студентам возможность примерить эти костюмы и поиграть на музыкальных инструментах.

После таких встреч между русскими и японскими студентами начинается общение, переписка, в которых уже нет языкового барьера и трудностей, связанных с

отсутствием межкультурной компетенции. Доказательство тому – записи, оставляемые в книге отзывов студентами факультета международных отношений университета Нихон Дайгаку.

Общение русских и японских студентов способствует успешному развитию русско-японских отношений в XXI веке. Санкт-Петербург, его красота, традиции, культура вносят огромный вклад в этот важный процесс.

От военного конфликта к истокам дружбы и взаимопонимания

А. И. Тихоцкий, М. А. Тихоцкая

В истории взаимоотношений между народами наибольший интерес всегда представляют страницы, относящиеся к первым контактам, а особенно те, которые повествуют о динамичных событиях, когда первоначальная вражда оборачивается дружбой и перспективами сотрудничества государств. И конечно же, этот интерес усиливается во время празднования юбилеев таких исторических событий.

История так называемого «инцидента Головнина» как раз и повествует о том, как еще не установившиеся русско-японские отношения были поставлены на грань войны, но взаимное доверие, мудрость и дружеские отношения двух людей помогли разрешить сложный международный конфликт мирным путем. В прошлом году было отпраздновано 200-летие этих событий.

Начать нужно с предыстории. В 1639 году «Указом о закрытой стране» в Японии была введена политика самоизоляции страны от внешнего мира, которая просуществовала до середины XIX в. Россия за это время предпринимала несколько попыток наладить торговые и дипломатические отношения с Японией. Одной из таких попыток была миссия А. Э. Лаксмана¹, снаряженная по указу Екатерины II в 1792 году. Другой попыткой было посольство Н. П. Резанова² в 1804 году, окончившееся полным провалом. Раздраженный Резанов приказал лейтенанту Н. А. Хвостову³ и мичману Г. И. Давыдову⁴ «попугать сахалинских японцев». Выполняя этот приказ, они на кораблях «Юнона» и «Авось» разграбили и сожгли японские селения на Сахалине и Итурупе. По возвращении в Охотск они были арестованы и осуждены «за самовольство противу японцев»⁵, но отношение японцев к русским было надолго испорчено. Они ждали, что вот-вот появится русская военная эскадра и начнет войну против Японии⁶.

Флота капитан Рикорд, плававший три раза к берегам Японии для освобождения русских пленных. Начало XIX в. Грав. А. Осипов. Российская национальная библиотека. Отдел эстампов. Инв. 6622

В. М. Головнин, первая половина XIX в. (Илл. из книги В. М. Головнина «Путешествие на шлюпе „Диана“ из Кронштадта в Камчатку...»)

В это тревожное время вблизи японских границ появился русский шлюп «Диана», производящий гидрографические исследования северной части Тихого океана. Капитаном шлюпа был В. М. Головнин⁷, а старшим помощником – его лучший друг П. И. Рикорд⁸.

Они были друзьями еще с Морского кадетского корпуса, вместе служили волонтерами в английском флоте. За плечами у них уже было плавание из Кронштадта в Камчатку, дерзкий побег из английского плена и плавание в Русскую Америку.

Сейчас им было поручено произвести опись Алеутских, Курильских, Шантарских островов и Приморского побережья. К этому времени они уже составили точную карту Курильских островов, детально описали каждый остров, открыли новый остров и два пролива. Оставалось исследовать Южно-Курильские острова.

5 июля 1811 года шлюп бросил якорь у острова Кунашир, чтобы пополнить запасы пресной воды и дров. Кроме того, Головнин не оставлял надежды наладить отношения с японцами. Японский гарнизон встретил гостей пушечными ядрами, но через несколько дней начальник острова пригласил русского капитана посетить крепость. 11 июля Головнин в сопровождении двух офицеров, четырех матросов и переводчика курильца поехал на встречу, но все они были захвачены в плен.

Рикорд принял на себя командование шлюпом. Сделав несколько тщетных попыток освободить товарищей, он отправился в Охотск, доложил о происшедшем, а затем решил ехать верхом через всю Россию в Петербург хлопотать об освобождении Головнина⁹. Но уже в Иркутске он был остановлен гражданским губернатором, который заявил, что для освобождения русских моряков и восстановления чести русского флага должна быть

Шлюп «Диана», 1985 г. Художники: Е.В. Войшвилло, Б.М. Стародубцев. Музей мирового океана

отправлена специальная экспедиция, подготовка к которой требует определенного времени, а Рикорду следует вернуться в Охотск для продолжения службы.

Тем временем пленных русских моряков заключили в тюрьму г. Хакодате, а затем перевели в г. Мацумаэ. К ним были приставлены чиновники, которые выведывали различные сведения, начиная от

грамматики русского языка до законов физики и астрономии¹⁰. Они понимали, что Япония за время своей самоизоляции сильно отстала от европейских стран, и хотели использовать пребывание в плену такого высокообразованного офицера, как Головнин. Для русских моряков плен был очень мучителен. Понимая безвыходность своего положения, они решились на побег,

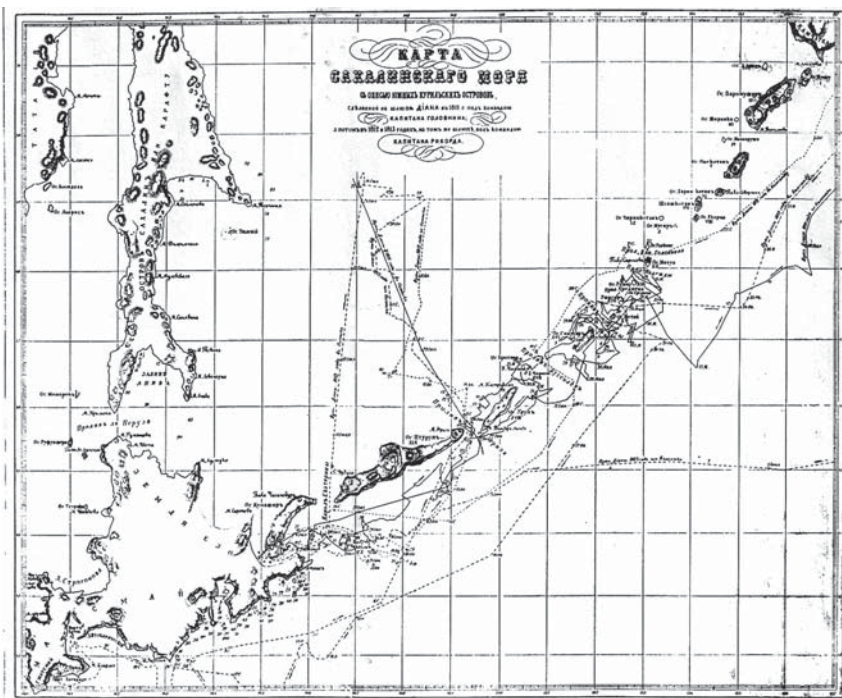
но были схвачены, возвращены в тюрьму и содержались далее в более строгих условиях. Но и после этого Головнин и его товарищи не потеряли присутствие духа и на протяжении всего времени пребывания в плену собирали сведения о почти неизвестном в то время японском государстве и японском народе, его законах и обычаях.

А тем временем Рикорд предпринимал все от него зависящее, чтобы освободить своего друга. Он добился разрешения продолжить прерванную экспедицию, в которую взял в качестве переводчика японца Леонзаймо, вывезенного в Россию Хвостовым, и шесть японских моряков, спасенных при кораблекрушении. В этот раз, кроме шлюпа «Диана», был снаряжен также бриг «Зотик». Ни у кого не возникало сомнений, что нужно не только принять меры для освобождения пленников, но и восстановить поруганную честь русского флага, а если же наши моряки убиты, то применить силу для «примерного наказания».

22 июля 1812 года шлюп «Диана» и бриг «Зотик» вышли из Охотска и через месяц прибыли в залив Измены. Так было названо место пленения любимого капитана. Крепость опять встретила их пальбой из пушек. Рикорд по очереди отпускал привезенных японских матросов с записками, чтобы разузнать о судьбе пленников. И вот 5 сентября 1812 года Леонзаймо, вернувшись на корабль, сообщил ужасную весть, что капитан Головнин и все прочие убиты. По сути дела, в этот момент отношения между странами были поставлены на грань войны.

В военном плане ситуация коренным образом отличалась от прошлогодней. Во-первых, экипаж «Дианы» был значительно увеличен, а на борту «Зотика», кроме экипажа, был морской десант. Во-вторых, сейчас это была специальная экспедиция с определенными целями и известным маршрутом, и правительство знало, где ее искать в случае невозвращения. В-третьих, в прошлом году русские моряки опасались своими действиями нанести вред своим товарищам. Сейчас же навредить им было уже невозможно, но отомстить за них необходимо.

Однако Рикорд, не вполне доверяя хитрому и неискреннему

Карта Сахалинского моря. Первая треть XIX в. (Илл. из книги В. М. Головина «Путешествие на шлюпе "Диана" из Кронштадта в Камчатку...»)

Японцы ведут связанных русских моряков (японское название: 俄羅斯人捕之図). Начало XIX в. Японский художник. Библиотека Университета Васэда, Токио (早稲田大学図書館)

Леонзаймо, отложил начало военных действий до получения более надежных сведений.

7 сентября русские моряки задержали японское судно «Кандза-Мару» с богатым и влиятельным японским купцом Такадая Кахэй¹¹ на борту, который уверенно заявил, что русские живы и находятся в городе Мацумаэ. Рикорд понял, что нужно искать новые подходы к задаче освобождения русских моряков, и решил взять Кахэй с собой в Россию.

С самого начала Рикорд обращался с ним не как с пленником, а как с гостем. Он разместил его в своей каюте, а по прибытии в Петропавловск Кахэй, к своему великому удивлению, не был отправлен в тюрьму, а поселен в «...одних покоях с большим начальником русского императорского судна»¹². Долгой камчатской зимой они учились понимать друг друга, доверять друг другу, уважать неведомые ранее законы, обычаи и традиции.

Такадая Кахэй был весьма образованным, богатым и влиятельным японским купцом и общественным деятелем. Он объяснил, что пленение Головнина было напрямую связано с действиями Хвостова и Давыдова. Выяснилось также, что по законам закрытой Японии освобождение пленников является невозможным, но даже если предположить это, то потребуются официальные заверения, что действия Хвостова и Давыдова не были связаны с

Такадая Кахэй (Такадай-Кахи). Начало XIX в. Русский художник (Илл. из книги П. И. Рикорда «Записки Флота Капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах, и о сношениях с Японцами». СПб., 1851)

правительственными заданиями и в настоящее время они уже наказаны русским правительством.

Кахэй также объяснил Рикорду, что в закрытой Японии, где дальних плаваний не было вообще, понятие о капитане как о представителе центральной власти отсутствовало. Вот если бы Рикорд был владельцем большого земельного владения или управляющим обширной территорией, к нему в Японии было бы большое уважение.

Поэтому Рикорд решил с началом навигации идти в залив Измены и высказать японцам позицию русского правительства, причем для большей убедительности сделать это в ранге начальника Камчатской области, функции которого как раз этой весной ему были поручены иркутским губернатором. Так и было сделано. Сразу после прибытия на Кунашир стало известно, что начальник острова желает встретиться с Кахэем. Отправляя его на эту встречу, Рикорд отдал половину разрезанного своего платка и сказал: «Кто мне друг, тот через день, два и не долее трех принесет ко мне другую половину». Такадая отвечал твердым и уверенным голосом, что одна смерть может воспрепятствовать ему это исполнить и «не через день, а завтра поутру непременно возвращусь к тебе на корабль...»¹³. На следующий день Такадая вернулся, размахивая платком, привязанным к концу сабли, и привез приятные известия, что все русские живы. Письмо, привезенное Рикордом, было послано матсуйскому губернатору. В ожидании ответа Кахэй регулярно приезжал на корабль и разъяснял Рикорду обычаи японцев, а кунаширскому начальству – поведение русских, что намного ускорило переговоры.

В качестве условия освобождения японские власти потребовали, чтобы в официальном документе было написано, что действия Хвостова и Давыдова были самовольными и не одобрялись русским правительством и что вещи и оружие, захваченные ими, не будут использоваться в качестве трофеев. Этот документ следовало привезти в Хакодате, куда будут переведены пленники. «Диана» понеслась на всех парусах в Охотск, чтобы успеть совершить до наступления зимы еще три морских перехода: Кунашир – Охотск, Охотск – Хакодате и Хакодате – Петропавловск.

Подготовка к новой экспедиции была рекордно короткой, и Рикорд снова отправился к берегам Японии. Во время этого перехода страшная буря так далеко унесла «Диану» в Тихий океан, что Рикорду пришлось проработать запасной вариант зимовки на Гавайских островах. Наконец русскому кораблю удалось достичь бухты Хакодате, где его встретил Такадая Кахэй, которому

было поручено подготовить переговоры.

Рикорд привез официальную бумагу от начальника Охотской области, а также письмо и подарок для матсмайского губернатора. Согласование церемониала встречи заняло несколько дней и во многом заложило фундамент дипломатического этикета для будущих контактов. До сих пор подобных встреч практически не было, а представления о чести и достоинстве у европейцев и у японцев очень отличались, а иногда противоречили друг другу. В этом процессе согласования мудрый Такадая Кахэй сыграл очень важную роль.

Из всего множества процедурных вопросов упомянем здесь только один забавный факт. Подготовка к переговорам зашла в тупик в самой своей последней фазе. Японцы не могли допустить, чтобы иностранцы вошли в сапогах в аудиенц-залу, где важные чиновники будут сидеть на полу. Они предложили снять сапоги при входе и остаться в чулках. А Рикорд понимал, что все детали будут подробно зарисованы, и не хотел, чтобы русские офицеры выглядели в комичном виде. Такадая Кахэй был в отчаянии – все усилия по достижению договоренности могут пропасть даром из-за такого противоречия в традициях и понятиях этикета. Тогда Рикорд нашел компромиссное решение. Он приказал матросам привезти со шлюпа на берег кресло и сменные сапоги. Русская делегация должна была идти по улице в одних сапогах, нарочито грубых, а в прихожей переобуться в другие, которые были названы «кожаными чулками».

Японские власти высоко оценили этот компромисс: с одной стороны – настойчивость в соблюдении своих законов чести, с другой стороны – уступчивость и уважение национальных традиций. А добрый Такадая Кахэй был просто в восторге.

После этой встречи события развивались очень быстро. Уже 7 октября 1813 года состоялось торжественное освобождение Головнина и других русских моряков из японского плена.

Понимая важность установления межгосударственных и торговых отношений между Россией и Японией, Рикорд предпринял ряд

Рикорд в «кожаных чулках» (японское название: 北夷談付図).
Начало XIX в. Автор: Мацуда Дендзюро (松田伝十郎).
Национальный архив Японии (国立公文書館)

важных шагов для будущих контактов. Им была организована целая череда приемов на борту «Дианы»: чиновники всех уровней, купцы и горожане в течение нескольких дней посещали шлюп, и все они неизменно встречали здесь гостеприимство и доброжелательность, покидая корабль с подарками и хорошими впечатлениями о русских людях.

Для будущих русско-японских отношений большое значение имело и то, что русские в день отправления из Хакодатэ вручили японцам бумагу «О сношении между Россией и Японией», которая была принята с восхищением и заверением, что «на будущий год непременно будет дан благоприятный ответ...».¹⁴

Таким образом, первый русско-японский договор о дружбе и сотрудничестве мог быть подписан почти на полвека раньше, чем это было сделано Путятиным в 1855 году. Но этого не случилось по ряду причин, не зависящих от воли героев «инцидента Головнина».

В результате долгих и непрерывных плаваний «Диана» пришла в такую ветхость, что после освобождения русских пленников Рикорд хотел зазимовать в порту Хакодатэ, чтобы избежать осенних штормов. Но Головнину после плена, продолжавшегося два года, два месяца и 26 дней, не хотелось оставаться на чужой земле ни одного дня, и он уговорил своего друга riskнуть.

По пути на Камчатку «Диана» перенесла еще один ужасный ураган, однако уже 3 ноября 1813 года прибыла благополучно в Петропавловскую гавань.

Так закончилось славное дело освобождения Головнина из японского плена и восстановление чести русского флага. Своими благородными и вместе с тем твердыми действиями Рикорд загладил в глазах японцев буйные поступки Хвостова и Давыдова и восстановил достоинство русского посла.

За эти заслуги Рикорд был награжден досрочным производством в чин капитана 2-го ранга и пожизненным пенсионом в 1500 рублей. По Высочайшему повелению был нарисован его портрет. Книги «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами» и «Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев» были переведены на многие европейские языки и неоднократно переиздавались. Они стали важнейшим источником знаний о Японии для европейцев. И хотя Япония оставалась «закрытой страной» еще почти полвека, ее «открытие» в информационном смысле состоялось именно тогда.

«Инцидент Головнина» не утратил своего исторического значения и в наше время. В первую очередь потому, что он создал прецедент разрешения сложного конфликта, поставившего страны на грань войны, мирным путем. Это очень хорошо понимают в Японии и считают Такадая Кахэя своим национальным героем. Его широкая известность и всеобщая любовь обусловлена в немалой степени тем, что классик японской литературы Сибя Ретаро подробно описал его жизнь в своем романе «Нанохана-Но-Оки». На

русский язык роман не переведен, но название его можно передать так: «Открытое море перед морем цветов рапсового поля».

В Хакодате Такадая Кахэю посвящены два музея: мемориальный, где хранятся его личные вещи, портреты, скульптуры, макеты судов, и исторический, где собраны материалы по истории северных земель. В центре города ему установлен памятник. Каждый год в конце июля перед ним проводится красочная церемония «Праздник Такадая Кахэй».

На острове Авадзи, в городке Госики (сейчас часть г. Сумото) также бережно хранят память о своем национальном герое. Здесь находится дом-музей его родителей и макет его судна в натуральную величину, а также мемориал «Нанохана Холл», объединяющий функции архива, музея и выставочного комплекса. В горной части парка, окружающего мемориал, находится могила Такадая.

В августе 1996 года в городе Госики был открыт памятник японо-русской дружбе, сделанный русскими скульпторами Ю. Воловиковым и С. Михеевым.

В 1999 году на родине Такадая Кахэя на острове Авадзи состоялась первая историческая встреча потомков героев «инцидента Головнина». В ней участвовали: Такада Касити – потомок Такадая Кахэя, П. А. Головнин – потомок В. М. Го-

Памятник «Рикорд и Такадая в Петропавловске-Камчатском обсуждают пути освобождения Головнина» в городе Сумото. Дата съемки: 26.10.2013. Архив семьи Тихоцких

ловнина, и А. И. Тихоцкий – потомок П. И. Рикорда. Она стала возможной благодаря стараниям почетного профессора Окаямского университета Коичи Ясуда и поддержке мэра города Госики Сунао Осаму.

Это событие вызвало в Японии большой общественный резонанс и закончилось приемом в официальной резиденции премьер-министра Японии Кейдзо Обути, который назвал участников встречи «послами мира» и сказал: «Вам надо дружить,

и не просто дружить втроем, а вовлекать в эту дружбу большое число людей...»

Тогда впервые прозвучала идея побратимских отношений между Госики и Кронштадтом, и спустя два года договор был заключен.

В рамках этих отношений был осуществлен ряд культурных мероприятий, включающий обмен молодежными делегациями, выставками, а также установку в Сумото и Кронштадте одинаковых памятников «Рикорд и Такадая в Петропавловске-Камчатском обсуждают пути освобождения Головнина», созданных петербургскими мастерами Н. А. Максимовой и Т. В. Дмитриевой.

В серии «300 лет Российскому флоту» была выпущена медаль «В память о Курильской эпопее», выполненная петербургским медальером Г. П. Постниковым.

В июле 2001 года на родине П. И. Рикорда в городе Торопце состоялась юбилейная научно-практическая конференция, посвященная 225-летию со дня его рождения. К ней куратор мемориала «Нанохана Холл» Томоюки Сайто подготовил доклад с символическим названием «От залива Измены к морю цветов рапсового поля», в котором проанализировал состояние исторической памяти. Во время юбилейных мероприятий был от-

Первая встреча потомков героев «инцидента Головнина» (слева направо: профессор Коичи Ясуда, П. А. Головнин, Касити Такада, А. И. Тихоцкий). Дата съемки: 24.10.1999. Архив семьи Тихоцких

крыт первый памятник Рикорду в России. В том же году заслуженный художник России В. Г. Сидоренко выполнил юбилейную плакету, а затем сделал скульптурный портрет П. И. Рикорда.

В 2006 году по ходатайству Русского географического общества, в результате экспедиции В. И. Меншикова, трем ранее безымянным горам на Камчатке были присвоены имена Головнина, Рикорда и Кахэя.

В июле 2009 года состоялась вторая «встреча потомков», ровно через десять лет после первой, и проходила она в Петропавловске-Камчатском, в природном парке «Налычево», у подножия гор, названных именами их великих предков.

И снова, как и десять лет назад, «встреча потомков» подтолкнула и ускорила другие процессы: началась подготовка к празднованию 10-летия установления побратимских отношений между Сумото и Кронштадтом и 200-летия успешного разрешения «инцидента Головнина».

В России 200-летие «инцидента Головнина» отмечалось в 2013 году в Петропавловске-Камчатском, в городе Головнино, в Москве, Санкт-Петербурге, Кронштадте, Торонто и Рязани.

Но главным событием юбилейного года стал семинар «Наш сосед – Россия: связи на уровне простых людей». Во имя доверия и дружбы», состоявшийся в Японии в городе Сумото в октябре 2013 года.

Поездка российской делегации была организована администрацией города Сумото и Японо-российским центром молодежных обменов. В ней приняли участие Павел Штрек, советник по экономическим вопросам главы администрации Кронштадта, и студентки факультета международных отношений СПбГУ: Мария Тихоцкая, Карина Баишева, Светлана Столярова и Анастасия Терехова.

Японо-российский семинар проходил в форме дискуссии. Среди участников были Иссэй Номура (бывший посол Японии в России), Александр Панов (бывший посол России в Японии), Митихиро Такэути (мэр города Сумото), Кадзухиро Сано (представитель японской молодежной делегации, которая посетила Кронштадт год назад), Косаку Таката (представи-

Вторая встреча потомков у подножия гор, названных именами их предков (слева направо: П. А. Головнин, Касити Такада, А. И. Тихоцкий).
Дата съемки: 16.07.2009. Архив семьи Тихоцких

тель Общества почитателей Такада Кахэй) и члены российской делегации. Вел семинар Эиджи Тагути, исполнительный вице-президент Японского фонда.

В процессе обсуждения Александр Панов сказал, что он хотел бы, чтобы между Россией и Японией исчезли границы, как сейчас произошло в Европе. Тогда станет неважно,

чья это территория. Искренность и связь между сердцами помогут решить любые проблемы. Номура Иссэй в своей речи рассказал о проведении фестиваля японской культуры в России десять лет назад. Еще тогда он заметил колоссальный интерес к японской культуре в самых разных аспектах: театр, кулинария, история. Номура Иссэй сказал:

Японо-российский семинар «Наш сосед – Россия: связи на уровне простых людей. Во имя доверия и дружбы».
Дата съемки: 26.10.2013. Архив семьи Тихоцких. Публикуется впервые

«У каждой страны есть свои хорошие стороны, и мы должны обращать внимание именно на них. Это позволяет комфортно жить в любой стране и настраиваться на позитивное отношение друг к другу». Кадзухиро Сано показал презентацию о поездке японской молодежной делегации в Кронштадт в прошлом году.

В рамках пребывания в Японии участники посетили администрацию г. Сумото, где мэру Сумото Такеучи Мичихиро были вручены памятные подарки от мэра Кронштадта Терентия Мещерякова, приветственный адрес от мэра Торопца Николая Аввакумова и детские работы Дома детского творчества города Торопца.

Среди других официальных мероприятий состоялось возложение цветов на могилу Такадая Кахэя, посещение усадьбы его родителей, открытие выставки «Япония глазами русского посла, Россия глазами японского посла», на которой были представлены фотографии, сделанные Александром Пановым и Исэй Номура во время их пребывания в Японии и России соответственно. Очень символичной была церемония посадки дерева участниками семинара в парке Такадая Кахэй.

Много времени было предусмотрено на общение российской молодежной делегации со школьни-

ками и студентами городов Сумото, Кобе и Киото. В программе были мастер-классы по приготовлению японских блюд, уроки каллиграфии и икебаны, знакомство с традиционными японскими играми, игра на барабанах, совместное посещение достопримечательностей и музеев, проведение дружеских вечеров.

В городе Кобе с российской делегацией встретился Тосицугу Сайто, бывший ранее депутатом японского парламента, а затем министром обороны Японии.

К 200-летию юбилею был выпущен интересный памятный сувенир. Он напрямую связан с событиями 1813 года, когда Рикорд, отпуская Кахэя с «Дианы» на японский берег, разорвал свой платок и вручил ему половинку. «Одна только смерть помешает мне выполнить это», – ответил тогда Кахэй и на следующий день вернулся на корабль, размахивая половинкой платка, привязанной к сабле. После смерти адмирала Рикорда, в 1855 году половинка платка была найдена среди японских бумаг его архива. На ней рукой Петра Ивановича было написано: «Дайзи-Нокото – залог дружбы японца Такатая-Кахи»¹⁵.

В 1999 году на первой встрече потомков «инцидента Головнина» в Японии, потомок Рикорда, Анатолий Тихоцкий, разорвал свой платок

Сувенир «Дайзи-Нокото – залог дружбы японца Такатая-Кахи». Дата съемки: 03.11.2013. Архив семьи Тихоцких

и отдал половинку потомку Кахэя, Касити Такаде, как символ дружбы и сотрудничества. Ровно через десять лет на вторую встречу на Камчатке у подножья гор Русско-Японской дружбы потомки привезли эти половинки и обменялись ими.

После смерти Такады вторая половинка была утрачена. Совместно с куратором мемориала «Нанохана-Холл» Томоюки Сайто было решено создать памятный сувенир. Сейчас он вручается как символ дружбы и сотрудничества в сохранении исторической памяти об этой важной странице русско-японских отношений.

¹ Лаксман Адам Эрикович (1766 – после 1796) – армейский поручик, глава первой российской миссии в Японию.

² Резанов Николай Петрович (1764–1807) – камергер, один из руководителей Российско-американской компании (РАК).

³ Хвостов Николай Александрович (1776–1809) – лейтенант русского флота на службе РАК.

⁴ Давыдов Гавриил Иванович (1784–1809) – мичман, впоследствии лейтенант русского флота на службе РАК.

⁵ Подробнее см.: Комиссаров Б. Н. Морские офицеры Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов: штрихи к печальному эпизоду в истории русско-японских отношений 1806–1807 годов // Японоведческие исследования – 2010: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 8–9 окт. 2010 г. СПб., 2010. Ч. 1. С. 108–121.

⁶ Кожевникова И. П. Знаменательная встреча Василия Головнина и Такадая Кахэй: Давняя страница русско-японских отношений // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 114–129.

⁷ Головнин Василий Михайлович (1776–1831) – капитан-лейтенант, впоследствии вице-адмирал, ученый, писатель, государственный деятель.

⁸ Рикорд Петр Иванович (1776–1855) – капитан-лейтенант, впоследствии полный адмирал, флотоводец, ученый, дипломат, кораблестроитель, государственный и общественный деятель.

⁹ Мельницкий В. П. Адмирал П. И. Рикорд и его современники. СПб., 1856. С. 127.

¹⁰ Головнин В. М. Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, и жизнеописание автора. СПб., 1851. С. 94.

¹¹ Такадая Кахэй (яп. 高田屋 嘉兵衛 1769 – 1827) – японский коммерсант и общественный деятель.

¹² Рикорд П. И. Записки Флота Капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах, и о сношениях с Японцами. СПб., 1851. С. 37.

¹³ Рикорд П. И. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ Цит. по: Мельницкий В. П. Адмирал П. И. Рикорд и его современники. СПб., 1856. С. 214.

¹⁵ В этой надписи словосочетание «Дайзи-Нокото» является ценным историческим автографом, сделанным два века назад, то есть за век до появления русских транскрипций японского языка Е. Г. Спальвина, Д. М. Позднеева и Е. Д. Поливанова.

Спуск на воду шхуны «Хеда»

Петербург — Симода: миссия успешна

Г. А. Гребенщикова

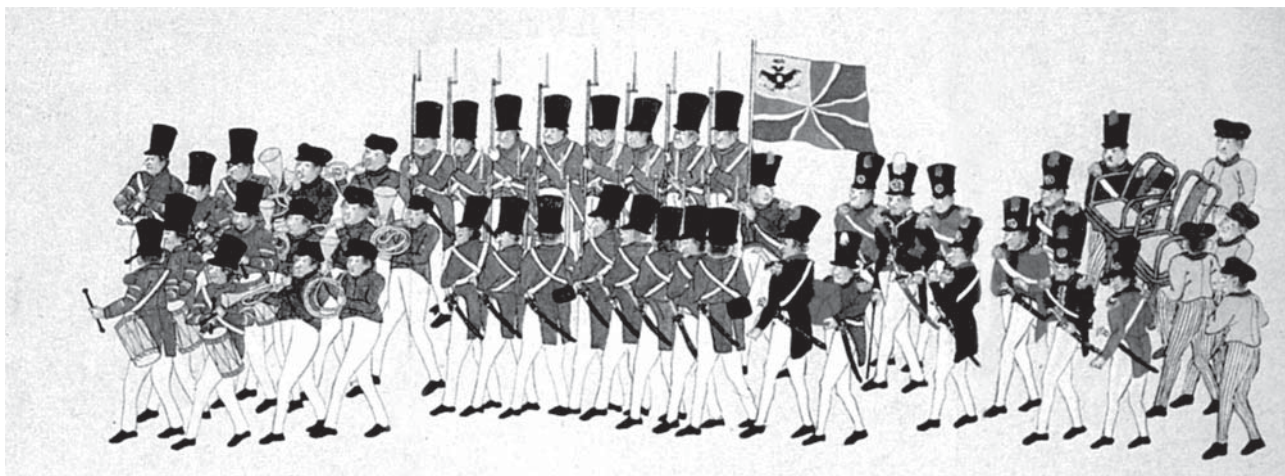
В конце 1840-х – начале 1850-х годов в результате бурного развития промышленности и технического прогресса на Западе происходил интенсивный процесс наращивания темпов ведущих отраслей экономики и рост военного производства. Эти и другие причины побудили прежде всего Северо-Американские Соединенные Штаты начать расширение сферы экономических и военно-стратегических интересов и обратить внимание на Японию, закрытую в то время для иностранных держав. Такая позиция не могла остаться незамеченной в России, которая также стремилась проводить собственную геополитику в Тихоокеанском регионе и обеспечить безопасность русским владениям в Восточной Азии и в западной части Северной Америки.

В феврале 1852 года генерал Н. Н. Муравьев подал великому князю Константину Николаевичу (генерал-адмиралу Российского флота) записку, в которой изложил мысли по поводу опасности, исходившей от вероятной военной и экономической экспансии Англии и Соединенных Штатов в Японию и Китай и превращения их – уже в ближайшей перспективе – в свои колонии. «Китай и Япония делаются постепенно добычей англичан и американцев, – писал Н. Н. Муравьев. – Мысли этих предприимчивых народов быстро осуществляются. Об английских пароходах я уже говорил прежде, американские в будущем уже лете понесутся по океану в Японию, вооруженные и готовые к бою»¹.

Эти и другие высказывания видных военных и государственных

деятели России способствовали принятию русским правительством мер по укреплению позиций на Тихом океане. Для успешного осуществления поставленных задач в Петербурге разработали генеральную концепцию политики России в указанном регионе и незадолго до начала Крымской войны приступили к ее практической реализации.

В апреле 1852 года император Николай I санкционировал учреждение Особого Комитета по вопросам политики России на Дальнем Востоке. В состав Комитета вошли великий князь Константин Николаевич, начальник Главного морского штаба Е. И. В. князь А. С. Меншиков, глава российского МИДа граф К. В. Нессельроде, военный министр граф А. И. Чернышев, управляющий Министерством финансов

Торжественная процессия русского посольства. 1854 г.

П. Ф. Брок, директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин и другие. На повестку дня члены Комитета вынесли следующие основные положения: 1. Северо-Американские Соединенные Штаты прилагают огромные усилия для того, чтобы заключить с Японией торговый договор; 2. Стремительно увеличивается количество американских китобойных судов у берегов Японии; 3. По дошедшей до Петербурга информации, правительство США готовит тихоокеанскую эскадру военных судов. Несколько позже правительству Николая I стало точно известно, что американцы ежегодно расходуют до трех миллионов долларов на содержание свыше 700 китобойных судов в Тихом океане и что они уже установили пароходное сообщение с Азией. Следовательно, теперь американским судам требовались гавани с якорными стоянками, угольные станции и пристанища для экипажей².

Секретные слушания в Особом Комитете по японским делам продолжались в течение месяца. В майском докладе императору члены Комитета подчеркивали: «Снаряжаемая Северо-Американскими Соединенными Штатами морская экспедиция к берегам Японии обращает теперь на себя всеобщее внимание. Сведения, какие Министерство Иностранных дел имеет о сем предприятии, состоят в следующем. Американские Соединенные Штаты, как и многие другие державы, давно желают вступить в торговые сношения с Японией и заставить Японское Правительство отказаться от принятой им системы отчуждения от прочих наций. Присоединение к Американским владениям Калифорнии и развивающаяся с быстротою торговая и промышленная там деятельность еще более побуждают американцев желать для торговли своей иметь доступные на берегах Японии места, а также удобные пристани для китоловных судов в Северной части Тихого океана. Необходимость приставать к берегам Японии и негостеприимный прием, который им всегда делан, послужили американцам предлогом к отправлению в 1846 году небольшой экспедиции, видимая цель которой была освободить задержанных японцами нескольких американцев и попы-

Портрет графа Е. В. Путятин.
Неизвестный художник

таться миролюбивыми средствами склонить Японское Правительство к открытию торговых сношений с Американскими Штатами»³.

Американская экспедиция, отправленная в 1846 г. в Японию, не добилась желаемого успеха. Начальника экспедиции японцы приняли самым учтивым образом, вежливо выслушали, снабдили всеми необходимыми припасами, вернули американских граждан, оказавшихся по разным причинам в Японии, но при этом объявили, что с иностранными государствами они «не могут входить ни в какие сношения, ни политические, ни торговые». Такой ответ не удовлетворил американцев, и по прошествии шести лет президент Северо-Американских Штатов М. Филмор подписал постановление о повторной экспедиции к берегам Японии, но уже «в таком размере, чтобы она числом судов и вооружением, могла утратить Японское Правительство»⁴. Эскадра под командованием командора М. Перри (флагманский «Миссисипи») состояла из шести судов – трех больших пароходов, двух военных судов и вооруженного транспорта. Перри поставили задачу добиться согласия правительства Японии на установление с Америкой торговых отношений и открытия портов для американских торговых судов; в противном случае Перри имел инструкции руководства вынудить японцев выполнить предъявленные требования «силою оружия»⁵.

Анализируя полученную информацию, в Зимнем дворце рас-

суждали: «В предположении, что экспедиция сия против Японии может иметь следствием изменение политической системы сего Государства, доселе недоступного для прочих наций», необходимо принять срочные меры для достижения собственных целей в Японии и обеспечения безопасности российских владений у восточных берегов Сибири и на Курильских островах, а также колоний Российско-американской компании⁶. Отстаивать интересы Российской державы на Тихом океане в Петербурге решили с подготовки и организации в кратчайшие сроки своей экспедиции в Японию, и поручить ее вице-адмиралу Е. В. Путятину. Выбор на Е. В. Путятину пал не случайно. Ефим Васильевич приобрел хороший практический опыт за годы службы под командованием известного моряка Михаила Петровича Лазарева, впоследствии Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя. В 1822–1825 годы на фрегате «Крейсер» они совершили кругосветное плавание, а в 1827 году также вместе с М. П. Лазаревым принимали участие в сражении под Наварином против турецко-египетского флота.

В середине августа 1852 года Е. В. Путятин получил главные инструкции руководства. В «секретной инструкции по Морской части», подписанной начальником ГМШ князем А. С. Меншиковым, говорилось, что Путятин избран «исполнителем видов нашего правительства для установления по-

Фрегат «Паллада» в Нагасаки

литических и торговых связей с Японией». Меншиков предписывал ему выяснить обстановку у побережья русских владений в Восточной Азии и в западной части Северной Америки, «где постоянно и особенно в последние годы увеличивается число чужеземных китоловов, и с осторожностью осмотреть остров Сахалин. Разрешается зайти в Ост-Индские колонии Англии и оттуда пароходными сообщениями, через Черное море, Суэц, Каир и Александрию отправить в Санкт-Петербург нарочного с донесением о действиях вашей экспедиции»⁷.

Далее А. С. Меншиков пояснял, что отряд будет формироваться по пути следования в Японию. Из Кронштадта Путятин отплывет на частном английском пароходе, а по прибытии в Англию приобретет паровое судно. Там же в Англии к нему присоединится фрегат «Паллада», который выйдет из Кронштадта чуть позже, а в Тихом океане в подчинение Путятину поступят корвет Камчатской флотилии «Оливуц» и транспортное судно Российско-американской компании «Князь Меншиков».

В инструкциях главы МИД К. В. Нессельроде разъяснялось, что посылка американской экспедиции ускорила решение императора Николая I предпринять попытки добиться от японского руководства открыть один из северных портов Японии для вывоза продовольствия в колонии Российско-американской компании и на Камчатку – в обмен на товары, необходимые японцам. Особо в инструкциях подчерки-

Уничтожение города Симода в результате землетрясения 11 декабря 1854 года

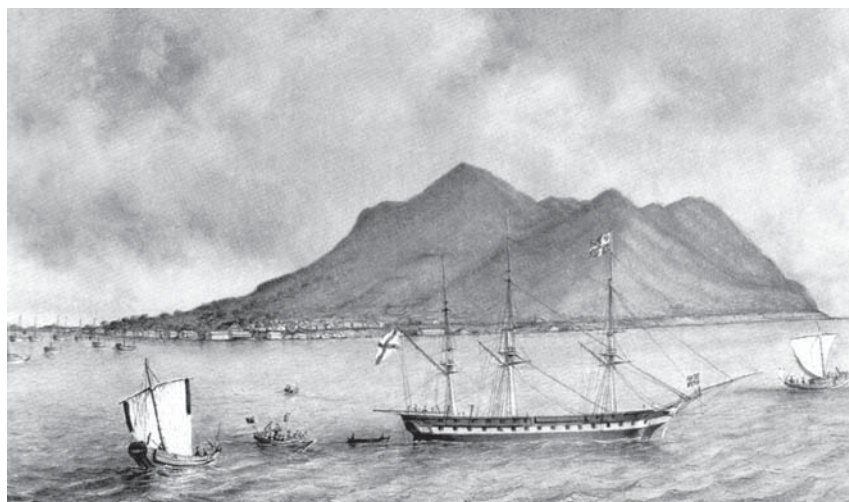
валось: переговоры с японцами вести исключительно в мирном русле, путем убеждения их в обоюдной выгоде от установления торговых отношений, и соблюдать дипломатический такт. «Достижение всех целей во время вашего плавания должно быть только путями переговоров и мирных средств, воздерживаясь от всяких неприязненных действий», – наставлял Путятину Нессельроде⁸. «Зная упорство Японского Правительства, и до какой степени оно чуждается всяких сношений с иностранцами», в Петербурге понимали, что выполнить поставленные задачи адмиралу будет непросто. Тем не менее, выразили надежду на то, что он приложит к тому все усилия и с честью выполнит воз-

С. С. Лисовский – командир фрегата «Диана»

ложенную на него ответственную государственную миссию⁹. Еще одним пунктом инструкции значился возврат на родину нескольких японцев, потерпевших кораблекрушение вблизи российско-американских колоний.

Отдельно Николай I продиктовал обращение к японскому императору, где подчеркнул дружественный характер посольства генерал-адъютанта и вице-адмирала Е. В. Путятина, выразил надежду на понимание значимости этого вопроса для обеих держав и просил разрешения открыть порты для обмена товарами.

Фрегат «Диана» на рейде Хакодате

По высочайшему распоряжению Путятину выдали на расходы по экспедиции 325 тысяч рублей серебром – сумму по тем временам достаточно приличную. Из этих денег ему разрешалось потратить до 51 тысячи рублей (около восьми тысяч фунтов стерлингов) на покупку в Англии паровой шхуны для посылки и различных поручений, а сверх указанной суммы Путятин получил в личное распоряжение (на подъем, как тогда говорили) три тысячи рублей. Николай I позволил ввести на фрегате «Паллада» некоторые передовые технические изменения, принятые в английском флоте¹⁰.

Пока шла подготовка «Паллады» и укомплектование ее экипажем, Ефим Васильевич на частном пароходе отплыл из Кронштадта в Англию. По прибытии в Портсмут, он первым делом выехал в Лондон, в российское посольство, и просил генерального консула Е. И. Кремера оказать содействие в приобретении шхуны, желательной новой постройки. Консул сообщил, что в Англии как раз находится российский корабельный инженер подполковник К. Швабе, которому он и поручит это задание. Швабе совершил поездку в Бристоль, где за 3375 ф. ст. (около 21 тыс. руб.) купил железную шхуну «Fearless» с винтовым двигателем и мощностью машины в 40 л.с.; Путятин одобрил судно и переименовал его в «Восток». Таким образом, экономия средств на покупку шхуны составила 30 тысяч¹¹, что позволило адмиралу приобрести на эти деньги английские пушки для вооружения фрегата «Паллада».

30 октября (11 ноября) на Спитхедском рейде Портсмута бросил якорь российский фрегат «Паллада». Его команда состояла из 22 человек офицеров, включая командира капитан-лейтенанта И. С. Унковского, и 439 нижних чинов. Кроме членов экипажа, на борту фрегата находились адъютант Е. В. Путятин капитан-лейтенант К. Н. Посьет, архимандрит Александр-Невской лавры Аввакум, хорошо знавший китайский язык, представитель Департамента внешней торговли И. А. Гончаров и два чиновника – от МИДа и Министерства финансов. По пути следования в Англию, проходя мелководный Балтийский Зунд, фрегат наскочил на мель, в результате чего в подвод-

ной части повредилась медная обшивка, и Путятин принял решение вести судно в док.

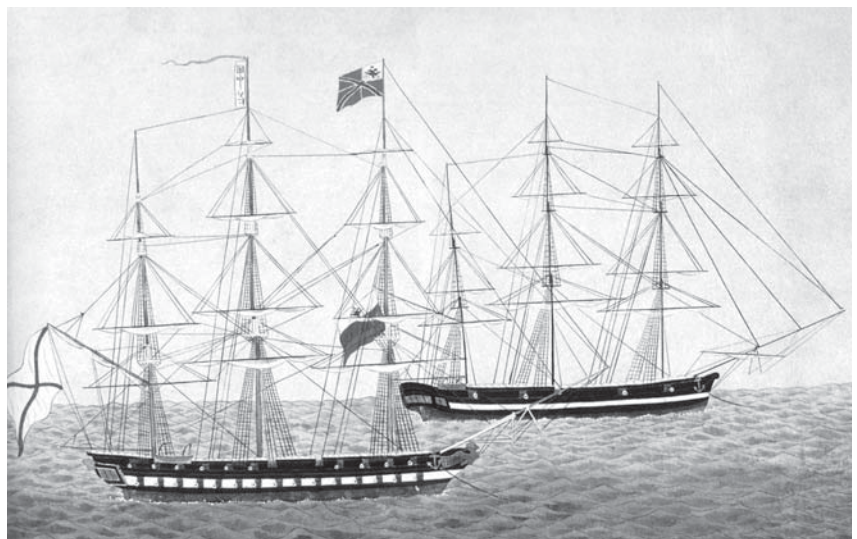
Адмирал докладывал в Петербург: «Для совершенного уравнивания фрегата «Паллада» с военными иностранными судами того же ранга, я счел нужным поставить на фрегат четыре бомбовые 68-фунтовые орудия, которые были приобретены мною, равно как и 60 штуцеров, взятых у двух лучших английских мастеров Ланкастера и Вилькинсона. Сверх того, на моей обязанности лежало озаботиться в Лондоне покупкою вещей, назначавшихся в подарок японцам, в дополнение к отпущенным из России на сей предмет вещам»¹². Решение Путятина об артиллерийском вооружении фрегата надо расценивать как дальновидное и своевременное. Перед началом Крымской войны и до ее окончания 68-фунтовые бомбовые пушки считались самыми мощными морскими орудиями большой разрушительной силы. Кроме обычных чугунных ядер, из них производили стрельбу разрывными снарядами – бомбами, поэтому оснащение «Паллады» таким видом орудий являлось надежным оборонительным средством для операций в Тихом океане.

Команда оставалась в Портсмуте до января следующего года. 6 (18) января 1853 года архимандрит Аввакум торжественно совершил божественную литургию, и фрегат «Паллада» со шхуной «Восток» (командир капитан-лейтенант В. А. Римский-Корсаков) снялись с якорей и вышли со Спитхедско-

го рейда. Моряки вспоминали: «В воскресенье и праздничные дни на фрегате постоянно происходила Божественная служба, от Англии до Японии включительно. Этим духовным утешением мы обязаны попечительности Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала об устройении подвижных церквей на военных судах. В свободное время офицеры постоянно занимались чтением и переводами разных сочинений по части путешествий, но преимущественно лоций и других, относящихся до морского дела книг»¹³. Для россиян Япония оставалась страной загадочной и неисследованной, и из книг судовой библиотеки каждый стремился почерпнуть знания об этом далеком государстве.

В феврале 1853 года, МИД России выслал Е. В. Путятину дополнительные инструкции: чтобы не нарушать законов Японии и не вынудить японцев вообще отказать от переговоров, лучше всего прибыть в порт Нагасаки. В ходе переговоров поднять вопрос об установлении с Японией государственных границ¹⁴.

В августе 1853 года русский отряд судов пришел на вид Нагасаки. В то время единственными европейцами, которым японский император позволил основать небольшую торговую факторию, были голландцы, и именно они предупредили японские власти о приходе четырех русских вооруженных судов. В ответ японцы усилили охрану побережья Кюсю: зажгли сигнальные огни, расстави-

Русские суда

ли сторожевые посты и увеличили количество патрульно-сторожевых судов. Еще за несколько миль до Нагасакского порта японцы выслали навстречу отряду чиновников с предупреждением не входить на внутренний рейд, а остановиться у входа и ждать дальнейших указаний. Путятин докладывал в Петербург: «Японские чиновники, не доверяя нам вполне, несмотря на все уверения в искренности миролюбивых наших видов, приняли меры, чтобы поставить здешний рейд на военную ногу. Мы в трубы наблюдали, как они таскали с места на место орудия и слышали по ночам постоянный стук и шум, движение лодок с одного места на другое. Несколько раз они предупреждали нас, что будут палить, и действительно сделали 15 выстрелов с разных точек с целью показать нам, что их батареи находятся на многих пунктах и орудия содержатся в исправности»¹⁵.

По этому поводу участник экспедиции Путятин И. А. Гончаров, впоследствии известный писатель, отмечал в дневнике: японцы накрывали батареи Нагасаки полосатой материей, но когда «дунул ветерок, занавески заколебались, и обнаружили пушки. В одном месте три с развалившимися станками, в другом одна, без станка». Русские моряки сделали вывод о невысоком уровне состоянии обороны портов Японии в случае нападения с моря¹⁶.

После того как Путятин получил разрешение войти на внутренний рейд Нагасаки, ему сразу же сообщили, что для схода на берег требуется особое разрешение Верховного совета Японии, местопребывание которого находилось в городе Эдо. Поэтому россиянам следует подождать. Ответ из Эдо пришел в Нагасаки 6 сентября: главе российской делегации вице-адмиралу Е. В. Путятину разрешалось сойти на берег и вручить письма японским представителям. Прием у губернатора был назначен на 9 сентября. «Я настоял, – докладывал Путятин, – чтобы нас сопровождал на берег караул из 20 человек с ружьями»; 20 человек офицеров сойдут на берег под российским флагом. После совершения архимандритом Аввакумом божественной литургии и пения «Боже, Царя храни!» на фрегат «Паллада» поднялись японские чиновники для сопрово-

Е. В. Путятин

ждения русских на берег. В это же время «Паллада» и шхуна «Восток» расцвелились флагами, а расставленные по реям матросы огласили воздух троекратным «Ура!». «Картина была поразительная и первая, виденная японцами»¹⁷.

На берегу россиян встретил почетный караул из японских офицеров и сопроводил до дворца губернатора, где их встречали японские чиновники в парадных одеждах. Беседа с губернатором Осава Бунгоно Камисама велась через переводчиков, и после обмена приветствиями Путятин вручил письмо канцлера К. В. Нессельроде, обращенное к членам Верховного совета Японии. Состоявшийся затем торжественный обед завершил первый этап русско-японской встречи; губернатор обещал доставить письмо главы российского МИД в Эдо.

В ожидании ответа моряки установили связь с представителями голландской фактории и закупили у них провизию, но снабжать команды с каждым днем становилось все труднее, так как в Японии запрещалось бить скот, и приобрести мяса было негде. Во время вынужденной стоянки в Нагасаки Ефим Васильевич неоднократно обращался к губернатору с просьбой проследовать в Эдо и напрямую вести там переговоры с представителями Верховного совета, но такие просьбы губернатор всегда отклонял.

Время шло, и в середине ноября 1853 года Путятин принял решение идти в Шанхай, чтобы пополнить запасы и произвести мелкий ремонт судов. Тогда же в ноябре он получил известие из России о том, что на смену фрегату «Паллада» вышел фрегат «Диана», поэтому отправил предписание командиру «Дианы» капитан-лейтенанту С. С. Лесовскому следовать в Татарский пролив, где назначил ему точку randevu. Во время стоянки в Шанхае Путятин направлял к Сахалину шхуну «Восток» с приказом осмотреть западное побережье острова и собрать сведения об удобных бухтах и месторождениях каменного угля. В обращении к Верховному совету Японии он писал: «Грядя Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее заведывании. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, заселенный курильцами и отчасти японцами. Но русские промышленники в давние времена имели поселения на сем острове»¹⁸.

Следующее донесение из Шанхая Ефим Васильевич отправил великому князю Константину Николаевичу: «Возвратившаяся из Татарского залива шхуна «Восток» доставила мне известие о занятии, по Высочайшему повелению, острова Сахалина, и что в заливе Анива уже сделано первое русское заселение». Кроме этого, Путятин доложил, что моряки составили подробную карту рейда Нагасаки и план укреплений этого порта, а также меркаторскую карту Татарского пролива¹⁹.

22 декабря 1853 года отряд российских судов вернулся в Нагасаки. Первую официальную встречу японцы назначили на 31 декабря. Встреча прошла в пышной, торжественной обстановке, но переходить к сути дела японская сторона не торопилась, несмотря на усилия Путятин повернуть переговоры в нужное русло и ускорить их ход. На следующей встрече японские представители подарили россиянам подарки: офицерам и чиновникам шелковые материи и фарфоровые чашечки, а нижним чинам на всех – 100 мешков риса, 1000 ящиков сои и 20 живых свиней. В январе нового 1854 года в Нагасаки начались официальные русско-японские переговоры.

Японская сторона предложила установить границу на острове Сахалин по 50-й параллели, а также заинтересовалась о целях основания русского поста в Аниве. Путятин отвечал: жители Сахалина давно просили императора Николая I взять их под свое покровительство. В результате Николай I распорядился организовать на юге Сахалина военно-сторожевой пост для упреждения занятия острова иностранцами, которым японцы не в состоянии будут оказать сопротивление²⁰. А в Петербурге после получения отчетов Путятина на состоявшемся секретном совещании по тихоокеанским делам рассуждали: если залив Анива «останется во власти японцев, то несомненно, что американцы воспользуются первым предложением, чтобы завладеть оным, как они уже это сделали на Ликейских островах, о чем доносит сам Генерал Адъютант Путятин»²¹.

К середине января Е. В. Путятин получил от японских представителей предварительное согласие на установление торговых отношений и передал им проект договора, попросив по возможности быстрее определиться с вопросом о границах. 21 января (2 февраля) 1854 года адмирал отправил Николаю I шифрованную депешу, на которой император собственноручно начертил: «Хорошее начало»²². Путятин сообщал: «Японское Правительство признало неизбежность сношений и торговых связей с иностранцами, но оно старается всеми мерами отдалить наступление этой эпохи, приводящей его в трепет. Я решился для ускорения дела сперва требовать заключения трактата о дружеских отношениях между обоими государствами, а о границах не настаивать, и на немедленном открытии торговли, которая, по мнению японцев, должна истощить все источники народного богатства»²³.

После этого российские суда вновь отбыли из Нагасаки. Вскоре Путятину доложили, что американская эскадра командора М. Перри вошла в Эдосский залив, а затем приняла под покровительство Соединенных Штатов остров Лучу (Рюкю). В марте 1854 года в городе Канагава (Йокогама) Перри от имени своего президента и правительства заключил с японскими полномоченными договор о мире

и торговом сотрудничестве, по которому Япония открыла часть своих портов для американских торговых кораблей.

26 февраля (10 марта) 1854 года Путятин отправил в Петербург очередное донесение: «Продолжил плавание по Японскому морю, в Амурском заливе, в Татарском проливе». На побережье Татарского пролива моряки обнаружили удобную бухту и наименовали ее Императорская²⁴. Ожидая в этой бухте прихода фрегата «Диана», Путятин узнал о разрыве отношений России с Англией и Францией. Начинаясь Крымская война, и положение малого отряда российских судов на Дальнем Востоке становилось крайне опасным. Английские и французские суда напали на русскую факторию на острове Уруп и высадили десант на Камчатке, а в середине сентября 1854 года Путятин получил сообщение о разрыве с Турцией.

В начальных числах октября фрегат «Диана» вышел из Императорской гавани и через несколько дней прибыл в Осаку. Японские чиновники заявили, что этот порт закрыт для входа иностранным судам, поэтому для переговоров русскому адмиралу следует идти в порт Симода. Сразу по прибытии в Симода Путятин принял меры для безопасности фрегата на случай нападения английских и французских судов.

10 декабря 1854 года в храме Гёкусендзи начались русско-японские переговоры, но на следующий день они были прерваны из-за внезапно начавшегося землетрясения. Фрегат «Диана», стоявший в Симодском порту, сорвало с якорей и закружило в поднявшемся водовороте. Русские вместе с японцами пытались спасти «Диану» и отбуксировать ее в безопасное место, но в конечном итоге операция не удалась, и фрегат разбился. Власти города Симода сделали все возможное для облегчения участи российских моряков: в нескольких километрах от Симода находилась бухта Хэда, на берегу которой были построены казармы для экипажа, кухня и баня, а офицеров поместили в зданиях, принадлежавших местному храму.

Случай с потерей фрегата вынудил Е. В. Путятину отложить переговоры, которые продолжились в январе следующего 1855 года Японская сторона предложила не

устанавливать границу на Сахалине, и Путятин согласился, считая первоочередной задачей заключение торгового соглашения.

26 января 1855 года в храме Гёкусендзи состоялось подписание первого русско-японского трактата, по которому между Россией и Японией устанавливались дипломатические отношения. Японское правительство открывало для русских торговых судов порты Хакодате, Нагасаки и Симода, в которых россиянам разрешалось совершать торговые сделки под контролем японских чиновников, запасаться провизией, высаживать больных для лечения и исправлять повреждения судов. Российским офицерам разрешалось оставлять при себе оружие «и всякие знаки чина и отличия»²⁵.

Итак, свершилось событие большого исторического значения: Россия впервые установила дипломатические и торговые отношения с ранее закрытой Японией. Тем самым, правительство Николая I обеспечило режим наибольшего благоприятствования российскому купечеству и дало возможность бесперебойно снабжать продовольствием российские колонии в Северной Америке, с одной стороны, и заручилось невмешательством Японии в Крымскую войну, с другой. В Петербурге миссию Е. В. Путятина расценили как вполне успешную, в ходе которой ему удалось выполнить поставленную перед ним важную государственную задачу.

Договор подписан, но моряки остались без судна. В одном из уцелевших офицерских сундучков нашли экземпляр Морского Сборника за довоенный 1849 год, где была напечатана статья о постройке шхуны «Опыт», предназначенной для Главного командира Кронштадтского порта. В этой статье имелась базовая техническая информация – главные размерения шхуны, чертеж рангоута и парусов, чертеж мидель-шпангоута и чертеж грузовой ватерлинии, с показанием расположения балласта в трюме и провизии.

Офицеры внимательно изучили эту статью в Морском Сборнике и пришли к единому мнению. Вместо чертежного стола взяли большую опрокинутую бочку, попросили у японцев бумагу и карандаши и при-

ступили к теоретическим расчетам. Путятин докладывал начальству: когда направил к японским чиновникам посыльного, то «вместо сопротивления, какого можно было ожидать, встретил с их стороны полную готовность содействовать нашим предположениям. Японцы очень хорошо оценили этот счастливый случай, дававший им возможность на опыте изучить наше кораблестроение». Моряки передали японцам необходимые сведения для постройки шхуны: размеры деревьев, количество меди и железа, сообщили, какие потребуются инструменты, и просили предоставить место под эллинг²⁶.

2 февраля 1855 года в бухте Хэда состоялась торжественная закладка киля шхуны, получившей наименование «Хэда». Стапельные работы развернулись сразу же и шли полным ходом. Медь, железо и другие материалы японцы привозили из Эдо, а строевой лес русские моряки рубили сами и спускали его с окрестных гор. Прямо на берегу моряки соорудили кузницу и мастерскую, где пряли пеньку и шили паруса, а плотников, кузнецов и мастеровых других специальностей – всего до 60 человек предоставила японская сторона. Рабочее время распределялось так: «Команда

отправлялась на работу в 1/2 6 часа и оставалась там до 1/2 12го часа. Затем по поднятому над храмом флагу отправлялась обедать в казармы. Японские мастеровые оставались в это время у шхуны, садились все в кружок и начинали свой скромный обед, который они приносили в ящичках – состоял из риса, зелени и рыбы». После небольшого отдыха вновь приступали к работам и не расходились до позднего вечера. Моряки вспоминали: «Японцы работали очень усердно, чем немало способствовала новизна работы, чрезвычайно их занимавшая. При постановке шангоутов собиралось обыкновенно немалое число зрителей из японских чиновников и мастеровых». Особенно их занимал процесс выгона смолы из дерева и токарный станок для вытачивания шкивов и блоков, о котором японцы вообще не имели понятия²⁷.

В начальных числах марта 1855 года из порта Симода в Хэду пришла американская шхуна «Carolina Foot», которая послужила россиянам наглядным образцом для продолжения судостроительных работ. На этой шхуне Путятину удалось за большие деньги отправить часть команды в Петропавловск.

Спуск на воду шхуны «Хэда» был назначен на 11 апреля 1855 года,

и этот день навсегда остался в памяти всех россиян, находившихся тогда в Японии и принимавших живое участие в постройке судна. Моряки вспоминали: когда закончились все приготовления к спуску и обрубил найтовы, шхуна вначале медленно, затем очень быстро под крики «ура» сошла на воду; два русских флага – Андреевский и флаг посланника развевались на флашштоках. Команда очень волновалась, так как в случае неудачи уронила бы себя как кораблестроителей в глазах японцев, но все прошло благополучно. Вечером 20 апреля отец Аввакум отслужил молебен, после чего на шхуне состоялся прощальный обед для японских чиновников. В ночь с 20 на 21 апреля шхуна снялась с якоря и взяла курс на Петропавловск. Миссия вице-адмирала Е. В. Путятина закончилась.

После возвращения в Петербург он ходатайствовал об отправлении шхуны «Хэда» в Японию в качестве подарка вместе с пушками, снятыми с фрегата «Диана». После окончания Крымской войны капитан I ранга К. Н. Посыет привел шхуну в Хакодате и торжественно передал японцам; во время церемонии спуска российского флага и подъема японского гремели залпы береговых орудий и батарей.

¹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии. Кн. 1. М., 1891. С. 309.

² РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 154. Л. 21–23.

³ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 11–12.

⁴ Там же. Л. 12–13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 14–15.

⁷ Там же. Л. 36, 39–40.

⁸ Там же. Л. 40.

⁹ Там же. Л. 48.

¹⁰ Там же. Д. 75. Л. 11–13 об.

¹¹ Там же. Л. 47.

¹² Морской Сборник. 1856. № 10. С. 23.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Подробнее см.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 199–200.

¹⁶ Гончаров И.А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 года. Из путевых заметок. СПб., 1855. С. 8.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 202.

¹⁸ Цит. по: Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. М., 1999. С. 189.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75. Л. 203 об., 208. Донесение от 5 (17) декабря 1853 г.

²⁰ См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. С. 157.

²¹ РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 83.

²² РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75. Л. 269.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 214.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 166, 170–171.

²⁶ Морской Сборник. 1856. № 8. С. 279–280.

²⁷ Там же. С. 283, 286.

Мои родственники — участники Русско-японской войны

Е. Г. Удалова

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ Г. Н. СЕЛИВЕРСТОВУ

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

К.Р.¹

Изучение кронштадтской ветви нашего родословного древа начал мой отец, Георгий Николаевич Селиверстов в начале 1990-х годов. Он стал постоянным посетителем, а затем и сотрудником Военно-морского архива. В течение нескольких лет, до самой своей смерти в 2005 году он реставрировал книги и документы в архиве на Миллионной. И, продолжая работы по поиску документов о нашей семье, собрал уникальные сведения о нескольких поколениях и различных ветвях своего рода. Уже после смерти папы я тоже стала изучать наши корни, дополнила собранные им материалы и теперь хочу поделиться интересными семейными историями.

Часть нашего генеалогического древа, включающая в себя рода Алексеевых, Селиверстовых и Ермаковых, — уроженцы города Кронштадта. Почти все мужчины из этих родов служили во флоте. Трое из них участвовали в Русско-японской войне. Первый — брат моего прадеда, Владимир Мартынович Селиверстов (1852 — после 1912), про которого мы знаем очень мало — практически только, что он принимал участие в защите крепости Порт-Артур с 27 января 1904 года в должности шкипера транспорта «Ангара». С дня капитуляции крепости 20 декабря по январь 1905 года был в плену в Японии. В послужном списке отмечен номер «перевязочного свидетельства»², то есть он был ранен. Владимир Мартынович был награжден бронзовой медалью в память событий в Китае, серебряной медалью в память царствования Александра III, серебряной медалью за защиту крепости Порт-Артур на Александро-Георгиевской ленте и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами.

Николай Михайлович Селиверстов.
Около 1908 г.

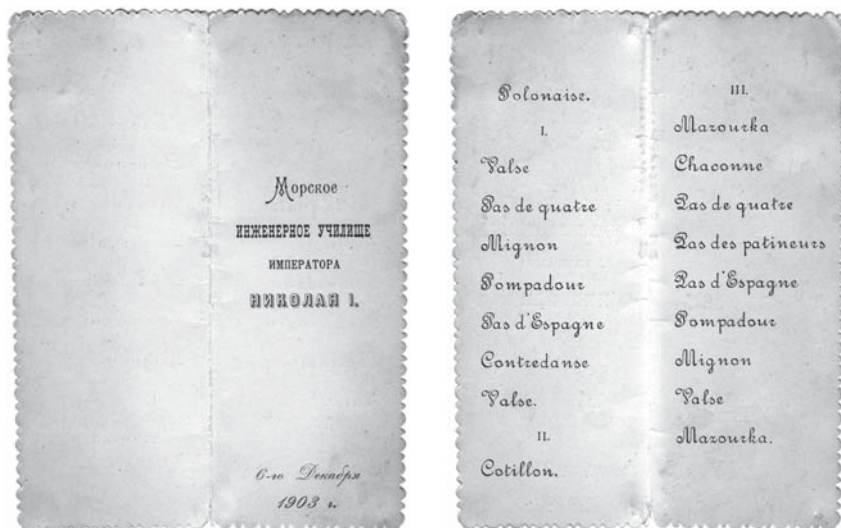
Двое других участников Русско-японской войны, про которых и пойдет речь в этой статье, — мой родной дед Николай Михайлович Селиверстов и двоюродный дед Владимир Петрович Ермаков, приходившиеся друг другу свояками. Их жены — Екатерина Алексеевна (моя бабушка) и Мария Алексеевна были родными сестрами (в девичестве Алексеевы).

Участник обороны Порт-Артура Николай Михайлович Селиверстов родился в Кронштадте 30 декабря 1878 года в семье потомственных военных. После окончания гимна-

зии в 1897 году поступил в Морское инженерное училище императора Николая I. Учился в нем дольше положенного, так как два раза оставался на второй год.

До 1917 года все крупные учебные заведения имели свои домовые церкви. В Морском инженерном училище храм во имя Святителя Николая Чудотворца, покровителя моряков, был освящен в 1847 году. Ежегодно в училище 6 декабря, в День св. Николая Чудотворца, отмечался его храмовый праздник. Обычно он начинался торжественными церковными богослужениями. К концу XIX века пышные торжества по поводу храмового праздника стали традиционными и завершались балом в училище, который становился событием в жизни города. В украшении главного зала, коридоров и других помещений, да и в подготовке всего праздника основную роль играли воспитанники выпускного класса. Каждый год печатались и рассылались красивые пригласительные билеты. «Все, без исключения, дамам при входе раздавали памятные серебряные знаки — так называемые “балльные” жетоны, бутоньерки живых цветов и изящное расписание танцев»³. Последний раз перед началом Русско-японской войны бал в Инженерном училище состоялся 6 декабря 1903 года (во время войны балы не проводились). И несомненно, Николай Селиверстов принимал в нем участие. Нам посчастливилось спустя сто с лишним лет приобрести расписание танцев этого бала в декоративной целлулоидной обложке. Танцы открывались полонезом, затем в двух отделениях были и мазурка, и вальс, и падеспань и другие. А затем началась война...

В связи с началом Русско-японской войны 26 января 1904

Расписание танцев бала в МИУ в 1903 г.

года Николай Михайлович в числе других 34 старших воспитанников механического отделения МИУ досрочно, без защиты дипломного проекта, был выпущен из училища и зачислен в корпус инженер-механиков флота. В этот период (с 1883 года) инженер-механики и корабельные инженеры были лишены военных чинов и приравнялись к гражданским чинам флота, как и корабельные врачи. Естественно, это их очень задевало. Интересный эпизод, показывающий, какое было понятие об офицерской чести у моряков, рассказывает Н. Т. Гуляев в статье «Корабельные инженеры и инженер-механика флота». Со слов инженер-механика Мстислава Петровича Ермакова⁴ он пишет о посещении в 1902 году броненосца «Ростислав» морским министром генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем: «Прибыв на броненосец, Генерал-Адмирал, обходя фронт офицеров, поздоровался с флотскими офицерами, подавая каждому из них руку. Так продолжалось, пока он не дошел до последнего мичмана, после чего не протянул руку инженер-механикам. На следующий день М. П. Ермаков подал рапорт своему августейшему командиру, прося отдать его под суд. Командир долго убеждал его взять рапорт обратно. М. П. Ермаков послушался, а затем ушел в запас, поступив инспектором Русско-Дунайского пароходного общества, державшего рейсы между Одессой и Дунаем, и получил место директора этого Общества»⁵.

Николай II оценил боевые заслуги инженер-механиков во время Русско-японской войны. В августе 1904 года он издал Высочайший приказ за № 159 о переименовании инженер-механиков и корабельных инженеров в офицерские сухопутные чины за боевые заслуги. В 1913 году был упразднен корпус инженер-механиков, и они вошли в общий список флотских офицеров с присвоением морских чинов.

29 января 1904 года младшие инженер-механики так называемого «Императорского выпуска» принимали присягу. Первыми слова клятвенного обещания вслед за батюшкой произносили православные, затем католики и лютеране за своими священниками. На следующий день молодые инженер-механики отправились по железной дороге к месту службы. Поезд отходил с Николаевского вокзала Санкт-Петербурга. Журнал «Нива» поместил гравюру В. А. Табурина, иллюстрирующую отправку на Дальний Восток инженер-механиков, выпускников МИУ (ошибочно названа «Отправка на Дальний Восток мичманов, новопроизведенных ранее срока в Морском кадетском корпусе»).

Николай Михайлович Селиверстов был направлен в Квантунский флотский экипаж. 19 февраля он прибыл в Порт-Артур, а уже 20-го был назначен на эскадренный броненосец «Ретвизан».

Броненосец «Ретвизан» строился по программе усиления Императорского флота в ответ на активную подготовку Японии к

войне. Он строился в Филадельфии на заводе фирмы В. Крамп и Кои, 10 октября 1902 года поднял флаг и выпел. Командиром назначили капитана 1-го ранга Э. Н. Щенсновича. К началу Русско-японской войны это был лучший корабль своего класса в российском флоте. Но у него были и определенные недостатки. На «Ретвизане» были установлены две вертикальные паровые машины тройного расширения и 24 водотрубных котла системы Никлосса – главное хозяйство инженер-механиков. Это были современные и мощные машины, но в условиях боевых действий они оказались не очень надежны и даже капризны в работе и сложны в ремонте. Для их обслуживания требовалась многочисленная, хорошо обученная команда. «Главный их недостаток – это то, что они требовали к себе внимания и не терпели разгильдяйства»⁶.

До 24 ноября 1904 года Николай Михайлович участвовал в защите Порт-Артура и в сражениях с японским флотом. Как известно, «Ретвизан» был серьезно поврежден первой же торпедой, выпущенной японцами, и вообще был одним из наиболее пострадавших кораблей. Несколько раз за время обороны Порт-Артура он получал пробоины от торпед и снарядов, принимал многие тонны воды, в результате чего садился на мель. Вот как описывает бой 28 июля 1904 года очевидец, редактор порт-артурской газеты «Новый край» Е. К. Ножин: «...“Ретвизан”, эта стальная громада, очутился словно в гигантском кипящем котле. Вокруг него непрерывно вздымались огромные столбы воды меньшей и большей высоты. Противник всю силу орудийного огня направил на него, буквально засыпая его снарядами всех калибров»⁷. Но «Ретвизан» снова и снова восстанавливали, заделывали пробоины, откачивали воду. Огромный объем ремонтных работ приходилось производить механикам и экипажу, чтобы возвращать корабль в строй. И все это под непрекращающимся обстрелом и продолжая вести ответный огонь.

После того как корабль был настолько поврежден, что уже не мог принимать участие в военных действиях и 24 ноября затонул, Николай Михайлович получил новое

назначение. Из приказа командира Порт-Артура контр-адмирала Григоровича от 29 ноября: «...Младший инженер-механик Селиверстов – заведывать командой броненосца “Ретвизан”, назначенной для обороны берега между “Золотой” и “Крестовой” горами»⁸. Н. Селиверстов принимал участие в обороне берегового фронта до дня сдачи Порт-Артура 20 декабря 1904 года. В этот же день затонувший «Ретвизан» был взорван своей командой.

«Ретвизан» впоследствии был поднят японцами, восстановлен и введен в состав военно-морского флота Японии под названием «Хидзен». Он прослужил до июля 1924 года, когда, переоборудованный в плавучую мишень, затонул в проливе Бунго, изрешеченный снарядами дредноутов. Интересно, что в 1919 году во время японской интервенции он стоял на рейде Владивостока, и его вполне могли видеть дети из Петроградской питательной колонии, в которой были две мои родные тети Тая и Настя Альбрехт⁹.

После сдачи Порт-Артура 20 декабря 1904 года офицерам, давшим подписку не участвовать в дальнейших боевых действиях против Японии, разрешено было вернуться в Россию, остальные шли в плен. Селиверстов, как и большинство офицеров, предпочел остаться со своим экипажем и разделить его участь. Имя Николая Михайловича Селиверстова есть в списке «адмиралов, офицеров флота, пробывших в Порт-Артуре во время всей осады и затем вслед за нижними чинами добровольно ушедшими в японский плен»¹⁰. В. П. Костенко в книге «На “Орле” в Цусиме» пишет: «...С “Суворова” были получены последние приказы, а также доставленные из Главного Морского штаба списки офицеров, возвращающихся из Порт-Артура в Россию и задержанных в плену в Японии. Я нашел фамилии многих товарищей-механиков моего выпуска: Георгизон на “Сердитом” прорвался в Чифу, Сачковский и Гебенштрейт раненые остались в Порт-Артуре, Толмачев, Улановский, Титов и Селиверстов задержаны в плену»¹¹.

Петербургские дворянки решили поддержать русских воинов и подписали обращение «Офицерам Порт-Артурского гарнизона, добровольно идущим в плен».

Богу угодно было, чтобы твердыня Порт-Артура, после доблестной, беспримерной в истории защиты ее вами, русскими героями, перешла в руки врага. После невероятных трудов, страданий и лишений, в сознании свято исполненного долга, вы могли бы теперь возвратиться в Россию к своим семьям, родным и друзьям, но вы этого не сделали, вы решили завершить подвиг воинский подвигом нравственного самопожертвования, вы остались с вашими солдатами в далеком, тяжелом плену.

С умилением преклоняясь перед таким светлым проявлением твердой воли и преданности долгу, мы, все нижеподписавшиеся, просим вас принять от нас, гордящихся вашими подвигами, это слово глубокого уважения и искреннего восторга, надеясь, что оно принесет вам хотя бы малое утешение вдали от родины»¹². Далее на 20 страницах идет список подписавшихся дам.

С 22 января 1905 года до 21 января 1906 года Николай Михайлович Селиверстов находился в плену в городе Мацуяма на острове Сикоку. Это был самый большой лагерь, содержащий 6019 военнопленных (на 30 000 местного населения). Всего в плену в Японии было 70 000 человек. В 1899 году в Нидерландах был заключен Гаагский международный договор, требующий гуманного обращения с военнопленными. Этот договор подписали и Россия, и Япония. И обе стороны добросовестно его соблюдали: «Временное положение 1904 года о военнопленных Русско-японской войны. Общие положения.

<...> 3. С военнопленными надлежит обращаться человеколюбиво, ибо они не преступники, но законные защитники своего отечества и исполнители своего патриотического долга»¹³.

Личная карточка военнопленного Николая Селиверстова. Архив ВМФ

По теперешним меркам, зная о концлагерях Второй мировой войны и советских лагерях, условия для военнопленных офицеров были достаточно сносные. Хотя положение нижних чинов, которых содержали отдельно, было значительно хуже, они недоедали, мерзли, их не отпускали из лагеря.

В акте о капитуляции Порт-Артура было сказано, что офицерам оставляют их личное холодное оружие: «Капитуляция Порт-Артура: <...> Ст. VII. В воздаяние почести храбрым защитникам Порт-Артура, русским военным и морским офицерам и чиновникам разрешается носить холодное оружие и иметь при себе предметы, необходимые для их жизни...»¹⁴. Но по прибытии в Мацуяму оружие отобрали.

Местные жители с большим интересом встречали пленных. Они приходили на вокзал посмотреть на русских и выразить им, храбрым воинам, свое уважение. Иногда даже приносили им цветы и сувениры. Вообще отношение в основном было уважительное и доброжелательное. Г. Г. Селецкий писал: «Когда мы только прибыли в Мацуяму, к нам явился заведующий местной агрономической частью и просил дать ему список овощей, которые любят русские, для того чтобы выписать семена их. Осенью того же года на многих огородах в окрестностях Мацуямы уже можно было встретить эти овощи, рассада которых раздалась с участка с опытного поля, и бравшим ее объяснялся уход за выращиванием взятой рассады»¹⁵.

Для обслуживания старших офицеров им были оставлены вестовые. Всем пленным были присвоены номера. В личной карточке военнопленного Николая Селиверстова, хранящейся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота, он также указан – № 559.

Всем военнопленным разрешили взять с собой определенное количество багажа. Поселили их вначале в бараках, которые до этого служили госпиталем для военнопленных. Потом некоторых перевели в буддийские храмы, нанятые для этого у частных лиц. Дело в том, что японцы иногда сдают свои храмы для различных целей. Помещения отапливали горшками с горячими углями (хибачи) или

маленькими переносными печками, что не спасало от холода. Все бывшие военнопленные отмечали, что их главное ощущение – постоянный холод. В воспоминаниях лейтенанта С. Н. Тимирева написано: «...на ночь это “отопление” выносилось наружу (из опасений пожара), так что по ночам температура в нашем бараке опускалась до +2°–3°; мы спасались от холода тем, что покрывали себя 4-5 одеялами, выданными нам японцами»¹⁶.

Японцы сочувствовали русским пленным и часто навещали их. Посетители с сувенирами и продуктами приходили в лагерь в любое время. Г. Г. Селецкий писал в своих воспоминаниях, что по распоряжению начальника лагеря пленные «должны теперь же назначить время, в которое нам будет удобнее принимать посетителей, так как многие японцы, даже приезжие из других городов, желают нам высказать свое “сочувствие и утешение” и на это имеется разрешение из Токио»¹⁷.

Все удобства были на улице. Офицеры имели возможность покупать необходимые вещи и продукты в лавочках при бараках или в городе, куда их иногда отпускали по несколько человек в сопровождении охраны.

Офицер К. Шумский, раненный в бою, также находился в плену в Мацуяме. Он приводит 12 пунктов «Правил для военно-пленных офицеров для свободных прогулок.

1) Военнопленным офицерам ныне разрешаются свободные прогулки. Отношения их между собою, а равно к окружающей среде, должны быть проникнуты правилами благородства и воинской чести.

2) Военнопленным офицерам разрешаются свободные прогулки по городу Мацуяма, причем район прогулок ограничивается площадью круга четырехверстного радиуса, <...>

3) Эти прогулки разрешаются военнопленным офицерам по понедельникам, средам, пятницам от 8 до 12 часов дня, по вторникам, четвергам и субботам от 12 час. с полудня до 6 час. вечера, исключая воскресных и японских праздничных дней.

4) Посещение горячих ванн (До-го) разрешается военнопленным офицерам исключительно по вторникам, четвергам и (пятницам) субботам. <...>

7) Военнопленные офицеры при сношении с местными жителями должны избегать грубого обращения. <...>

20 апреля 38 года Мейдзи. По русскому стилю 7-го апреля 1905 г. Начальник военнопленного управления г. Мацуямы полковник Кооно»¹⁸.

Город Мацуяма известен самыми большими в Японии плантациями мандаринов и мягким климатом. В полутора верстах от города, в Дого находится насчитывающий более 1500 лет горячий источник. Термальные серные ванны лечат кожные заболевания. Пленные небольшими группами в сопровождении японского солдата гуляли, купались в горячих ваннах, заходили в чайные, лавочки, фотоателье, общались с местными жителями. Некоторые пленные держали певчих птиц в клетках и даже в вольерах. Встретившиеся на улице японские солдаты отдавали честь русским офицерам.

Пленные имели возможность подавать протесты и заявления через французского консула. Также через французскую сторону они частично получали деньги на свое содержание за счет российского правительства. Письма и посылки пересылались бесплатно через Бюро пленных в Токио. Вся переписка подвергалась строгой цензуре: «Японское начальство страшно осложнило переводчиков нелепым распоряжением, чтобы

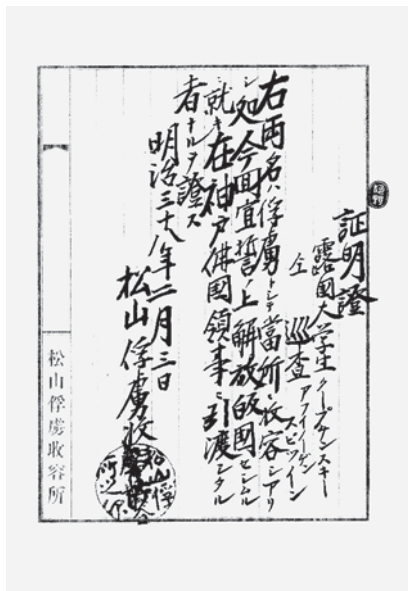
со всех писем (как получаемых, так и отправляемых) снимались копии; газеты также разбирались, каждая в отдельности, вследствие чего они приходили перепутанными, в растерзанном виде; очевидно, как все это затрудняло наши сношения с родиной»¹⁹.

У нас сохранились две фотографии Николая Михайловича, сделанные в Японии в плену. Но надо сказать, что по сравнению с другими его фотографиями на этих он имеет крайне угнетенный вид. Да это и неудивительно. Ф. П. Купчинский в предисловии к своей книге «В японской неволе» писал: «Кто не был сам в плену, тот не понимает всего, что подразумевается в этом слове: там и унижение, и обида, и жалость к другим, и жгучая тоска по свободе и родине, страшная тягость бесцельной, томительной неизвестности, горькие минуты нарождающихся событий внутренней безыдейной, бессмысленной жизни <...> и много, много еще другого, о чем говорить можно было бы очень долго...»²⁰

В ноябре 1905 года русских пленных начали возвращать на родину. Первыми начали отпускать портартурцев. Для передвижения по Японии начальник лагеря выдавал документ на японском языке, свидетельствующий об освобождении военнопленного. Его необходимо было предъявлять в японских городах, на железнодорожных станциях, в портах и в гостиницах. Вот его

Мацуяма. Справа – Николай Михайлович Селиверстов, в центре – Рожден Арошидзе. 1905 г.

Документ об освобождении военнопленного.
Книга: Ф. П. Купчинский. В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. СПб., 1906 г.

перевод: «Такого-то года, такого-то числа русский подданный такой-то, освобождается из плена и сдается временно французскому консулу для отправления на родину, почему выдается настоящий пропуск, разрешающий беспрепятственно проезд через японские города. Мацуяма. Полковник Кооно»²¹.

Синтаро Накамура писал: «Каждый раз, когда корабль с репатриантами уходил из порта, его провожали все, вплоть до начальника лагеря. Унтер-офицерам и офицерам, а также солдатам выдавалось по 200 сигарет и по записной книжке, на обложке которой была фотография с видом замка Мацуяма. К тому же каждому вручался еще комплект открыток с видами Мацуяма»²². Мой отец, Г. Н. Селиверстов, вспоминал: «У нас дома в Ораниенбауме хранились привезенные отцом из Японии чайный лаковый сервиз из папье-маше (снаружи черный, внутри – золотой), в который можно было наливать горячий чай; японский калейдоскоп, макет японского плавучего дома из слоновой кости под стеклянным футляром, грелка для ног с угольными пакетиками в виде сосисок (хибачи), много открыток с изображениями кораблей и видов Японии. В большой комнате стоял манекен в полном самурайском костюме. В этом костюме мой

брат Владимир ходил на маскарад в школу. Все это также пропало во время блокады. Открытки были проданы за бесценок какому-то коллекционеру».

21 января 1906 года Николай Михайлович был отпущен из плена. В Центральном государственном архиве Военно-морского флота хранится «Циркуляр Главного Морского штаба за № 46 от 6 февраля 1906 года». В нем, в частности, говорится, что «согласно полученных от Капитана 1-го ранга Ван-дер-Шкрюфа телеграмм, из числа находившихся в плену офицерских чинов прибыли: <...> Во Владивосток в наличие Сибирского флотского экипажа: лейтенанты Пилсудский, Круссер, Корпуса инженер-механиков флота поручик Селиверстов»²³. Последних пленных из Мацуяма отправили 16 февраля 1906 года.

Николай Михайлович имел знак «Защитника Порт-Артура» и серебряную медаль «В память Русско-японской войны 1904–1905 годов».

По возвращении из плена Николай Михайлович продолжал службу на Балтийском флоте (за исключением двух лет в Каспийской флотилии) и закончил ее механиком Кронштадтского порта в чине капитана 2-го ранга.

В 1910 году Николай Селиверстов женился на выпускнице Ксенинского института Екатерине Алексеевне, дочери штабс-капитана

по Адмиралтейству Алексеева. У них родились дети: Константин, Ольга, Владимир и Георгий.

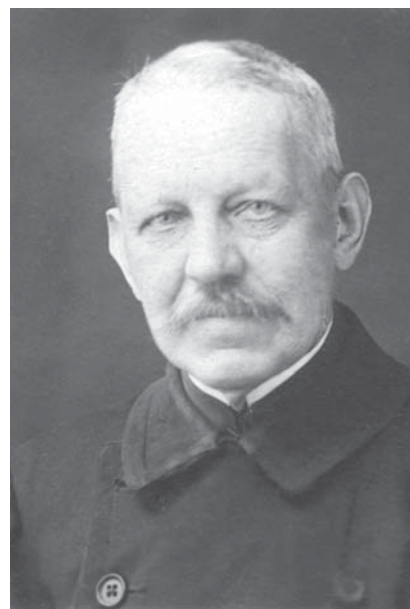
Во время Февральской революции нижние чины восставшего Кронштадтского флота убивали офицеров, и в том числе героев Русско-японской войны. Матросы с корабля, на котором служил Николай Михайлович, проводили его домой.

При советской власти Николай Михайлович продолжал служить на разных должностях, последняя – начальник железно-котельной мастерской судоремонтного завода. После 1928 года он потерял работу и был выслен из Кронштадта со всей семьей как неблагонадежный. Семья поселилась в Ораниенбауме, на работу ездили в Ленинград. Селиверстов еще какое-то время работал на Путиловском заводе, но тоже был уволен как царский офицер. Больше работу он не смог найти, семья очень бедствовала, голодала. В 1935 году Николай Михайлович умер от заражения крови и был похоронен в Ораниенбауме.

Несмотря на страшное время, его жена, Екатерина Алексеевна, хранила не только фотографии мужа, но и его эполеты, мундир, треуголку, кортик и Андреевский флаг. Все это, кроме семейных фотографий, пропало во время блокады. Во время войны Ораниенбаумский пятачок подвергался массированным обстрелам и бомбежкам, за него

Екатерина Алексеевна – жена Н. М. Селиверстова. 1908 г.

Николай Михайлович Селиверстов, 1930-е гг.

шли ожесточенные бои. Кладбище, где был похоронен Николай Михайлович, было частично разбито, а частично занято братскими могилами погибших в боях и от голода, и его могила утеряна.

Во время блокады Ораниенбаум снабжался продуктами еще хуже, чем Ленинград. Жестокий голод удалось пережить лишь Екатерине Алексеевне и Георгию, моему отцу.

Владимир Петрович Ермаков, мой двоюродный дед, был участником Цусимского сражения. Он родился в семье дворян города Кронштадта. После обучения в реальном училище, в 1887 году «окончил полный курс в/морского училища»²⁴ (Морской корпус). Вся его служба проходила на Балтийском флоте. К началу Русско-японской войны Владимир Петрович успел послужить на нескольких кораблях и исполнял разные должности: был вахтенным начальником, ревизором, штурманом. В 1899 году окончил добавочные двухмесячные курсы штурманского дела и «краткий курс минного дела в минных офицерских классах в Кронштадте»²⁵.

В октябре 1903 года лейтенант Ермаков «назначен старшим офицером на крейсер “Владимир Мономах”»²⁶. В этой должности его и застала война с Японией. Ход войны складывался неблагоприятно для русской армии. 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского была отправлена на Дальний Восток 2 октября 1904 года. Эскадре предстояло совершить беспрецедентный тяжелейший переход в 18 тысяч миль через три океана. 3 февраля 1905 года ей вдогонку в составе отряда Николая Ивановича Небогатова вышел и «Владимир Мономах». Они встретились в апреле 1905 года, а 14 и 15 мая у острова Цусима произошел бой, в результате которого была разгромлена 2-я эскадра Тихого океана.

В течение первого дня Цусимского сражения «Владимир Мономах», прикрывая наши броненосцы и транспорты, неоднократно открывал огонь по вражеским миноносцам. В рапорте командира крейсера Попова в Главный Морской штаб отмечено: «...В 10 ч. 25 м. утра, с флагманского крейсера “Оле”», сигналом приказано: “Владимиру Мономаху” быть с правой стороны транспортов

Владимир Петрович Ермаков.
1902 г.

для охраны их»²⁷. Описывая ход боя, лейтенант Николай Нозиков писал, что японские корабли своими действиями старались не дать нашей эскадре уйти на север, удерживали ее на месте. При попытках наших кораблей прорваться «огонь неприятеля усиливался, наши крейсера и транспорты начинали метаться и временно выходить из строя. “Владимир Мономах” несколько раз закрывал их и принимал огонь на себя»²⁸.

Вечером 14 мая крейсер был торпедирован в правый борт и получил сильный крен, так как три угольные ямы оказались затоплены. Ночью японские миноносцы еще несколько раз атаковали «Владимира Мономаха», который также открывал ответный огонь. Владимир Петрович Ермаков «был контужен взрывом мины»²⁹, но остался в строю.

Утром 15 мая около острова Цусима топки котлов оказались залитыми водой, и крейсер остановился. Видя, что корабль гибнет, на воду стали спускать исправные плавсредства для раненых и больных. Остальные члены команды спасались на плотках, спасательных кругах, буйках и койках. Часть команды высадилась на берег острова Цусима, часть подобрала японцы. К «Владимиру Мономаху» подошли японские крейсера «Садо-Мару» и «Манджу-Мару». По приказу командира капитана 1-го ранга Владимира Александровича Попова были открыты кингстоны. Высадившись на крейсер со шлюпок, японцы уви-

дели, что он обречен и буксировать его нельзя. Они покинули тонущий корабль, заставив сойти в шлюпку и командира Попова и старшего офицера Ермакова. 15 мая около двух часов ночи «Владимир Мономах» затонул «с развевающимся Андреевским флагом на 60-ти сажен. глубине. Всех офицеров и команду, как съехавших на берег, так и забранных на транспорты, японцы доставили в Сасебо»³⁰. В 1912 году японцы установили памятник команде «Владимира Мономаха» на острове Цусима на месте их высадки. В мае 2012 года он был повторно торжественно открыт после восстановления.

Командир Попов отметил Ермакова в своем рапорте: «...Офицеры и команда крейсера во время всего боя и отражения минных атак вели себя выше всякой похвалы, и я могу сказать, что все исполнили свой долг. Считаю своей обязанностью донести, что старший офицер Капитан 2-го ранга Ермаков, штурманский офицер лейтенант Орлов, мичман Лукомский, артиллерийский офицер лейтенант Нозиков, мичман Павлинов, трюмный механик поручик Эльсберг, прапорщик по морской части Джорж, приложили очень много усердия к делу»³¹.

26 офицеров крейсера «Владимир Мономах» и в том числе командир Попов и старший офицер Ермаков оказались в японском пле-

Семья Ермаковых: Владимир Петрович, Мария Алексеевна, Сергей, Раиса. Около 1910 г.

ну. Владимир Петрович находился в плену в городе Канадзава семь месяцев и вернулся во Владивосток 13 декабря 1905 года.

После Русско-японской войны Владимир Петрович Ермаков продолжал службу на Балтийском флоте. Был командиром учебного судна «Николаев», затем начальником Учебного отряда подводного плавания. В марте 1917 года по выбору команды, служащих и мастеровых вступил в обязанности командира Кронпорта. Службу продолжал и при советской власти. В 1923 году был удостоен звания Героя строительства Красного флота.

От службы Владимир Петрович уволился в мае 1928 года по болезни.

В июле 1928 года он скончался и был похоронен на кронштадтском кладбище. Гроб с его телом моряки-сослуживцы несли на руках через весь город.

На кладбище в Мацуяма, где был самый большой лагерь военнопленных, осталось 98 русских могил. Надгробия стоят аккуратными рядами, все они обращены лицом на север, в направлении России. После Второй мировой войны жительницы Мацуямы привели в порядок могилы, регулярно убирают их и ставят цветы. Сейчас местная молодежь и волонтеры объединились в Общество охраны русского кладбища и поддерживают там образцовый порядок. Каждый год в марте проводят заупокойную служ-

бу, на которой присутствуют многие жители и мэр города.

В России тоже были пленные японцы. Их поместили в деревне Медведь Новгородской области. Местные жители тоже, как могли, поддерживали попавших в беду людей. И так же сейчас ухаживают за могилами и мемориалом в память умерших на чужбине японцев. Об этом в 2010 году японская телерадиокомпания NHK города Мацуямы сняла документальный фильм.

Несмотря на разногласия политиков и руководителей стран, простые люди могут относиться друг к другу с пониманием и сочувствием. В трудных ситуациях они готовы жалеть, помогать и поддерживать.

- ¹ К.Р. «Портартурцам» Декабрь 1905 г.
- ² Послужной список Шхипера, коллежского Ассессора Владимира Мартыновича Селиверстова. 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4341. Л. 11.
- ³ Наймушин И. Н. Итальянский дворец в Кронштадте. Краткий очерк истории здания. СПб.: Свое издательство, 2011. С. 126.
- ⁴ Мстислав Петрович Ермаков (1873, Кронштадт – 1960, Париж) – брат Владимира Петровича Ермакова.
- ⁵ Гуляев Н. Т. Корабельные инженеры и инженер-механики флота // Морские записки. 1962. Т. XX. № 3–4 (57). С. 87.
- ⁶ Балакин С. А. Эскадренный броненосец «Ретвизан». М.: Коллекция; Яуза; Эксмо, 2005.
- ⁷ Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. Т. 2. СПб., 1907.
- ⁸ Приказы Командира Порта-Артур. Порт-Артур, 29 ноября 1904 г. № 1993.
- ⁹ Подробнее о Петроградской питательной колонии читайте в этом же номере статью Ольги Молкиной «Йомей Мару» – корабль гуманизма» и статью Е. Селиверстовой и Е. Удаловой «Семья Альбрехт и Детская питательная колония (1918–1921)» в № 2 (66) в журнале «История Петербурга» за 2012 год.
- ¹⁰ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито: Впечатления молодого офицера о войне и плене. СПб.: Тип. СПб. Т-ва Труд, 1907. Ч. 1. С. 343.
- ¹¹ Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. СПб.: Гангут, 2007. С. 446.
- ¹² Обращение женщин-дворянок «Офицерам Порт-Артурского гарнизона, добровольно идущим в плен» // ГРИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1015. 1905.
- ¹³ Департ. Гос. Казначейства. По проекту положения о военнопленных РЯВ. ГРИА. Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 565. 104 л. 1904–1905. Л. 11.
- ¹⁴ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 9.
- ¹⁵ Селецкий Г. Г. 646 дней в плену у японцев. СПб.: Березовский, 1910. С. 82, 209.
- ¹⁶ Воспоминания лейтенанта Тимирева С.Н. Жизнь в плену в Японии (с 1 января 1905 г. по январь 1906 г.) // РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.
- ¹⁷ Селецкий Г. Г. 646 дней в плену у японцев. СПб.: Березовский, 1910. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁸ Шумский К. В плену у японцев // ИВ (исторический вестник). 1907. Т. 108. № 5. С. 492.
- ¹⁹ Воспоминания лейтенанта Тимирева С. Н. Жизнь в плену в Японии (с 1 января 1905 г. по январь 1906 г.) // РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.
- ²⁰ Купчинский Ф. П. В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. СПб., 1906. Предисловие.
- ²¹ Там же. С. 254–255.
- ²² Накамура С. «Японцы и русские». Из истории контактов / Пер. с яп. с сокр. Салтыкова В. Я. М.: Прогресс, 1983.
- ²³ Циркуляр Главного Морского штаба за № 46 от 6 февраля 1906 года.
- ²⁴ Послужной список на Ермакова Владимира Петровича. 1926 г. // РГА ВМФ. Ф. р-2192. Оп. 3. Д. 946. Л. 1 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 23 об.
- ²⁷ Копия рапорта командира крейсера 1-го ранга «Владимир Мономах», Капитана 1-го ранга Попова, в Главный Морской штаб // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. СПб., 1907. С. 405.
- ²⁸ Копия донесения управляющего артиллерийским огнем крейсера «Владимир Мономах», лейтенанта Николая Нозикова, о сражении крейсера 14-го и 15-го Мая 1905 года // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. СПб., 1907. С. 427.
- ²⁹ Послужной список на Ермакова Владимира Петровича. 1926 г. // РГА ВМФ. Ф. р-2192. Оп. 3. Д. 946. Л. 24.
- ³⁰ Копия рапорта командира крейсера 1-го ранга «Владимир Мономах», Капитана 1-го ранга Попова, в Главный Морской штаб // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. СПб., 1907. С. 413.
- ³¹ Там же. С. 414.

Сведения об авторах

АМИРХАНОВ Леонид Ильясович – писатель, историк-маринист, издатель.

БАСС Ирина Исаевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

ВАСИЛЬЕВ Константин Борисович – филолог, переводчик, редактор.

ВАСЮКОВА Ми́ра Львовна – заведующая Детской библиотекой истории и культуры Петербурга (филиал №2 ЦГДБ им. А.С.Пушкина).

ГРЕБЕНЩИКОВА Галина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ИЗМОЗИК Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

КАДЗИ Масанори – профессор аспирантуры (Теория принятия решений и технологии) Токийского технологического института (Йокогама, Япония).

КЛЕЙН Павел Петрович – кандидат педагогических наук, дизайнер мобильных интерфейсов ООО «ЯНДЕКС».

КРАВЧУК Зоя Викторовна – журналист радио «Петербург», лауреат высшей журналистской премии России «Золотое перо».

МОЛКИНА Ольга Ивановна – преподаватель, координатор Проекта международной солидарности «Над нами Красный Крест», независимый исследователь.

МУДРАК Маргарита Федоровна – председатель правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества.

РЫБИН Виктор Викторович (1949–2014) – востоковед-филолог, преподаватель японского языка и литературы, заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета СПбГУ, доктор филологических наук, профессор. Председатель правления Общества дружбы с Японией в Санкт-Петербурге.

САМОЙЛОВ Николай Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

СЕЛЕЗНЕВ Никита Валерьевич – директор ООО «СОЛНЦЕ-САН».

СПИСТ Елена Александровна – преподаватель Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, дипломант Международных конкурсов, член Союза концертных деятелей России.

ТИХОЦКАЯ Мария Анатольевна – студентка 4-го курса факультета международных отношений СПбГУ.

ТИХОЦКИЙ Анатолий Игоревич – действительный член Русского географического общества, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

УДАЛОВА Екатерина Георгиевна – энтомолог, независимый исследователь, Санкт-Петербург.

ФИЛИППОВ Александр Викторович – председатель Общества дружбы «Россия – Япония», профессор Восточного факультета СПбГУ.

ФИЛИППОВ Евгений Александрович – сотрудник Российской национальной библиотеки.

ХАДЖИНОВ Василий Сергеевич – заместитель генерального директора в русско-японской торговой компании.

ЧЕРНАЯ Тамара Александровна – главный библиотекарь, куратор рукописного фонда и фонда ценной и редкой книги отдела Библиотеки РАН при Ботаническом институте им. В. Л. Комарова РАН.

История Петербурга журнал

№ 1 (71) 2015

Главный редактор **С. Н. Полторак**

Корректор **Н. М. Баталова**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Полторак»

Подписано в печать 25.03.2015. Формат 60 x 84 1/8

Объем 13 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1800) экз.

Отпечатано в типографии «ОМЕГА ПРИНТ»

192212, Санкт-Петербург, ул. Белградская, д. 30, лит. А, пом. 15 Н.

Заказ № 43152

Цена свободная